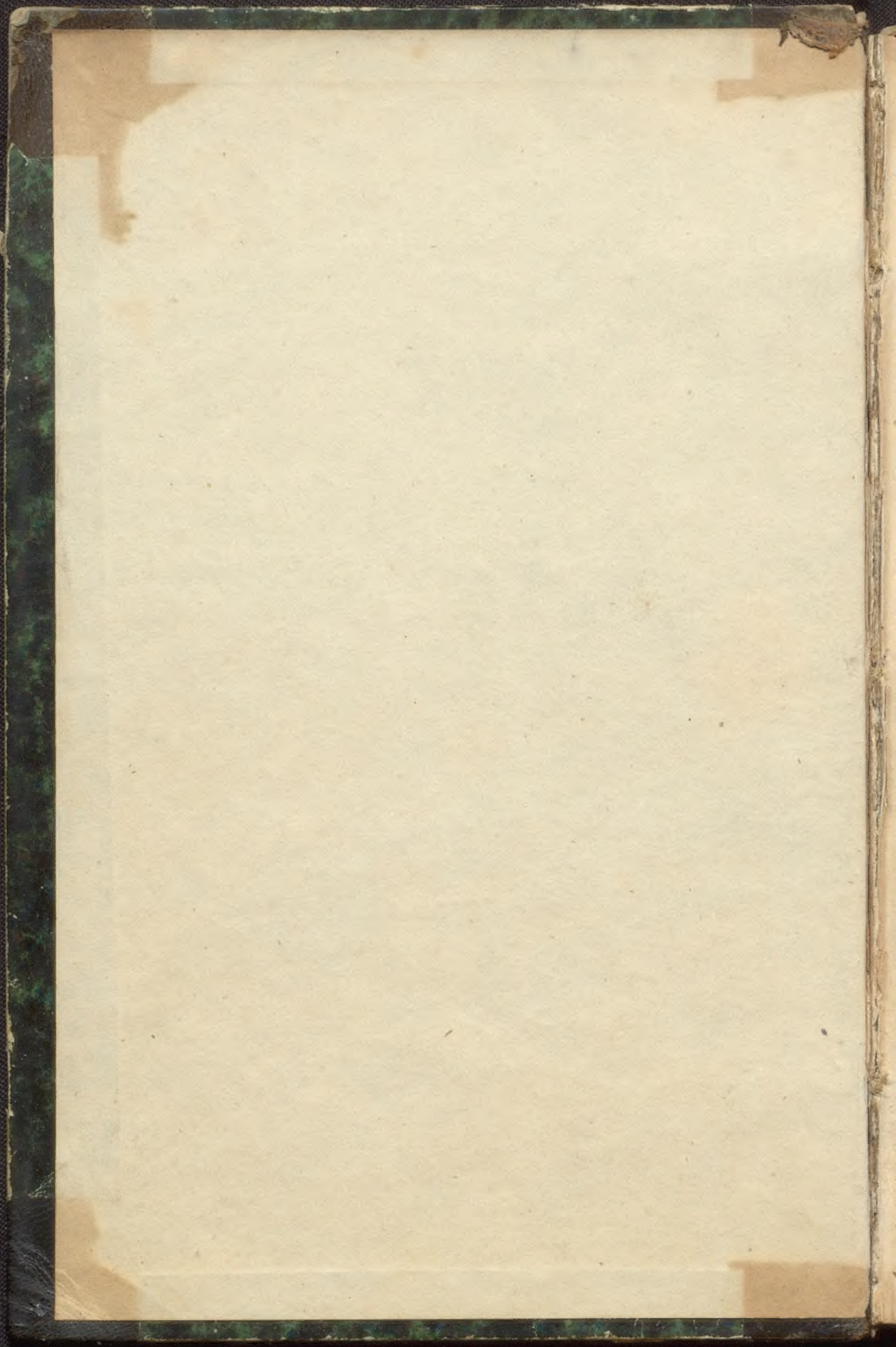
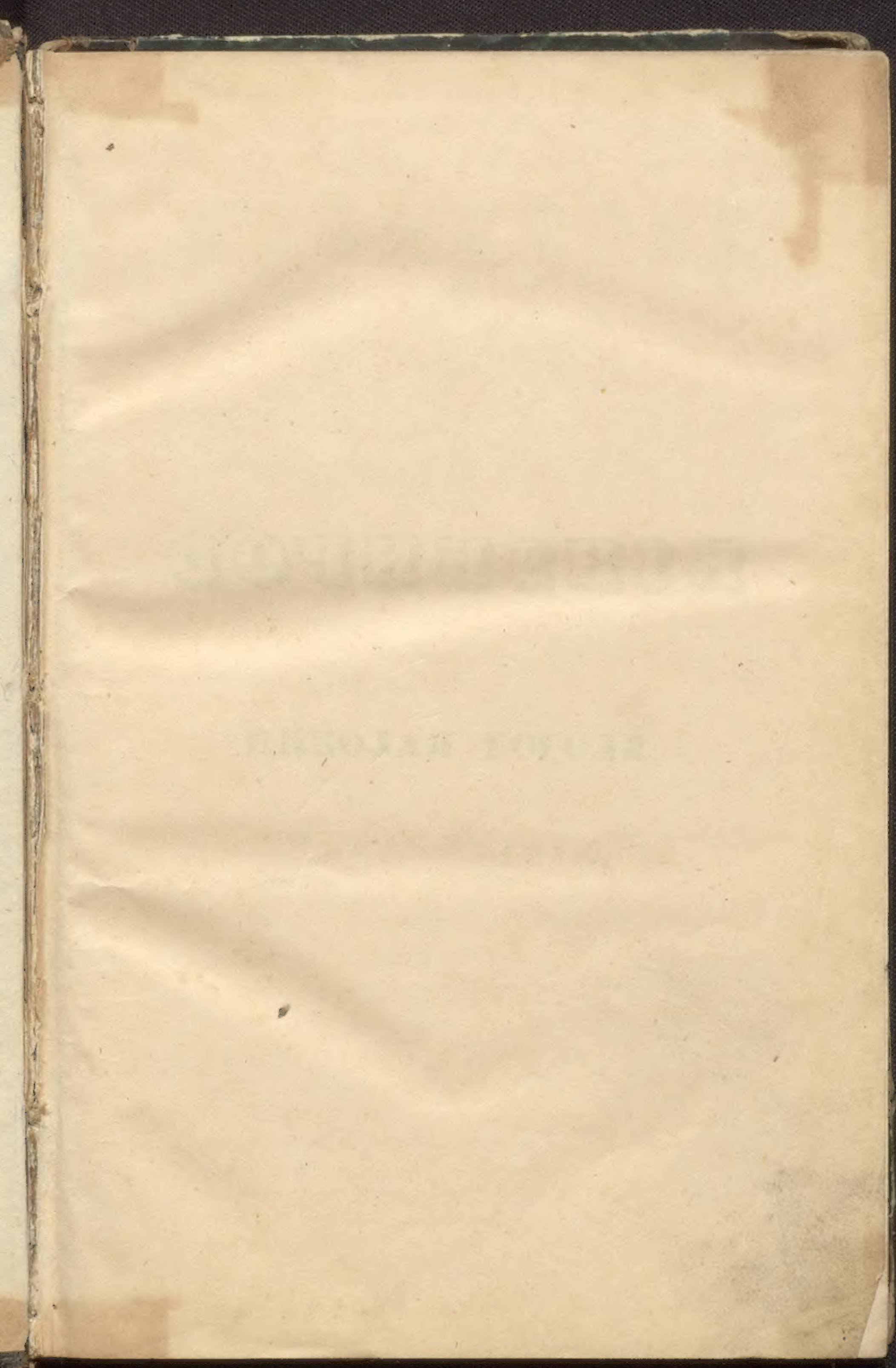
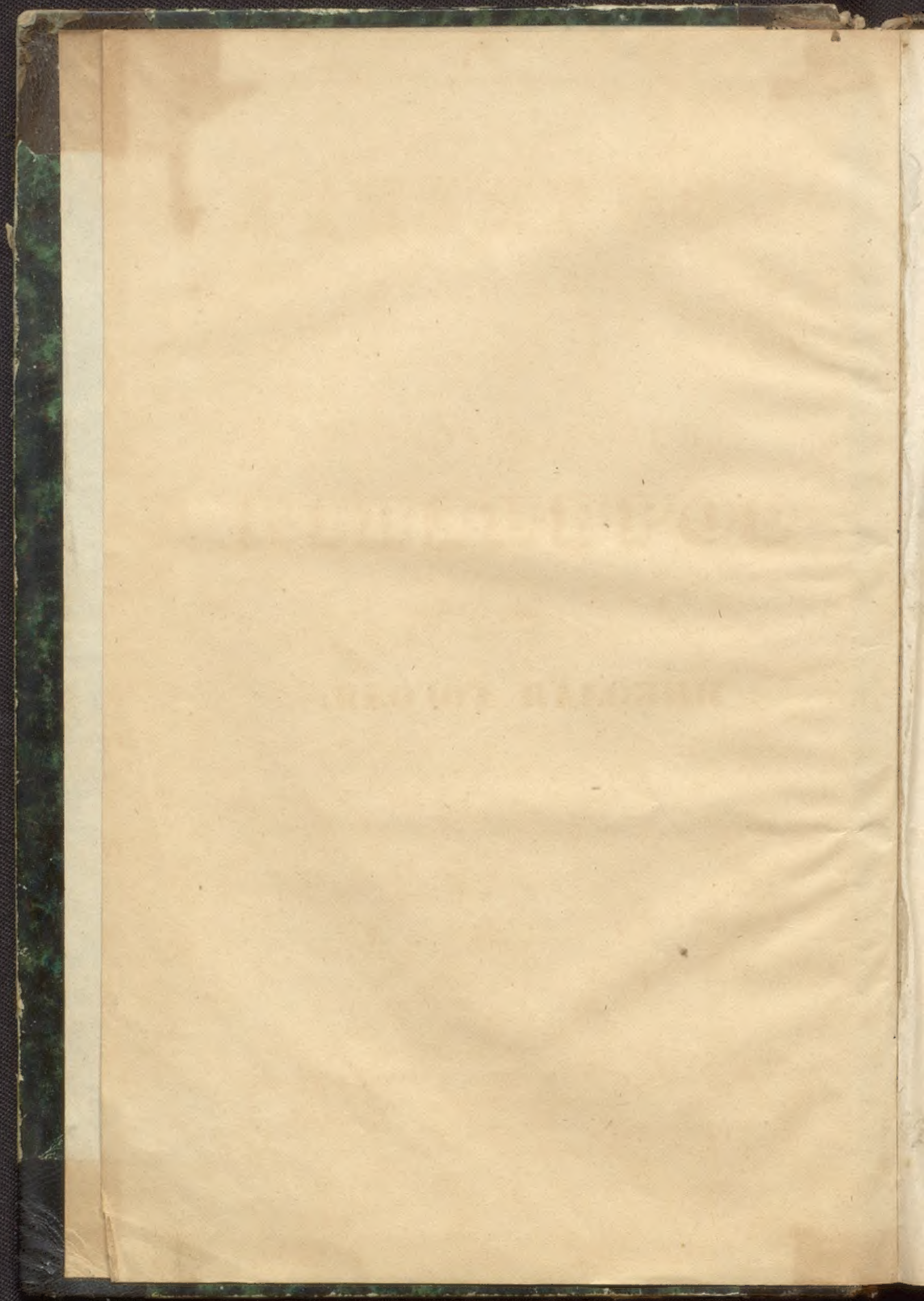

СОЧИНЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ.

РИЗЕНПОД

РЕЛОТ РАЛОЖИ

Я Т Е Н Е Ч І Я

НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

БИБЛИОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
УЧЕБНАГО ЗАВѢДѢНІЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ВІСНИКЪ

ВЛОТЪ ВАЛОЖИ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, сентября 15 дня 1842 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

ЛІТЯТЪ ГМОТ

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. БОРОДИНА И К^О.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ

Ин. №

1445

П О В Ъ С Т И .

FORBCTM

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТЪ.

21-10-1912

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ.

Нѣтъ ничего лучше Невскаго проспекта, по-
крайней-мѣръ въ Петербургѣ; для него онъ со-
ставляетъ все. Чѣмъ не блеснитъ эта улица-кра-
савица нашей столицы? Я знаю, что ни одинъ
изъ блѣдныхъ и чиновныхъ ея жителей не про-
мѣняетъ на все блага жизни Невскаго prospec-
та. Не только тотъ, кто имѣетъ двадцать-пять
лѣтъ отъ-роду, прекрасные усы и удивительно-

сшитый сюртукъ, но даже тотъ, у кого на подбородкѣ выскакиваютъ бѣлые волосы и голова гладка, какъ серебряное блюдо, и тотъ въ восторгѣ отъ Невскаго проспекта. А дамы! О! дамамъ еще больше пріятенъ Невскій проспектъ. Да и кому же онъ не пріятенъ? Едва только взойдешь на Невскій проспектъ, какъ уже пахнетъ однимъ гуляньемъ. Хотя бы имѣлъ какое-нибудь нужное, необходимое дѣло, но пришедши на него, вѣрно, позабудешь о всякомъ дѣлѣ. Здѣсь единственное мѣсто, гдѣ показываются люди не по необходимости, куда не загнала ихъ надобность и меркантильный интересъ, объемлющій весь Петербургъ. Кажется, человекъ, встрѣченный на Невскомъ проспектѣ, меньше эгоистъ нежели въ Морской, Гороховой, Литейной, Мѣщанской и другихъ улицахъ, гдѣ жадность и корысть и надобность выражаются на идущихъ и летящихъ въ каретахъ и на дрожкахъ. Невскій проспектъ есть всеобщая коммуникація Петербурга. Здѣсь житель Петербургской, или Выборгской части, нѣсколько лѣтъ не бывавшій у своего пріятеля на Невкахъ, или у Московской заставы, можетъ быть увѣренъ, что встрѣтится съ нимъ непременно. Никакой адресъ-календарь

и справочное мѣсто не доставятъ такого вѣрнаго извѣстія, какъ Невскій проспектъ. Всемогуцій Невскій проспектъ! Единственное развлеченіе бѣднаго на гулянье Петербурга! Какъ чисто подметены его тротуары и, Боже! сколько ногъ оставило на немъ слѣды свои! И неуклюжій грязный сапогъ отставнаго солдата, подъ тяже-стію котораго, кажется, трескается самый гра-нитъ, и миниатюрный, легкій, какъ дымъ, баш-мачекъ молоденькой дамы, оборачивающей свою головку къ блестящимъ окнамъ магазина, какъ подсолнечникъ къ солнцу, и гремѣющая сабля не-полненнаго надеждъ прапорщика, проводящая по немъ рѣзкую царапину — все вымѣщаетъ на немъ могущество силы или могущество слабости. Какая быстрая совершается на немъ фантазма-горія въ теченіе одного только дня! Сколько вытерпитъ онъ переменъ въ теченіе однихъ су-токъ! Начнемъ съ самаго ранняго утра, когда весь Петербургъ пахнетъ горячими, только-что выпеченными хлѣбами и наполненъ старухами въ изодранныхъ платьяхъ и салонахъ, соверша-ющихъ свои набѣги на церкви и на сострада-тельныхъ прохожихъ. Тогда Невскій проспектъ пусть: плотные содержатели магазиновъ и ихъ

комми еще спятъ въ своихъ голландскихъ рубашкахъ, или мылятъ свою благородную щеку и пьютъ кофе; нищѣ собираются у дверей кондитерскихъ, гдѣ сонный ганимедъ, летавшій вчера, какъ муха, съ шоколадомъ, выльзаетъ съ метлой въ рукъ безъ галстука и швыряетъ имъ чорствыя пироги и объѣдки. По улицамъ плетется нужный народъ: иногда переходятъ ее русскіе мужики, сѣдѣющіе на работу, въ сапогахъ, зашнурованныхъ извѣстною, которыхъ и Екатерининскій каналъ, извѣстный своею чистотою, не въ-состояніи былъ бы обмыть. Въ это время, обыкновенно неприлично ходить дамамъ, потому что русскій народъ любитъ изъясняться такими рѣзкими выраженіями, какихъ онъ вѣрно не услышать даже въ театрѣ. Иногда сонный чиновникъ, если черезъ Невскій проспектъ лежитъ ему дорога въ департаментъ, пролетѣтъ съ портфелемъ подъ мышкою. Можно сказать рѣшительно, что въ это время т. е. до двѣнадцати часовъ Невскій проспектъ не составляетъ ни для кого цѣли; онъ служитъ только средствомъ: онъ постепенно наполняется лицами, имѣющими свои занятія, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими о немъ. Русскій мужикъ говоритъ о гривнѣ, или

о семи грошахъ мѣди; старики и старухи размахиваютъ руками, или говорятъ сами съ собою иногда съ довольно-выразительными жестами; но никто ихъ не слушаетъ и не смѣется надъ ними, исключая только развѣ мальчишекъ въ нестриженныхъ халатахъ съ пустыми штофами, или готовыми сапогами въ рукахъ, бѣгущихъ молніями по Невскому проспекту. Въ это время, что бы вы на себя ни надѣли, хотя бы даже, вмѣсто шляпы, картузь былъ у васъ на головѣ, хотя бы воротнички слишкомъ далеко высунулись изъ вашего галстука — никто этого не замѣтитъ.

Въ двѣнадцать часовъ на Невскій проспектъ дѣлаютъ набѣги гувернеры всехъ націй съ своими питомцами въ батистовыхъ воротничкахъ. Англійскіе Джонсы и французскіе Кюки идутъ подъ-руку съ внутренними ихъ родительскому попеченію питомцами и съ приличною солидностію изъясняютъ имъ, что вѣвѣски надъ магазинами дѣлаются для того, чтобы можно было посредствомъ ихъ узнать, что находится въ самыхъ магазинахъ. Гувернантки, блѣдныя миссы и розовыя славянки идутъ величаво позади своихъ легенькихъ, вертлявыхъ дѣвчонокъ, приказывая имъ поднимать нѣсколько выше плечо и держаться прямо; ко-

роче сказать, въ это время Невскій проспектъ — педагогическій Невскій проспектъ. По чѣмъ ближе къ двумъ часамъ, тѣмъ уменьшается число гувернеровъ, педагоговъ и дѣтей: они наконецъ вытѣсняются нѣжными ихъ родителями, идущими подъ руку съ своими пестрыми, разноцвѣтными, слабонервными подругами. Мало-по-малу присоединяются къ ихъ обществу всѣ, окончившіе довольно-важныя домашнія занятія, какъ-то поговорившіе съ своимъ докторомъ о погодѣ и о небольшомъ прыщикѣ, вскочившемъ на носу, узнавшіе о здоровьи лошадей и дѣтей своихъ, впрочемъ показывающихъ большія дарованія, прочитавшіе афишу и важную статью въ газетахъ о прѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, наконецъ выпившихъ чашку кофе и чаю; къ нимъ присоединяются и тѣ, которыхъ завидная судьба надѣлила благословеннымъ званіемъ чиновниковъ по особеннымъ порученіямъ; къ нимъ присоединяются и тѣ, которые служатъ въ иностранной коллегіи и отличаются благородствомъ своихъ занятій и привычекъ. Боже! какія есть прекрасныя должности и службы! какъ онѣ возвышаютъ и улаживаютъ душу! Но, увы! я не служу и лишень удовольствія видѣть тонкое обра-

щеніе съ собою начальниковъ. Все, что вы ни встретите на Невскомъ проспектъ, все исполнено приличія: мужчины въ длинныхъ сюртукахъ съ заложеными въ карманы руками, дамы въ розовыхъ, бѣлыхъ и блѣдно-голубыхъ атласныхъ рединготахъ и шляпкахъ. Вы здѣсь встретите бакенбарды единственныя, пропущенныя съ необыкновеннымъ и изумительнымъ искусствомъ подъ галстухъ; бакенбарды бархатныя, атласныя, черныя, какъ соболь или уголь, но, увы! принадлежащія только одной иностранной коллегин. Служащимъ въ другихъ департаментахъ Провидѣніе отказало въ черныхъ бакенбардахъ; они должны, къ величайшей непріятности своей, носить рыжія. Здѣсь вы встретите усы чудныя, никакимъ перомъ, никакою кистью не изображимые; усы, которымъ посвящена лучшая половина жизни — предметъ долгихъ бдѣній во время дня и ночи; усы, на которые излились восхитительнѣйшіе духи и ароматы и которыхъ умастили все драгоцѣннѣйшіе и рѣдчайшіе сорта помадъ; усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленевою бумагою; усы, къ которымъ дышетъ самая трогательная привязанность ихъ посессоровъ, и которымъ завидуютъ проходящіе.

Тысячи сортовъ шляпокъ, платьевъ, платковъ пестрыхъ, легкихъ, къ которымъ иногда въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней сохраняется привязанность ихъ владѣтельница, ослѣплять хотъ кого на Невскомъ проспектъ. Кажется, какъ-будто цѣлое море мотыльковъ поднялось вдругъ со стеблей и волнуется блестящею тучею надъ черными жуками мужескаго пола. Здѣсь вы встрѣтите такія таліи, какія даже вамъ не снились никогда: тоненькія, узенькія таліи, никакъ не толще бутылочной шейки, встрѣтясь съ которыми, вы почтительно отойдете къ сторонкѣ, чтобы какъ-нибудь неосторожно не толкнуть невѣжливымъ локтемъ; сердцемъ вашимъ овладѣтъ робость и страхъ, чтобы какъ-нибудь отъ неосторожнаго даже дыханія вашего не переломилось прелестнѣйшее произведеніе природы и искусства. А какіе встрѣтите вы дамскіе рукава на Невскомъ проспектъ! Ахъ какая прелесть! Они нѣсколько похожи на два воздухоплавательные шара, такъ-что дама вдругъ бы приподнялась на воздухъ, если бы не придерживать ее мужчина; потому-что даму такъ же легко и пріятно поднять на воздухъ, какъ подносимый ко рту бокалъ, наполненный шампанскимъ. Нигдѣ при взаимной

встрѣчь не раскланиваются такъ благородно и непринужденно, какъ на Невскомъ проспектъ. Здѣсь вы встрѣтите улыбку единственную, улыбку верхъ искусства, иногда такую, что можно растаять отъ удовольствія; иногда такую, что увидите себя вдругъ ниже травы и потупите голову; иногда такую, что почувствуете себя выше адмиралтейскаго мина и поднимете ее вверхъ. Здѣсь вы встрѣтите разговаривающихъ о концертѣ или о погодѣ, съ обыкновеннымъ благородствомъ и чувствомъ собственного достоинства. Тутъ вы встрѣтите тысячу непостижимыхъ характеровъ и явленій. Создатель! какіе странные характеры встрѣчаются на Невскомъ проспектъ! Есть множество такихъ людей, которые, встрѣтившись съ вами, непременно посмотрятъ на сапоги ваши; и если вы пройдете, они оборотятся назадъ, чтобы посмотреть на ваши фалды. Я до-сихъ-поръ не могу понять, отчего это бываетъ. Сначала я думалъ, что они сапожники; но однако же ничуть не бывало: они болѣею частью служатъ въ разныхъ департаментахъ; многіе изъ нихъ превосходнымъ образомъ могутъ написать отношеніе изъ одного казеннаго мѣста въ другое, или же люди, занимающіеся прогуломъ и.

ками, чтеніемъ газетъ по кондитерскимъ, словомъ, бѣльшею частію все порядочные люди. Въ это благословенное время, отъ двухъ до трехъ часовъ пополудни, которое можетъ назваться движущею столицею Невскаго проспекта, происходитъ главная выставка всѣхъ лучшихъ произведеній человека. Одинъ показываетъ щегольской сюртукъ съ лучшимъ бобромъ, другой—греческій прекрасный носъ, третій несетъ превосходныя бакенбарды, четвертая—пару хорошихъ глазъ и удивительную шляпку, пятый—перстень съ талисманомъ на щегольскомъ мизинцѣ, шестая—ножку въ очаровательномъ башмачкѣ, седьмой—галстухъ, возбуждающій удивленіе, восьмой—усы, повергающіе въ изумленіе. Но бѣтъ три часа—и выставка оканчивается, толпа рѣдѣетъ.... Въ три часа новая перемѣна. На Невскомъ проспектѣ вдругъ настаетъ весна: онъ покрывается весь чиновниками въ зеленыхъ вицъ-мундирахъ. Голодные титулярные, надворные и прочіе совѣтники стараются всѣми силами ускорить свой ходъ. Молодые коллежскіе регистраторы, губернскіе и коллежскіе секретари спѣшатъ еще воспользоваться временемъ и пройтись по Невскому проспекту, съ осянкою, показывающею,

что они вовсе не сидѣли шести часовъ въ присутствіи. Но старые коллежскіе секретари, титулярные и надворные совѣтники идутъ скоро, потупивши голову: имъ не до того, чтобы заниматься разсматриваніемъ прохожихъ; они еще не вполне оторвались отъ заботъ своихъ; въ ихъ головѣ ералашъ и цѣлый архивъ начатыхъ и не оконченныхъ дѣлъ; имъ долго, вмѣсто выѣски, показывается картонка съ бумагами, или полное лицо правителя канцеляріи.

Съ четырехъ часовъ Невскій проспектъ пустъ, и врядъ-ли вы встрѣтите на немъ хотя одного чиновника. Какая-нибудь швея изъ магазина перенесетъ чрезъ Невскій проспектъ съ коробкою въ рукахъ, какая-нибудь жалкая добыча чловѣколюбиваго новытчика, пущенная по-міру во фризовой шинели, какой-нибудь затѣжій чудакъ, которому всѣ часы равны, какая-нибудь длинная, высокая англичанка съ ридикюлемъ и книжкою въ рукахъ, какой-нибудь артельщикъ, русскій чловѣкъ въ демикотонномъ сюртукѣ съ таліей на спинѣ, съ узенькою бородою, живущій всю жизнь на живую нитку, въ которомъ все шевелится: спина, и руки, и ноги, и голова, когда онъ учтиво проходитъ по тротуару,

иногда низкій ремесленникъ. . . . больше ничего не встрѣтите вы на Невскомъ проспектъ.

Но какъ только сумерки упадутъ на дома и улицы, и будочникъ, накрывшись рогожею, вскарабкается на лѣстницу зажигать фонарь, а изъ низенькихъ окошекъ магазиновъ выглянутъ эстампы, которые не смѣютъ показаться среди дня, тогда Невскій проспектъ опять оживаетъ и начинать шевелиться. Тогда настаетъ то таинственное время, когда лампы даютъ всему какой-то заманчивый, чудесный свѣтъ. Вы встрѣтите очень много молодыхъ людей, бѣльшею частію холостыхъ, въ теплыхъ сюртукахъ и шинеляхъ. Въ это время чувствуется какая-то цѣль, или, лучше, что-то похожее на цѣль, что-то чрезвычайно безотчетное; шаги всѣхъ ускоряются и становятся вообще очень неровны; длинныя тѣни мелькаютъ по стѣнамъ и мостовой и чуть не достигаютъ головами Полицейскаго моста. Молодые губернскіе регистраторы, губернскіе и коллежскіе секретари очень долго прохаживаются; но старые коллежскіе регистраторы, титулярные и надворные совѣтники бѣльшею частію сидятъ дома, или потому, что это народъ женатый, или потому, что имъ очень хорошо готовятъ

кушанье живущія у нихъ въ домахъ кухарки-пѣмки. Здѣсь вы встрѣтите почтенныхъ стариковъ, которые съ такою важностью и съ такимъ удивительнымъ благородствомъ прогуливались въ два часа по Невскому проспекту. Вы ихъ увидите бѣгущими такъ же, какъ молодые коллежскіе регистраторы, съ тѣмъ, чтобы заглянуть подъ шляпку издали завидной дамы, которой толстыя губы и щеки, напудроченныя румянами, такъ нравятся многимъ гуляющимъ, а болѣе всего сидѣльцамъ, артельщикамъ, купцамъ всегда въ пѣмечкахъ сюртукахъ, гуляющимъ цѣлою толпою и обыкновенно подъ-руку.

«Стой!» закричалъ въ это время поручикъ Пироговъ, дернувъ шедшаго съ нимъ молодаго человека во фракъ и плащъ: «видѣлъ?»

«Видѣлъ, чудная, совершенно перуджинова Біанка».

«Да ты о комъ говоришь?»

«Объ ней, о той, что съ темными волосами, и какіе глаза, Боже! какіе глаза! все положеніе и контура, и окладъ лица — чудеса».

Я говорю тебѣ о блондинкѣ, что прошла за ней въ ту сторону. Чтожъ ты нейдешь за брюнеткою, когда она такъ тебѣ понравилась?»

«О, какъ можно!» воскликнулъ, покрасившись, молодой человекъ во фракъ: «Какъ — будто она изъ тѣхъ, которыя ходятъ ввечеру по Невскому проспекту; это, должно быть, очень знатная дама» продолжалъ онъ вздохнувши: «одинъ плащъ на ней стоить рублей восемьдесятъ!»

«Простакъ!» закричалъ Пироговъ, насильно толкнувши его въ ту сторону, гдѣ развѣвался яркій плащъ ея «ступай, просточили, прозвасень! а я пойду за блондинкою». Оба пріятеля разошлись.

«Знаемъ мы васъ всѣхъ» думалъ про-себя съ самодовольною и самопадвѣнною улыбкою Пироговъ, увѣренный, что нѣтъ красоты, могущей ему противиться.

Молодой человекъ, во фракъ и плащъ, робкимъ и трепетнымъ шагомъ пошелъ въ ту сторону, гдѣ развѣвался вдали пестрый плащъ, то окидывавшійся яркимъ блескомъ, по мѣрѣ приближенія къ свѣту фонаря, то мгновенно покрывавшійся тмою, по удаленіи отъ него. Сердце молодого человека билось, и онъ невольно ускорялъ шагъ свой. Онъ не смѣлъ и думать о томъ, чтобы получить какое-нибудь право на вниманіе улетавшей вдали красавицы, тѣмъ болѣе допустить такую черную мысль, о какой намекалъ

ему поручикъ Пироговъ; но ему хотѣлось только видѣть домъ, замѣтить, гдѣ имѣеть жилище это прелестное существо, которое, казалось, слетѣло съ неба прямо на Невскій прѣспектъ и, вѣрно, улетитъ неизвѣстно куда. Онъ летѣлъ такъ скоро, что сталкивалъ безпрестанно съ тротуара солидныхъ господъ съ свдыми бакенбардами. Этотъ молодой человекъ принадлежалъ къ тому классу, который составляетъ у насъ довольно странное явленіе и столько же принадлежитъ къ гражданамъ Петербурга, сколько лицо, являющееся намъ въ сновидѣніи, принадлежитъ къ существенному міру. Это исключительное словіе очень необыкновенно въ томъ городѣ, гдѣ все или чиновники, или купцы, или мастеровые и тѣмцы. Это былъ художникъ. Не правда ли, странное явленіе? Художникъ петербургскій! художникъ въ землѣ снѣговъ, художникъ въ странѣ финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, блѣдно, сѣро, туманно. Эти художники вовсе не похожи на художниковъ итальянскихъ, гордыхъ, горячихъ, какъ Италія и ея небо; напротивъ того, это бѣльшею частию добрый, кроткій народъ, застѣчивый, безпечный, любящій тихо свое искусство, пьющій чай съ двумя пріятелями своими

въ маленькой комнатѣ, скромно толкующій о любимомъ предметѣ и вовсе небрегающій объ излишнемъ. Онъ вѣчно зазоветъ къ себѣ какую-нибудь нищую старуху и заставитъ ее просидѣть битыхъ часовъ шесть съ тѣмъ, чтобы перевести на полотно ея жалкую, безчувственную мину. Онъ рисуетъ перспективу своей комнаты, въ которой является всякій художественный вздоръ: гипсовыя руки и ноги, сдѣлавшіяся кофейными отъ времени и пыли, изломанные живописные станки, опрокинутая палитра, пріятель, играющій на гитарѣ, стѣны, запачканныя красками, съ раствореннымъ окномъ, сквозь которое мелькаетъ блѣдная Цева и бѣдные рыбаки въ красныхъ рубашкахъ. У нихъ всегда почти на всемъ стрѣнкій, мутный колоритъ, — неизгладимая печать сѣвера. При всемъ томъ они съ истиннымъ наслажденіемъ трудятся надъ своею работою. Они часто питаютъ въ себѣ истинный талантъ; и если бы только дунулъ на нихъ свѣжій воздухъ Италіи, онъ бы вѣрно развился также вольно, широко и ярко, какъ растеніе, которое выносятъ наконецъ изъ комнаты на чистый воздухъ. Они вообще очень робки; звѣзда и толстый эполетъ приводятъ ихъ въ такое замѣша-

тельство, что они невольно понижаютъ цѣну своихъ произведеній. Они любятъ иногда пощеголять: но щегольство это всегда кажется на нихъ слишкомъ рѣзкимъ и нѣсколько походить на заплату. На нихъ встрѣтите вы иногда отличный фракъ и запачканный плащъ, дорогой бархатный жилетъ и сюртукъ весь въ краскахъ. Такимъ же самымъ образомъ, какъ на неокончанномъ ихъ пейзажѣ увидите вы иногда нарисованную внизъ головою нимфу, которую онъ, не найдя другаго мѣста, набросалъ на запачканномъ грунтѣ прежняго своего произведенія, когда-то писаннаго имъ съ наслажденіемъ. Онъ никогда не глядитъ вамъ прямо въ глаза; если же глядитъ, то какъ-то мутно, неопредѣленно; онъ не воззаетъ въ васъ ястребинаго взора наблюдателя, или соколинаго взгляда кавалерійскаго офицера. Это происходитъ отъ того, что онъ въ одно и то же время видитъ и ваши черты и черты какого-нибудь гипсоваго Геркулеса, стоящаго въ его комнатѣ; или ему представляется его же собственная картина, которую онъ еще думаетъ произвести. Отъ этого онъ отвѣчаетъ часто несвязно, иногда не-впопадъ, и мѣшающіеся въ его головѣ предметы еще болѣе

увеличиваютъ его робость. Къ такому роду людей принадлежалъ описанный нами молодой человекъ, художникъ Пискаревъ, застѣнчивый, робкій; но въ душѣ своей носившій некры чувства, готовый при удобномъ случаѣ превратиться въ пламя. Съ тайнымъ трепетомъ спѣшилъ онъ за своимъ предметомъ, такъ сильно его поразившимъ, и, казалось, дивился самъ своей дерзости. Незнакомое существо, къ которому такъ прильнули его глаза, мысли и чувства, вдругъ повернуло голову и взглянуло на него. Боже! какія божественныя черты? Ослѣпительной бѣлизны прелестнѣйшій лобъ осыненъ былъ прекрасными, какъ агаты, волосами. Они вились, эти чудныя локоны, и часть ихъ, падая изъ-подъ шляпки, касалась щеки; тронутый тонкимъ, свѣжимъ румянцемъ, проступившимъ отъ вечерняго холода. Уста были замкнуты цѣлымъ роемъ прелестнѣйшихъ грезъ. Все что остается отъ воспоминанія о дѣтствѣ, что даетъ мечтаніе и тихое вдохновеніе при свѣтящейся лампадѣ, — все это, казалось, совокупилося; слилось и отразилось въ ея гармоническихъ устахъ. Она взглянула на Пискарева, и при этомъ взглядѣ сердце его затрещало: она взглянула сурово, чувство него-

дованія проступило у нея на лицѣ при видѣ такого наглаго преслѣдованія; но на этомъ прекрасномъ лицѣ и самый гнѣвъ былъ обворожителенъ. Постигнутый стыдомъ и робостью, онъ остановился, потупивъ глаза; но какъ утратить это божество и не узнать даже той святилища, гдѣ оно опустилось гостить. Такія мысли пришли въ голову молодому мечтателю, и онъ рѣшился преслѣдовать. Но, чтобы не дать этого замѣтить, онъ отдался на дальнее разстояніе, безнечно глядѣлъ по сторонамъ и разсматривалъ вывѣски, а между-тѣмъ не упускалъ изъ виду ни одного шага незнакомки. Проходящіе рѣже начали мелькать, улица становилась тише; красавица оглянулась, и ему показалось, какъ-будто легкая улыбка сверкнула на губахъ ея. Онъ весь задрожалъ и не върилъ своимъ глазамъ. Нѣтъ, это фонарь обманчивымъ свѣтомъ своимъ выразилъ на лицѣ ея подобіе улыбки; нѣтъ, это собственныя мечты смѣются надъ нимъ. Но дыханіе занялось въ его груди, все въ немъ обратилось въ неопредѣленный трепетъ, все чувства его горѣли и все передъ нимъ окинулось какимъ-то туманомъ; тротуаръ несея подъ нимъ, кареты со скачущими лошадьми казались недвижны,

мостъ растягивался и ломался на своей аркѣ, домъ стоялъ крышею внизъ, будка валилась къ нему на-встрѣчу и алебарда часоваго, вмѣстѣ съ золотыми словами вывески и нарисованными ножницами, блестя, казалось, на самой рѣсницѣ его глазъ. И все это произвелъ одинъ взглядъ, одинъ поворотъ хорошенькой головки. Не слыша, не видя, не внимая, онъ несея по легкимъ слѣдамъ прекрасныхъ ножекъ, стараясь самъ умѣрить быстроту своего шага, летѣвшаго подъ тактъ сердца. Иногда овладевало имъ сомнѣніе: точно ли выраженіе лица ея было такъ благо-склонно, и тогда онъ на минуту останавливался; но сердечное бѣеніе, непреодолимая сила и тревога всѣхъ чувствъ стремилась его впередъ. Онъ даже не замѣтилъ, какъ вдругъ возвысился передъ нимъ четырехъ-этажный домъ, всѣ четыре ряда оконъ, свѣтившіеся огнемъ, глянули на него вдругъ, и перила у подъезда противопоставили ему желѣзный толчекъ свой. Онъ видѣлъ, какъ незнакомка летѣла по лѣстницѣ, оглянулась, положила на губы палецъ и дала знакъ слѣдовать за собою. Колѣна его дрожали; чувства, мысли горѣли; молнія радости нестерпимымъ остріемъ вонзилась въ его сердце. Нѣтъ,

это уже не мечта! Боже! столько счастья въ одинъ мигъ! такая чудесная жизнь въ двухъ минутахъ!

Но не во снѣ ли это все? Уже ли та, за одинъ небесный взглядъ которой онъ готовъ бы былъ отдать всю жизнь, приблизиться къ жилищу которой уже онъ почиталъ за неизъяснимое блаженство, уже ли та была сейчасъ такъ благо-склонна и внимательна къ нему! Онъ взлетѣлъ на лѣстницу; онъ не чувствовалъ никакой земной мысли; онъ не былъ разогрѣтъ пламенемъ земной страсти, нѣтъ, онъ былъ въ эту минуту чистъ и непороченъ, какъ дѣвственный юноша, еще дышущій неопредѣленною духовною потребностью любви. И то, что возбудило бы въ развратномъ человѣкѣ дерзкія помышленія, то самое, напротивъ, еще болѣе освятило ихъ. Это довѣріе, которое оказало ему слабое, прекрасное существо, это довѣріе наложило на него обѣтъ строгости рыцарской, обѣтъ рабски исполнять всѣ повелѣнія ея. Онъ только желалъ, чтобъ эти велѣнія были какъ можно болѣе трудны и неудобноисполняемы, чтобы съ бѣльшимъ напряженіемъ силъ летѣть исполнять ихъ. Онъ не сомнѣвался, что какое-нибудь тайное и вмѣстѣ важное происшествіе заставило незнакомку въ-

риться ему; что отъ него, вѣрно, будутъ требоваться значительныя услуги, и онъ чувствовалъ уже въ себѣ силу и рѣшимость на все.

Лѣстница вилась и вмѣстѣ съ нею вились его быстрыя мечты. «Идите осторожны!» зазвучалъ, какъ арфа, голосъ и наполнилъ всѣ жилы его новымъ трепетомъ. Въ темной вышинѣ четвертаго этажа незнакомка постучала въ дверь — она отворилась, и они вошли вмѣстѣ. Женщина, довольно недурной наружности, встрѣтила ихъ со свѣчею въ рукѣ, но такъ странно и нагло посмотрѣла на Пискарева, что онъ опустилъ неволью свои глаза. Они вошли въ комнату. Три женскія фигуры въ разныхъ углахъ представились его глазамъ. Одна раскладывала карты; другая сидѣла за фортопіано и играла двумя пальцами какое-то жалкое подобіе стариннаго полонеза; третья сидѣла передъ зеркаломъ, расчесывая гребнемъ свои длинныя волосы, и вовсе не думала оставить туалета своего при входѣ незнакомаго лица. Какой-то непріятный безпорядокъ, который можно встрѣтить только въ безнечной комнатѣ холостяка, царствовалъ во всемъ. Мебели, довольно хороша, были покрыты пылью; паукъ застилалъ своею паутиною

лѣнной карнизъ; сквозь не притворенную дверь другой комнаты блескъ сапогъ со шпорой и красна вышунка мундира; громкій мужской голосъ и женскій смѣхъ раздавались безъ всякаго принужденія.

Боже! куда зашелъ онъ! Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить и началъ пристально всматриваться въ предметы, наполнявшіе комнату; но голыя стѣны и окна безъ занавѣсъ, не показывали никакого присутствія заботливой хозяйки; изношенные лица этихъ жалкихъ созданій, изъ которыхъ одна съла почти передъ его носомъ и такъ же спокойно его разсматривала, какъ пятно на чужомъ платьѣ, все это увѣрило его, что онъ зашелъ въ тотъ отвратительный пріютъ, гдѣ основать свое жилище жалкій развратъ, порожденный мишурною образованностію и страшнымъ многолюдствомъ столицы; тотъ пріютъ, гдѣ человекъ святотатственно подавилъ и посмѣялся надъ всѣмъ чистымъ и святымъ, украшающимъ жизнь, гдѣ женщина, эта красавица міра, вѣнецъ творенія, обратилась въ какое-то странное двусмысленное существо, гдѣ она, вмѣстѣ съ чистотою души, лишилась всего женскаго и отвратительно присвоила себѣ ухватки и наглость

мущины и уже перестала быть тѣмъ слабымъ, тѣмъ прекраснымъ и столь отличнымъ отъ насъ существомъ. Иискаревъ мѣрлялъ ее съ ногъ до головы изумленными глазами, какъ-бы еще желая увѣриться, та ли это, которая такъ околдовала и унесла его на Невскомъ проспектъ. Но она стояла передъ нимъ такъ же хороша; волосы ея были такъ же прекрасны; глаза ея казались все еще небесными. Она была свѣжа; ей было только семнадцать лѣтъ; видно было, что еще недавно постигнувъ ее ужасный развратъ; онъ еще не смѣлъ коснуться къ ея щекамъ, онъ были свѣжи и легко отъцвѣны тонкимъ румянцемъ — она была прекрасна.

Онъ неподвижно стоялъ передъ нею и уже готовъ былъ такъ же простодушно позабыться, какъ позабылся прежде. Но красавица наскучила такимъ долгимъ молчаніемъ, и значительно улыбнулась, глядя ему прямо въ глаза. Но эта улыбка была исполнена какой-то жалкой наглости: она такъ была странна и такъ же шла къ ея лицу, какъ идетъ выраженіе набожности рожь взяточника, или бухгалтерская книга пошту. Онъ содрогнулся. Она раскрыла свои хорошенькія уста и стала говорить что-то; но все

это было такъ глупо, такъ пошло.... Какъ-будто вмѣстѣ съ непорочною и умъ оставляетъ человека! Онъ уже ничего не хотѣлъ слышать. Онъ былъ чрезвычайно смѣшонъ и простъ, какъ дитя. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться такою благосклонностью, вмѣсто того, чтобы обрадоваться такому случаю, какому безъ-сомнѣнія обрадовался бы на его мѣстѣ всякій другой, онъ бросился со всѣхъ ногъ, какъ дикая коза, и выбѣжалъ на улицу.

Повѣсивши голову и опустивши руки, сидѣлъ онъ въ своей комнатѣ, какъ бѣднякъ, нашедшій безцѣнную жемчужину и тутъ же уронившій ее въ море. «Такая красавица, такія божественныя черты! и гдѣ же? въ какомъ мѣстѣ?..» Вотъ все, что онъ могъ выговорить.

Въ-самомъ-дѣлѣ никогда жалость такъ сильно не овладѣваетъ нами, какъ при видѣ красоты, тронутой тѣлѣтворнымъ дыханіемъ разврата. Пусть бы еще безобразіе дружилось съ нимъ, но красота, красота нѣжная.... она только съ одной непорочною и чистотою сливается въ нашихъ мысляхъ. Красавица, такъ очаровавшая бѣднаго Инскарева, была действительно чудесное, необыкновенное явленіе. Ея пребываніе въ этомъ

презрѣнномъ кругу еще болѣе казалось необыкновеннымъ. Вся черты ея были такъ чисто образованы, все выраженіе прекраснаго лица ея было означено такимъ благородствомъ, что никакъ бы нельзя было думать, чтобы развратъ распустилъ надъ нею страшныя свои когти. Она бы составила неоцѣненный перлъ, весь міръ, весь рай, все богатство страстнаго супруга; она была бы прекрасной, тихой звѣздой въ незамѣтномъ семейномъ кругу, и однимъ движеніемъ прекрасныхъ устъ своихъ давала бы сладкія приказанія. Она бы составила божество въ многочисленномъ залѣ, на свѣтломъ паркетѣ, при блескѣ свѣчей, при безмолвномъ благоговѣніи толпы поверженныхъ у ногъ ея поклонниковъ;—но увы! она была, какою-то ужасною волею адскаго духа, жаждущаго разрушить гармонію жизни, брошена съ хохотомъ въ его пучину.

Проникнутый разрывающею жалостью, сидѣлъ онъ передъ нагорѣвшею свѣчою. Уже и полночь давно минула, колоколъ башни билъ половину перваго, а онъ сидѣлъ неподвижный, безъ сна, безъ дѣятельнаго бдѣнія. Дремота, воспользовавшись его неподвижностью, уже было-начала тихонько одолавать его, уже комната начала исче-

затъ, одинъ только огонь свѣчи просвѣчивалъ сквозь одолѣвшія его грезы, какъ вдругъ стукъ у дверей заставилъ его вздрогнуть и очнуться. Дверь отворилась, и вошелъ лакей въ богатой ливреѣ. Въ его удивленную комнату никогда не заглядывала богатая ливрея, притомъ въ такое необыкновенное время.... Онъ недоумѣвалъ и съ нетерпѣливымъ любопытствомъ смотрѣлъ на пришедшаго лакея.

«Та барыня» произнесъ съ учтивымъ поклономъ лакей: «у которой вы изволили за нѣсколь-ко часовъ предъ симъ быть, приказала просить васъ къ себѣ и прислала за вами карету».

Пискаревъ стоялъ въ безмолвномъ удивленіи: карету, лакей въ ливреѣ!... Итъ, здѣсь вѣрно есть какая-нибудь ошибка.... «Послушайте, любезный» произнесъ онъ съ робостью: «вы, вѣрно, не туда изволили зайти; васъ барыня безъсомнѣнія прислала за кѣмъ-нибудь другимъ, а не за мною».

«Итъ, сударь, я не ошибся. Вѣдь вы изволили проводить барыню пѣшкомъ къ дому, что въ Литейной, въ комнату четвертаго этажа?»

«Я».

«Ну, такъ пожалуйста поскорѣе, барыня не-

премънно желаетъ видѣть васъ и просить васъ уже пожаловать прямо къ нимъ на домъ».

Пискаревъ сбѣжалъ съ лѣстницы. На дворѣ точно стояла карета. Онъ сѣлъ въ нее, дверцы хлопнули, камни мостовой загремѣли подъ колесами и копытами — и освѣщенная перспектива домовъ съ яркими вывѣсками понеслась мимо каретныхъ оконъ. Пискаревъ думалъ во всю дорогу и не зналъ, какъ разрѣшить это приключеніе. Собственный домъ, карета, лакей въ богатой ливреѣ... всего этого онъ никакъ не могъ согласить съ комнатою въ четвертомъ этажѣ, пыльными окнами и разстроеннымъ фортепіано. Карета остановилась передъ ярко-освѣщеннымъ подъѣздомъ, и его вдругъ поразили: рядъ экипажей, говоръ кучеровъ, ярко-освѣщенные окна и звуки музыки. Лакей въ богатой ливреѣ высадилъ его изъ кареты и почтительно проводилъ въ сѣни съ мраморными колоннами, съ облитымъ золотомъ швейцаромъ, съ разбросанными плащами и шубами, съ яркою лампою. Воздушная лѣстница съ блестящими перилами, надушенная ароматами, неслась вверхъ. Онъ уже былъ на ней, уже вошелъ въ первую залу, испугавшись и понятившись съ первымъ шагомъ отъ ужаснаго

многолюдства. Необыкновенная пестрота лицъ привела его въ совершенное замѣшательство; ему казалось, что какой-то демонъ искрошилъ весь міръ на множество разныхъ кусковъ, и всѣ эти куски безъ смысла, безъ толку смѣшалъ вмѣстѣ. Сверкающія дамскія плеча и черныя фраки, люстры, лампы, воздушные летящіе газы, эфирныя ленты и толстый контра-басъ, выглядывавшій изъ-за перилъ великолѣпныхъ хоровъ — все было для него блистательно. Онъ увидѣлъ за однимъ разомъ столько почтенныхъ стариковъ и полустариковъ съ звѣздами на фракахъ, дамъ, такъ легко, гордо и граціозно выступавшихъ по паркету, или сидѣвшихъ рядами; онъ услышалъ столько словъ французскихъ и англійскихъ; къ тому же молодые люди, въ черныхъ фракахъ, были исполнены такого благородства, съ такимъ достоинствомъ говорили и молчали, такъ не умѣли сказать ничего лишняго, такъ величаво шутили, такъ почтительно улыбались, такія превосходныя носили бакенбарды, такъ искусно умѣли показывать отличныя руки, поправляя галстухъ; дамы такъ были воздушны, такъ погружены въ совершенное самодовольство и упоеніе, такъ очаровательно потупляли глаза, — что....но одинъ уже смиренный

видъ Пискарева, прислонившагося съ боязнію къ колоннѣ показывалъ, что онъ растерялся вовсе. Въ это время толпа обступила танцующую группу. Дамы неслись, увитыя прозрачнымъ созданіемъ Парижа, въ платьяхъ сотканныхъ изъ самого воздуха; небрежно касались онъ блестящими ножками паркета и были болѣе эфирны, нежели когда бы вовсе его не касались. Но одна между ними всѣхъ лучше, всѣхъ роскошнѣе и блистательнѣе одѣта. Невыразимое, самое тонкое сочетаніе вкуса разлилось во всемъ ея уборѣ, и при всемъ томъ она, казалось, вовсе о немъ не заботилась, и оно вышло невольно само-собою. Она и глядѣла, и не глядѣла на обступившую толпу зрителей, прекрасныя длинныя ресницы опустились равнодушно и сверкающая бѣлизна лица ея еще ослѣпительнѣе бросилась въ глаза, когда легкая тѣнь осѣнила при наклонѣ головы очаровательный лобъ ея.

Пискаревъ употребилъ всѣ усилія, чтобы раздвинуть толпу и разсмотрѣть ее; но къ величайшей досады какая-то огромная голова съ темными, курчавыми волосами заслоняла ее безпрестанно; притомъ толпа его такъ притиснула, что онъ не смѣлъ податься впередъ, не смѣлъ поя-

титесь назадъ, опасаясь толкнуть какимъ-нибудь образомъ какого-нибудь тайнаго совѣтника. Но вотъ онъ продрался — таки впередъ и взглянулъ на свое платье, желая прилично оправиться: Творецъ небесный! что это? на немъ былъ сюртукъ и весь запачканный красками: снѣжа ѣхать, онъ позабылъ даже переодѣться въ пристойное платье. Онъ покраснѣлъ до ушей и, потупивъ голову, хотѣлъ провалиться, но провалиться рѣшительно было некуда: камеръ-юнкеры въ блестящемъ костюмѣ сдвинулись позади его совершенно стѣною. Онъ уже желалъ быть какъ можно подалѣе отъ красавицы съ прекраснымъ лбомъ и рѣсницами. Со страхомъ поднялъ онъ глаза посмотрѣть, не глядитъ ли она на него: Боже! она стоитъ передъ нимъ.... Но что это? что это? «Это она!» вскрикнулъ онъ почти во весь голосъ. Въ-самомъ-дѣлѣ это была она, та самая, которую встрѣтилъ онъ на Невскомъ и которую проводилъ въ ея жилище.

Она подняла между-тѣмъ свои рѣсницы и взглянула на всѣхъ своимъ яснымъ взглядомъ. «Ай, ай, ай, какъ хороша!»... могъ только выговорить онъ съ захватившимся дыханіемъ. Она обвела своими глазами весь кругъ, непрерывно жаждав-

шій остановить ея вниманіе, но съ какимъ-то утомленіемъ и невниманіемъ она скоро отвратила ихъ и встрѣтилась съ глазами Пискарева. О, какое небо! какой рай! дай силы, Создатель, перенести это! жизнь не вмѣститъ его: онъ разрушитъ и унесетъ душу! Она подала знакъ, но не рукою, не наклоненіемъ головы, нѣтъ, въ ея сокрушительныхъ глазахъ выразился этотъ знакъ такимъ тонкимъ, незамѣтнымъ выраженіемъ, что никто не могъ его видѣть, но онъ видѣлъ, онъ понялъ его. Танецъ длился долго; утомленная музыка, казалось, вовсе погасала и замирала и опять вырывалась, визжала и гремѣла; наконецъ — конецъ! — Она сѣла; грудь ея воздымалась подъ тонкимъ дымомъ газа; рука ея (Создатель, какая чудесная рука!) упала на колѣна, сжала подъ собою ея воздушное платье и платье подъ нею, казалось, стало дышать музыкаю и тонкій сиреневый цвѣтъ его еще виднѣе означалъ яркую близину этой прекрасной руки. Коснуться бы только ее — и ничего больше! никакихъ другихъ желаній — онъ всѣ дерзки.... Онъ стоялъ у нея за стуломъ, не смѣя говорить, не смѣя дышать. «Вамъ было скучно?» произнесла она: «я также скучала. — Я замѣчаю, что вы меня

ненавидите».... прибавила она, потупивъ свои длинные ресницы.

«Васъ ненавидѣть? мнѣ? я....» хотѣлъ — было произнести совершенно потерявшійся Иискаревъ, и наговорилъ бы вѣрно кучу самыхъ несвязныхъ словъ, но въ это время подошелъ камергеръ съ острыми и пріятными замѣчаніями, съ прекраснымъ, завитымъ на головѣ хохломъ. Онъ довольно пріятно показывалъ рядъ довольно-недурныхъ зубовъ и каждою острою своею вбивалъ острый гвоздь въ его сердце. Наконецъ кто-то изъ постороннихъ къ счастью обратился къ камергеру съ какимъ-то вопросомъ.

«Какъ это несносно!» сказала она, поднявъ на него свои небесные глаза: «я сяду на другомъ концѣ зала: будьте тамъ!» Она проскользнула между толпою и исчезла. Онъ, какъ помѣшанный, растолкалъ толпу и былъ уже тамъ.

Такъ это она! она сидѣла, какъ царица всѣхъ лучше, всѣхъ прекраснѣе и искала его глазами.

«Вы здѣсь» произнесла она тихо: «я буду откровенна передъ вами: вамъ вѣрно странными показались обстоятельства нашей встрѣчи. Неужели вы думаете, что я могу принадлежать къ тому презрѣнному классу твореній, въ которомъ

вы встрѣтили меня. Вамъ кажутся странными мои поступки, но я вамъ открою тайну: будете ли вы въ состояніи» произнесла она, устремивъ пристально на него глаза свои: «никогда не измѣнить ей».

«О буду! буду! буду!»...

Но въ это время подошелъ довольно-пожилой человекъ, заговорилъ съ ней на какомъ-то непонятномъ для Пискарева языкъ и подалъ ей руку. Она умоляющимъ взглядомъ посмотрѣла на Пискарева и дала знакъ остаться на своемъ мѣстѣ и ожидать ея прихода, но въ припадкѣ нетерпѣнія онъ не въ силахъ былъ слушать никакихъ приказаній даже изъ ея устъ. Онъ отправился вслѣдъ за нею; но толпа раздѣлила ихъ. Онъ уже не видѣлъ сиреневаго платья; съ безпокойствомъ проходилъ онъ изъ комнаты въ комнату и толкалъ безъ милосердія всѣхъ встрѣчныхъ, но во всѣхъ комнатахъ все сидѣли тузы за вистомъ, погруженные въ мертвое молчаніе. Въ углу комнаты спорило нѣсколько пожилыхъ людей о преимуществѣ военной службы передъ статскою; въ другомъ люди въ превосходныхъ фракахъ бросали легкія замѣчанія о многотомныхъ трудахъ поэта-труженика. Пискаревъ чув-

ствовалъ, что одинъ пожилой человекъ съ почтенною наружностью схватилъ за пуговицу его фрака и представлялъ на его сужденіе одно весьма справедливое замѣчаніе, но онъ грубо оттолкнулъ его, даже не замѣтивши, что у него на шеѣ былъ довольно значительный орденъ. Онъ перебѣжалъ въ другую комнату — и тамъ итъ ее. Въ третью — тоже итъ. «Гдѣ же она! дайте ее мнѣ! О, я не могу жить, не взглянувши на нее! мнѣ хочется выслушать, что она хотѣла сказать.» Но все поиски его оставались тщетными. Безпокойный, утомленный онъ прижался къ углу и смотрѣлъ на толпу; но напряженные глаза его начали ему представлять все въ какомъ-то неясномъ видѣ. Наконецъ ему начали явственно показываться стѣны его комнаты. Онъ поднялъ глаза; передъ нимъ стоялъ подсвѣчникъ съ огнемъ, почти потухавшимъ въ глубинѣ его: вся свѣча истаяла; сало было налито на столъ его.

Такъ это онъ спалъ! Боже! какой сонъ! и зачѣмъ было просыпаться! зачѣмъ было одной минуты не подождать: она бы вѣрно опять явилась! Досадный свѣтъ непріятнымъ своимъ тусклымъ сіяніемъ глядѣлъ въ его окна. Комната въ та-

комъ сѣромъ, такомъ мутномъ безпорядкѣ.... О, какъ отвратительна дѣйствительность! Что она противъ мечты? Онъ раздѣлся наскоро и легъ въ постель, закутавшись одѣяломъ, желая на мигъ призвать улетѣвшее сновидѣнiе. Сонъ точно не замедлилъ къ нему явиться, но представлялъ ему вовсе не то, что бы желалъ онъ видѣть: то поручикъ Пироговъ являлся съ трубкою, то академическiй сторожъ, то дѣйствительный статскiй совѣтникъ, то голова чухонки, съ которой онъ когда-то рисовалъ портретъ, и тому подобная чепуха.

До самаго полудня пролежалъ онъ въ постели, желая заснуть; но она не являлась. Хотя бы на минуту показала прекрасныя черты свои, хотя бы на минуту зашумѣла ея легкая походка, хотя бы ея обнаженная, яркая, какъ заоблачный снѣгъ, рука мелькнула передъ нимъ.

Все откинувши, все позабывши, сидѣлъ онъ съ сокрушеннымъ, съ безнадежнымъ видомъ, полный только одного сновидѣнiя. Ни къ чему не думалъ онъ притронуться; глаза его безъ всякаго участiя, безъ всякой жизни глядѣли въ окно, обращенное на дворъ, гдѣ грязный водовозъ лилъ воду, мерзнувшую на воздухъ, и коз-

линый голосъ разнощика дребезжалъ: «старого платья продать». Вседневное и дѣйствительное странно поражало его слухъ. Такъ проспидѣлъ онъ до самаго вечера, и съ жадностію бросился въ постель. Долго боролся онъ съ бессонницею; наконецъ пересилилъ ее. Опять какой-то сонъ, какой-то пошлый, гадкій сонъ. «Боже! умило-сердись: хотя на минуту, хотя на одну минуту покажи ее!» Онъ опять ожидалъ вечера, опять заснулъ, опять снился какой-то чиновникъ, который былъ вмѣстѣ и чиновникъ, и фаготъ. О, это нестерпимо! Наконецъ она явилась! ея головка и локоны.... она глядитъ.... О, какъ не долго! опять туманъ, опять какое-то глупое сновидѣніе.

Наконецъ сновидѣнія сдѣлались его жизнью, и съ этого времени вся жизнь его приняла странный оборотъ: онъ, можно сказать, спалъ на-яву и бодрствовалъ во-снѣ. Если бы его кто-нибудь видѣлъ, сидящимъ безмолвно передъ порожнимъ столомъ, или шедшимъ по улицѣ, то вѣрно бы принялъ за лунатика, или разрушеннаго крѣпкими напитками: взглядъ его былъ вовсе безъ всякаго значенія, природная разсѣянность наконецъ развилась и властительно изгоняла на ли-

цѣ его всѣ чувства, всѣ движенія. Онъ оживлялся только при наступленіи ночи.

Такое состояніе разстроило его силы, и самымъ ужаснымъ мученіемъ было для него то, что наконецъ сонъ началъ его оставлять вовсе. Желая спасти это единственное свое богатство, онъ употреблялъ всѣ средства возстановить его. Онъ слышалъ, что есть средство возстановить сонъ, что для этого нужно принять только опіуму. Но гдѣ достать этого опіуму? Онъ вспомнилъ про одного персіянину, содержавшаго магазинъ шалей, который всегда почти, когда ни встрѣчалъ его, просилъ нарисовать ему красавицу. Онъ рѣшился отправиться къ нему, предполагая, что у него безъ-сомнѣнія есть этотъ опіумъ. Персіянинъ принялъ его, сядя на диванъ и поджавши подъ себя ноги. «На что тебѣ опіумъ?» спросилъ онъ его. Пискаревъ разсказалъ ему про свою бессонницу. «Хорошо, я дамъ тебѣ опіуму, только нарисуй мнѣ красавицу. Чтобъ хорошая была красавица! чтобы брови были черныя и очи большія, какъ маслины; а я сама чтобы лежала возлѣ нея и курила трубку! Слышишь, чтобы хорошая была! чтобы была красавица!» Пискаревъ обѣщалъ все. Персія-

нинъ на-минуту вышелъ и возвратился съ баночкою, наполненною темною жидкостью, бережно отлилъ часть ея въ другую баночку и далъ Пискареву съ наставленіемъ употреблять не больше, какъ по семи капель въ водѣ. Съ жадностію схватилъ онъ эту драгоценную баночку, которую не отдалъ бы за груды золота и опрометью побѣжалъ домой.

Пришедши домой, онъ отлилъ нѣсколько капель въ стаканъ съ водою и, проглотивъ, завалился спать.

Боже какая радость! Она! опять она! но уже совершенно въ другомъ видѣ! О какъ хорошо сидитъ она у окна деревенскаго свѣтлаго домика! нарядъ ея дышитъ такою простотою, въ какую только облекается мысль поэта. Прическа на головѣ ея, ... Создатель! какъ проста эта прическа и какъ она идетъ къ ней! Коротенькая косынка была слегка накинута на стройной ея шейкѣ; все въ ней скромно, все въ ней тайное, неизъяснимое чувство вкуса. Какъ мила ея граціозная походка! какъ музыкаленъ шумъ ея шаговъ и простенькаго платья! какъ хороша рука ея, стиснутая волоснымъ браслетомъ. Она говоритъ ему со слезою на глазахъ: «не презирай-

те меня: я вовсе не та, за которую вы принимаете меня; взгляните на меня, взгляните пристальнѣе и скажите: развѣ я способна къ тому, что вы думаете?» — «О! нѣтъ, нѣтъ! пусть тотъ, кто осмѣлится подумать, пусть тотъ...» Но онъ проснулся! растроганный, растерзанный, съ слезами на глазахъ. «Лучше бы ты вовсе не существовала! не жила въ міръ, а была бы созданіе вдохновеннаго художника! Я бы не отходилъ отъ холста; я бы вѣчно глядѣлъ на тебя и цаловалъ бы тебя; я бы жилъ и дышалъ тобою, какъ прекраснѣйшею мечтою—и я бы былъ тогда счастливъ; никакихъ бы желаній не простиралъ далѣе; я бы призывалъ тебя, какъ ангела-хранителя, передъ сномъ и бдѣніемъ, и тебя бы ждалъ я, когда бы случилось изображать божественное и святое. Но теперь.... какая ужасная жизнь! Что пользы въ томъ, что она живетъ? Развѣ жизнь сумасшедшаго пріятна его родственникамъ и друзьямъ, нѣкогда его любившимъ? Боже! что за жизнь наша! вѣчный раздоръ мечты съ существенностью!» Почти такія мысли занимали его безпрестанно. Ни о чемъ онъ не думалъ, даже почти ничего не ѣлъ и съ нетерпѣніемъ, со страстію любовника ожидалъ

вечера и желаннаго видѣнія. Безпрестанное устремленіе мыслей къ одному наконецъ взяло такую власть надъ всѣмъ бытіемъ его и воображеніемъ, что желанный образъ являлся ему почти каждый день всегда въ положеніи противоположномъ дѣйствительности, потому-что мысли его были совершенно чисты, какъ мысли ребенка. Чрезъ эти сновидѣнія самый предметъ какъ-то болѣе дѣлался чистымъ и вовсе преображался.

Пріемы опиума еще болѣе раскалили его мысли; и если былъ когда-нибудь влюбленный до послѣдняго градуса безумія, стремительно, ужасно, разрушительно, мятежно, то этотъ несчастный былъ — онъ.

Изъ всѣхъ сновидѣній, одно было радостнѣе для него всѣхъ: ему представилась его мастерская. Онъ такъ былъ веселъ, съ такимъ наслаженіемъ сидѣлъ съ палитрою въ рукахъ! И она тутъ же. Она была уже его женою. Она сидѣла возлѣ него, облокотившись прелестнымъ локоткомъ своимъ на спинку его стула, и смотрѣла на его работу. Въ ея глазахъ, томныхъ, усталыхъ, написано было бремя блаженства: все въ комнатѣ его дышало расмъ; было такъ свѣт-

ло, такъ убрано. Создатель! она склонилась къ нему на грудь прелестную свою головку... Лучшаго сна онъ еще никогда не видывалъ. Онъ всталъ послѣ него какъ-то свѣжѣе и менѣе разсѣянный, чѣмъ прежде. Въ головѣ его родились странныя мысли: можетъ-быть, думалъ онъ, она вовлечена какимъ-нибудь невольнымъ ужаснымъ случаемъ въ развратъ; можетъ-быть, движенія души ея склонны къ раскаянію; можетъ-быть, она желала бы сама вырваться изъ ужаснаго состоянія своего. И неужели равнодушно допустить ея гибель и притомъ тогда, когда только стоить подать руку, чтобы спасти ее отъ потопленія. Мысли его простирались еще далѣе: «меня никто не знаетъ» говорилъ онъ самъ-себѣ: да и кому какое до меня дѣло, да и мнѣ тоже нѣтъ до нихъ дѣла. Если она изъявитъ чистое раскаяніе и переменитъ жизнь свою, я женюсь на ней. Я долженъ на ней жениться и, вѣрно, сдѣлаю гораздо лучше, нежели многіе, которые женятся на своихъ ключницахъ и даже часто на самыхъ презрѣнныхъ тваряхъ. Но мой подвигъ будетъ безкорыстенъ и, можетъ-быть, даже великъ: я возвращу міру лучшее его украшеніе».

Составивши такой легкомысленный планъ, онъ почувствовалъ, что краска вспыхнула на его лицѣ; онъ подошелъ къ зеркалу и самъ испугался впалыхъ щекъ и блѣдности своего лица. Тщательно началъ онъ принаряжаться; пріумылся, пригладилъ волосы, надѣлъ новый фракъ, щегольской жилетъ, набросилъ плащъ и вышелъ на улицу. Онъдохнулъ свѣжимъ воздухомъ и почувствовалъ свѣжесть на сердцѣ, какъ выздоравливающій, который рѣшился выйти въ первый разъ послѣ продолжительной болѣзни. Сердце его билось, когда онъ подходилъ къ той улицѣ, на которой нога его не была со времени роковой встрѣчи.

Долго онъ искалъ дома; казалось, память ему изменила. Онъ два раза прошелъ улицу и не зналъ, передъ которымъ остановиться. Наконецъ одинъ показался ему похожимъ. Онъ быстро взбѣжалъ на лѣстницу, постучалъ въ дверь: дверь отворилась, и кто же вышелъ къ нему на-встрѣчу? Его идеалъ, его таинственный образъ, оригиналъ мечтательныхъ картинъ, та, которою онъ жилъ, такъ ужасно, такъ страдательно, такъ сладко жилъ. Она сама стояла передъ нимъ: онъ затрепеталъ; онъ едва могъ удержаться на по-

гахъ отъ слабости, обхваченный порывомъ радости. Она стояла передъ нимъ также прекрасна, хотя глаза ея были заспаны, хотя блѣдность кралась на лицъ ея, уже не такъ свѣжемъ, но она все была прекрасна.

«А!» вскрикнула она, увидѣвши Пискарева и протирая глаза свои (тогда было уже два часа): «зачѣмъ вы убѣжали тогда отъ насъ?»

Онъ, въ изнеможеніи, сѣлъ на стулъ и глядѣлъ на нее.

«А я только-что теперь проснулась; меня привезли въ семь часовъ утра. Я была совсѣмъ пьяна» прибавила она съ улыбкою.

О! лучше бы ты была нѣма и лишена вовсе языка, чѣмъ произносить такія рѣчи! Она вдругъ показала ему, какъ въ панорамѣ, всю жизнь ея. Однакожъ, несмотря на это, скрѣпившись сердцемъ, рѣшился попробовать онъ, не будутъ ли имѣть надъ нею дѣйствія его увѣщанія. Собравшись съ духомъ, онъ дрожащимъ и вмѣстѣ пламеннымъ голосомъ началъ представлять ей ужасное ея положеніе. Она слушала его со внимательнымъ видомъ и съ тѣмъ чувствомъ удивленія, которое мы изъясняемъ при видѣ чего-нибудь неожиданнаго и страннаго. Она взглянула,

легко улыбувшись, на сидѣвшую въ углу свою пріятельницу, которая, оставивши вычищать гребешокъ, тоже слушала со вниманіемъ новаго проповѣдника.

«Правда, я бѣденъ» сказалъ наконецъ, послѣ долгаго и поучительнаго увѣщанія, Пискаревъ: «но мы станемъ трудиться; мы постараемся непрерывно одинъ передъ другимъ улучшить нашу жизнь. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ быть обязану во всемъ самому-себѣ. Я буду сидѣть за картинами, ты будешь, сидя возлѣ меня, одушевлять мои труды, вышивать, или заниматься другимъ рукодѣліемъ,—и мы ни въ чемъ не будемъ имѣть недостатка».

«Какъ можно!» прервала она рѣчь съ выраженіемъ какого-то презрѣнія: «я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работою».

Боже! въ этихъ словахъ выразилась вся низкая, вся презрѣнная жизнь, жизнь, исполненная пустоты и праздности, вѣрныхъ спутниковъ разврата.

«Женитесь на мнѣ!» подхватила, съ наглымъ видомъ, молчаливая дотошъ въ углу ея пріятельница: «если я буду женою, я буду сидѣть вотъ какъ!» при этомъ она сдѣлала какую-то глупую

мину на жалкомъ лицѣ своемъ, которою чрезвычайно разсмѣшила красавицу.

О! это уже слишкомъ! этого нѣтъ силъ перенести! Онъ бросился вопъ, потерявши чувства и мысли. Умъ его помутился: глупо, безцѣли, не видя ничего, не слыша, не чувствуя, бродилъ онъ весь день. Никто не могъ знать, ночевалъ ли онъ гдѣ-нибудь, или нѣтъ; на другой только день какимъ-то глупымъ инстинктомъ зашелъ онъ на свою квартиру, блѣдный, съ ужаснымъ видомъ, съ растрепанными волосами, съ признаками безумія на лицѣ. Онъ заперся въ своей комнатѣ и никого не впускалъ, ничего не требовалъ. Протекли четыре дня, и его запертая комната ни разу не отворилась; наконецъ прошла недѣля, и комната все также была заперта. Бросились къ дверямъ, начали звать его, но никакого не было отвѣта; наконецъ выломали дверь — и нашли бездыханный трупъ его съ перерѣзаннымъ горломъ. Окровавленная бритва валялась на полу. По судорожно-расквашеннымъ рукамъ и по страшно-искаженному виду, можно было заключить, что рука его была невѣрна и что онъ долго еще мучился, прежде нежели грѣшная душа его оставила тѣло.

Такъ погибъ, жертва безумной страсти, бѣдный Пискаревъ, тихій, робкій, скромный, дѣтски-простодушный, носившій въ себѣ искру таланта, который быть-можетъ, современемъ вспыхнулъ бы широко и ярко. Никто не заплакалъ надъ нимъ; никого не видно было возлѣ его бездушнаго трупа, кромѣ обыкновенной фигуры квартальнаго надзирателя и равнодушной мины городского лекаря. Гробъ его тихо, даже безъ обрядовъ религіи повезли на Охту; за нимъ идущи, плакалъ одинъ только солдатъ — сторожъ и то потому, что выпилъ лишній штофъ водки. Даже поручикъ Широковъ не пришелъ посмотреть на трупъ несчастнаго бѣдняка, которому онъ при жизни оказывалъ свое высокое покровительство. Впрочемъ, ему было вовсе не до того: онъ былъ занятъ чрезвычайнымъ происшествіемъ. Но обратимся къ нему. — Я не люблю труповъ и покойниковъ, и мнѣ всегда непріятно, когда переходитъ мою дорогу длинная погребальная процессія и инвалидный солдатъ, одѣтый какимъ-то капуциномъ, нюхаетъ лѣвою рукою табакъ, потому-что правая занята факеломъ. Я всегда чувствую на душѣ досаду при видѣ богатаго катафалка и бархатнаго гроба; но до-

сада моя смѣшивается съ грустью, когда я вижу, какъ ломовой извозчикъ тащить красный, ничемъ не покрытый гробъ бѣдняка, и только одна какая-нибудь нищая, встрѣтившись на перекресткѣ, плетется за нимъ, не имѣя другаго дѣла.

Мы, кажется, оставили поручика Пирогова на томъ, какъ онъ расстался съ бѣднымъ Пискаревымъ и устремился за блондинкою. Эта блондинка была легенькое, довольно интересное созданье. Она останавливалась передъ каждымъ магазиномъ и заглядывалась на выставленные въ окнахъ кушаки, косынки, серьги, перчатки и другія бездѣлушки, безпрестанно вертѣлась, глаза во все стороны и оглядывалась назадъ. «Ты голубунка моя!» говорилъ съ самоуверенностію Пироговъ, продолжая свое преслѣдованіе, и закутавши лицо свое воротникомъ шинели, чтобы не встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ. Но не мѣшаетъ извѣстить читателей, кто таковъ былъ поручикъ Пироговъ.

Но прежде нежели мы скажемъ, кто таковъ былъ поручикъ Пироговъ, не мѣшаетъ кое-что рассказать о томъ обществѣ, къ которому принадлежалъ Пироговъ. Есть офицеры, составляю-

щіе въ Петербургъ какой-то средній классъ общества. На вечеръ, на обѣдъ у статскаго совѣтника, или у дѣйствительнаго-статскаго, который выслужилъ этотъ чинъ сорокалѣтними трудами, вы всегда найдете одного изъ нихъ. Нѣсколько блѣдныхъ, совершенно безцвѣтныхъ, какъ Петербургъ, дочерей, изъ которыхъ нѣтъ перерѣзанъ, чайный столикъ, фортепіано, домашніе танцы — все это бываетъ нераздѣльно съ свѣтлымъ эпизодомъ, который блещетъ при лампѣ, между благоправной блондинкой и чернымъ фракомъ брата, или домашняго знакомаго. Этихъ хладнокровныхъ дѣвицъ чрезвычайно трудно расшевелить и заставить смѣяться; для этого нужно большое искусство, или, лучше сказать, совсѣмъ не имѣть никакого искусства. Нужно говорить такъ, чтобы не было ни слишкомъ умно, ни слишкомъ смѣшно, чтобы во всемъ была та мелочь, которую любятъ женщины. Въ этомъ надобно отдать справедливость означеннымъ господамъ. Они имѣютъ особенный даръ заставлять смѣяться и слушать этихъ безцвѣтныхъ красавицъ. Восклицанія, задумываемыя смѣхомъ и словами: «ахъ перестаньте! не стыдно ли вамъ такъ смѣшнить!» бываютъ имъ часто лучшею награ-

дою. Въ высшемъ классѣ они попадаются очень рѣдко, или, лучше сказать, никогда; оттуда они совершенно вытѣснены тѣмъ, что называютъ въ этомъ обществѣ аристократами; впрочемъ, они считаются учеными и воспитанными людьми. Они любятъ потолковать о литературѣ; хвалятъ Булгарина, Пушкина и Греча, и говорятъ съ презрѣніемъ и остроумными колкостями объ А. А. Орловѣ. Они не пропускаютъ ни одной публичной лекціи, будь она о бухгалтеріи, или даже о лѣсоводствѣ. Въ театрѣ, какая бы ни была пѣса, вы всегда найдете одного изъ нихъ, исключая развѣ если уже играютъ какіе-нибудь Филатки, которыми очень оскорбляется ихъ разборчивый вкусъ. Въ театрѣ они безсмыслино. Это самые выгодные люди для театральной дирекціи. Они особенно любятъ въ пѣсѣ хорошіе стихи, также очень любятъ громко вызывать актеровъ; многіе изъ нихъ, преподавая въ казенныхъ заведеніяхъ, или приготовляя къ казеннымъ заведеніямъ, заводятся наконецъ кабріолетомъ и парой лошадей. Тогда кругъ ихъ становится обширнѣе; они достигаютъ наконецъ до того, что женятся на куначеской дочери, умѣющей играть на фортепіано, съ сотнею тысячъ,

или около того наличныхъ, и кучею бородатой родни. Однакожъ этой чести они не прежде могутъ достигнуть, какъ дослужившись по-крайней-мѣрѣ до полковничьяго чина, потому-что русскія бородки несмотря на то, что отъ нихъ еще нѣсколько отзывается канустою, никакимъ образомъ не хотятъ видѣть дочерей своихъ ни за кѣмъ, кромѣ генераловъ или по-крайней-мѣрѣ полковниковъ. Таковы главныя черты этого сорта молодыхъ людей. Но поручикъ Пироговъ имѣлъ множество талантовъ, собственно ему принадлежавшихъ: онъ превосходно декламировалъ стихи изъ «Дмитрія Донскаго» и «Горе отъ Ума»; имѣлъ особенное искусство пускать изъ трубки дымъ кольцами такъ удачно, что вдругъ могъ нанизать ихъ около десяти одно на другое; умѣлъ очень пріятно рассказывать анекдотъ о томъ, что пушка сама-по-себѣ, а единорогъ самъ-по-себѣ. Впрочемъ, оно нѣсколько трудно перечистъ все таланты, которыми судьба наградила Пирогова. Онъ любилъ поговорить объ актрисѣ и танцовщицѣ; но уже не такъ рѣзко, какъ обыкновенно изъясняется объ этомъ предметъ молодой прапорщикъ. Онъ былъ очень доволенъ своимъ чиномъ, въ который былъ произведенъ

недавно; и хотя иногда, лежа на диванъ, онъ говорилъ: «охъ, охъ! суета, все суета! что изъ этого, что я поручикъ?» но втайнѣ его очень льстило это новое достоинство; онъ въ разговоръ часто старался намекнуть о немъ обинякомъ; и одинъ разъ, когда попался ему на улицѣ какой-то писарь, показавшійся ему невѣжливымъ, онъ немедленно остановилъ его, и въ немногихъ, но рѣзкихъ словахъ далъ замѣтить ему, что передъ нимъ стоялъ поручикъ, а не другой какой офицеръ. Тѣмъ болѣе старался онъ изложить это краснорѣчивѣе, что тогда проходили мимо его двѣ, весьма недурныя дамы. Пироговъ вообще показывалъ страсть ко всему изящному и поощрялъ художника Пискарева. Впрочемъ, это происходило, можетъ-быть, оттого, что ему весьма желалось видѣть мужественную фizioномію свою на портретѣ. Но довольно о качествахъ Пирогова. Человѣкъ такое дивное существо, что никогда нельзя исчислить вдругъ всѣхъ его достоинствъ, и чѣмъ болѣе въ него всматриваешься, тѣмъ болѣе является новыхъ особенностей, и описаніе ихъ было бы бесконечно. Итакъ, Пироговъ не переставалъ преслѣдовать незнакомку, отъ времени до времени занимая ее вопро-

сами, на которые она отвѣчала рѣзко, отрывисто и какими-то неясными звуками. Они вошли темными казанскими воротами въ Мѣщанскую улицу — улицу табачныхъ и мелочныхъ лавокъ, нѣмцевъ-ремесленниковъ и чухонскихъ нимфъ. Блондинка бѣжала скорѣе и впорхнула въ ворота одного довольно запачканнаго дома. Пироговъ за нею. Она взбѣжала по узенькой, темной лѣстницѣ и вошла въ дверь, въ которую тоже смѣло пробрался Пироговъ. Онъ увидѣлъ себя въ большой комнатѣ, съ черными стѣнами, съ законченнымъ потолкомъ. Куча железныхъ винтовъ, слесарныхъ инструментовъ, блестящихъ кофейниковъ и подсвѣчниковъ была на столѣ; полъ былъ засоренъ мѣдными и железными опилками. Пироговъ тотчасъ смекнулъ, что это была квартира мастераго. Незнакомка порхнула далѣе въ боковую дверь. Онъ было на минуту задумался, но, слѣдуя русскому правилу, рѣшился идти впередъ; вошелъ въ комнату, вовсе не похожую на первую, убранную очень опрятно, показывавшую, что хозяинъ былъ нѣмецъ, и былъ пораженъ необыкновенно-странною картиною :

Передъ нимъ сидѣлъ Шиллеръ, не тотъ

Шиллеръ, который написалъ «Вильгельма Теля» и исторію Тридцати-лѣтней войны, но извѣстный Шиллеръ, жестяныхъ дѣлъ мастеръ въ Мьнцанской улицѣ. Возлѣ Шиллера стоялъ Гофманъ, не писатель Гофманъ, но довольно хорошій сапожникъ съ Офицерской улицы, большой пріятель Шиллера. Шиллеръ былъ пьянъ и сидѣлъ на стулѣ, топая ногою и говоря что-то съ жаромъ. Все это еще бы не удивило Пирогова, но удивило его чрезвычайно странное положеніе фигуръ. Шиллеръ сидѣлъ, выставивъ свой довольно толстый носъ и поднявши вверхъ голову; а Гофманъ держалъ его за этотъ носъ двумя пальцами и вертѣлъ лезвеемъ своего сапожнаго ножа на самой его поверхности. Обѣ особы говорили на нѣмецкомъ языкѣ, и потому поручикъ Пироговъ, который зналъ по-нѣмецки только «гутъ-моргенъ», ничего не могъ понять изъ всей этой исторіи. Впрочемъ слова Шиллера заключались вотъ въ чемъ:

«Я не хочу, мнѣ не нуженъ носъ!» говорилъ онъ, размахивая руками: «у меня на одинъ носъ выходитъ три фунта табаку въ мѣсяцъ. И я плачу въ русскій скверный магазинъ, потому-что нѣмецкій магазинъ не держитъ русскаго табаку,

я плачу въ русскій скверный магазинъ за каждый фунтъ по сорока копеекъ; это будетъ рубль двадцать копеекъ—это будетъ четырнадцать рублей сорокъ копеекъ. Слышишь, другъ мой Гофманъ? на одинъ носъ четырнадцать рублей сорокъ копеекъ! Да по праздникамъ я нюхаю рапе, потому-что я не хочу нюхать по праздникамъ русскій скверный табакъ. Въ годъ я нюхаю два фунта рапе, по два рубля фунтъ. Шесть, да четырнадцать — двадцать рублей сорокъ копеекъ на одинъ табакъ! Это разбой, я спрашиваю тебя, мой другъ Гофманъ, не такъ ли?» Гофманъ, который самъ былъ пьянъ, отвѣчалъ утвердительно. «Двадцать рублей сорокъ копеекъ! Я швабскій нѣмецъ; у меня есть король въ Германіи, я не хочу носа! рѣжь мнѣ носъ! вотъ мой носъ!»

И если бы не внезапное появленіе поручика Пирогова, то, безъ всякаго сомнѣнія, Гофманъ, отрѣзалъ бы ни за-что, ни про-что Шиллеру носъ, потому-что онъ уже привелъ ножъ свой въ такое положеніе, какъ бы хотѣлъ кронть подошву.

Шиллеру показалось очень досадно, что вдругъ незнакомое, непрощенное лицо такъ некстати ему помѣшало. Онъ, несмотря на то, что былъ

въ употребленіи чаду пива и вина, чувствовалъ, что нѣсколько неприлично въ такомъ видѣ и при такомъ дѣйствіи находиться въ присутствіи посторонняго свидѣтеля. Между-тѣмъ Пироговъ слегка наклонился и, съ свойственною ему пріятностію, сказалъ: «Вы извините меня....»

«Понесѣть вонъ!» отвѣчалъ протяжно Шиллеръ.

Это озадачило поручика Пирогова. Такое обращеніе ему было совершенно ново. Улыбка, слегка было показавшаяся на его лицѣ, вдругъ пропала. Съ чувствомъ огорченнаго достоинства онъ сказалъ: «Мнѣ странно, милостивый государь.... вы, вѣрно, не замѣтили... я офицеръ...»

«Что такое, офицеръ! я швабскій пѣмецъ. Мой самъ (при этомъ Шиллеръ ударилъ кулакомъ по столу) будетъ офицеръ: полтора года юнкеръ, два года поручикъ, и я завтра, сейчасъ офицеръ. Но я не хочу служить. Я съ офицеромъ сдѣласть этакъ: фу!» при этомъ Шиллеръ поставилъ ладонь и фукнулъ на нее.

Поручикъ Пироговъ увидѣлъ, что ему больше ничего не оставалось, какъ только удалиться; однакожъ такое обхожденіе, вовсе неприличное его званію, ему было непріятно. Онъ нѣсколь-

ко разъ останавливался на лѣстницѣ, какбы желая собраться съ духомъ и подумать о томъ, какимъ бы образомъ дать почувствовать Шиллеру его дерзость. Наконецъ разсудилъ, что Шиллера можно извинить, потому-что голова его была наполнена пивомъ; къ тому же представилась ему хорошенькая блондинка, и онъ рѣшился предать это забвенію. На другой день поручикъ Пироговъ рано поутру явился въ мастерской жестяныхъ дѣлъ мастера. Въ передней комнатѣ встрѣтила его хорошенькая блондинка и довольно суровымъ голосомъ, который очень шелъ къ ея личику, спросила: «что вамъ угодно?»

«А, здравствуйте, моя миленькая? вы меня не узнали? плутовочка, какіе хорошенькіе глазки!» При этомъ поручикъ Пироговъ хотѣлъ очень мило поднять пальцемъ ея подбородокъ; но блондинка произнесла пугливое восклицаніе и съ тою же суровостію спросила: «что вамъ угодно?»

«Васъ видѣть, больше ничего мнѣ не угодно» произнесъ поручикъ Пироговъ, довольно пріятно улыбаясь и подступая ближе; но замѣтивъ, что пугливая блондинка хотѣла прескормить въ дверь, прибавилъ: «мнѣ нужно, моя милень-
томъ ш.

кая, заказать шпоры. Вы можете мнѣ сдѣлать шпоры? хотя для того, чтобы любить васъ, вовсе не нужно шпоръ, а скорѣе бы уздечку. Какія миленькія ручки!» Поручикъ Пироговъ всегда бывалъ очень любезенъ въ изъясненіяхъ подобнаго рода.

«Я сейчасъ позову моего мужа» вскрикнула нѣмка и ушла, и чрезъ нѣсколько минутъ Пироговъ увидѣлъ Шиллера, выходившаго съ за-спанными глазами, едва очнувшись отъ вчерашняго похмѣлья. Взглянувши на офицера, онъ припомнилъ, какъ въ смутномъ снѣ, происшествіе вчерашняго дня; онъ ничего не помнилъ изъ него въ такомъ видѣ, въ какомъ оно было, но чувствовалъ, что сдѣлалъ какую-то глупость, и потому принялъ офицера съ очень суровымъ видомъ. «Я за шпоры не могу взять меньше пятнадцати рублей» произнесъ онъ, желая отдѣлаться отъ Пирогова, потому-что ему, какъ честному нѣмцу, очень совѣстно было смотрѣть на того, кто видѣлъ его въ неприличномъ положеніи. Шиллеръ любилъ пить совершенно безъ свидѣтелей съ двумя, тремя пріятелями, и запирался на это время даже отъ своихъ работниковъ.

«Зачѣмъ же такъ дорого?» ласково сказалъ Пироговъ.

«Нѣмецкая работа» хладнокровно произнесъ Шиллеръ, поглаживая подбородокъ: «русскій возьмется сдѣлать за два рубля».

«Извольте, чтобы доказать, что я васъ люблю и желаю съ вами познакомиться, я плачу пятнадцать рублей!»

Шиллеръ минуту оставался въ размышленіи: ему, какъ честному нѣмцу, сдѣлалось не много совѣстно. Желая самъ отклонить его отъ заказа, онъ объявилъ, что раньше двухъ недѣль не можетъ сдѣлать. Но Пироговъ безъ всякаго прекословія изъявилъ совершенное согласіе.

Нѣмецъ задумался и сталъ размышлять о томъ, какъ бы лучше сдѣлать свою работу, чтобы она дѣйствительно стоила пятнадцати рублей. Въ это время блондинка вошла въ мастерскую и начала рыться на столѣ, уставленномъ кофейниками. Поручикъ воспользовался задумчивостію Шиллера, подступилъ къ ней и пожалъ ручку, обнаженную до самаго плеча. Это Шиллеру очень не понравилось.

«Мейниъ Фрау!» закричалъ онъ.

«Васъ волени дохъ?» отвѣчала блондинка.

«Гензи на кухня!» Блондинка удалилась.

«Такъ черезъ двѣ недѣли?» сказалъ Пироговъ.

«Да, черезъ двѣ недѣли» отвѣчалъ въ размышленіи Шиллеръ: «у меня теперь очень много работы».

«До свиданія! я къ вамъ зайду!»

«До свиданія» отвѣчалъ Шиллеръ, запирая за нимъ дверь.

Поручикъ Пироговъ рѣшился не оставлять своихъ исканій, несмотря на то, что пѣмка okaza явный отпоръ. Онъ не могъ понять, чтобы можно было ему противиться, тѣмъ болѣе, что любезность его и блестящій чинъ, давали полное право на вниманіе. Надобно однако же сказать и то, что жена Шиллера, при всей миловидности своей, была очень глупа. Впрочемъ глупость составляетъ особенную прелесть въ хорошенькой женѣ. По-крайней-мѣрѣ, я зналъ много мужей, которые въ восторгѣ отъ глупости своихъ женъ и видятъ въ ней всѣ признаки младенческой невинности. Красота производитъ совершенныя чудеса. Всѣ душевные недостатки въ красавицѣ, вмѣсто того, чтобы произвести отвращеніе, становятся какъ-то необыкновенно

привлекательны; самый порокъ дышитъ въ нихъ миловидностью; но исчезни она — и женщины нужно быть въ двадцать разъ умнѣе мужчины, чтобы внушить къ себѣ если не любовь, то по крайней-мѣрѣ уваженіе. Впрочемъ жена Шиллера при всей глупости была всегда вѣрна своей обязанности, и потому Пирогову довольно трудно было устоять въ смѣломъ своемъ предпріятіи; но съ побѣдою пренятствій всегда соединяется наслажденіе, и блондинка становилась для него интереснѣе день-о-то-дня. Онъ началъ довольно часто осведомляться о шпорахъ, такъ-что Шиллеру это наконецъ наскучило. Онъ употреблялъ все усилія, чтобы окончить скорѣй начатые шпоры; наконецъ шпоры были готовы.

«Ахъ, какая отличная работа!» закричалъ Поручикъ Пироговъ, увидѣвши шпоры: «Господи, какъ это хорошо сдѣлано! У нашего генерала нѣтъ такихъ шпоръ».

Чувство самодовольствія проникло въ душу Шиллера. Глаза его начали глядѣть довольно весело, и онъ совершенно примирился съ Пироговымъ. «Русскій офицеръ умный человекъ» думалъ онъ самъ про-себя.

«Такъ вы, стало-быть, можете сдѣлать и

оправу, напирмѣрь, къ книжалу, или другимъ вещамъ?».

«О, очень могу!» сказалъ Шиллеръ съ улыбкою.

«Такъ сдѣлайте мнѣ оправу къ книжалу. Я вамъ принесу; у меня очень хорошій турецкій книжалъ, но мнѣ бы хотѣлось оправу къ нему сдѣлать другую».

Шиллера это какъ бомбоюхватило. Лобъ его вдругъ наморщился. Вотъ тебѣ на! подумалъ онъ про-себя, внутренно ругая себя за то, что накликалъ самъ работу. Отказаться онъ почиталъ уже безчестнымъ; притомъ же русскій офицеръ похвалилъ его работу. — Онъ, нѣсколько покачавши головою, изъявилъ свое согласіе; но поцалуй, который, уходя, Пироговъ вѣтпнлъ нахально въ самыя губки хорошенькой блондинки, повергъ его въ совершенное недоумѣніе.

Я почитаю не излишнимъ познакомить читателя нѣсколько покороче съ Шиллеромъ. Шиллеръ былъ совершенный нѣмецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Еще съ двадцати-лѣтняго возраста, съ того счастливаго времени, въ которое русскій живетъ на-фуфу, уже Шиллеръ размѣрилъ всю свою жизнь и никакого, ни въ

какомъ случаѣ, не дѣлалъ исключенія. Онъ положилъ вставать въ семь часовъ, обѣдать въ два, быть точнымъ во всемъ, и быть пьянымъ каждое воскресенье. Онъ положилъ себѣ въ теченіе десяти лѣтъ составить капиталъ изъ пятидесяти тысячъ, и уже это было такъ вѣрно и неотразимо, какъ судьба, потому-что скорѣе чиновникъ позабудетъ заглянуть въ швейцарскую своего начальника, нежели итѣмецъ рѣшится перемѣнить свое слово. Ни въ какомъ случаѣ не увеличивалъ онъ своихъ издержекъ, и если цѣна на картофель слишкомъ поднималась противъ обыкновеннаго, онъ не прибавлялъ ни одной копейки, но уменьшалъ только количество его, и хотя оставался иногда нѣсколько голоднымъ, однако же привыкалъ къ этому. Аккуратность его простиралась до того, что онъ положилъ цаловать жену свою въ сутки не болѣе двухъ разъ; а чтобы какъ-нибудь не поцаловать лишній разъ, онъ никогда не клалъ перцу болѣе одной ложечки въ свой супъ; впрочемъ въ воскресный день это правило не такъ строго исполнялось, потому-что Шиллеръ выпивалъ тогда двѣ бутылки пива и одну бутылку темной водки, которую однако же онъ всегда бранилъ.

Пилъ онъ вовсе не такъ, какъ англичанинъ, который тотчасъ послѣ обѣда запираетъ дверь на крючокъ и нарѣзывается одинъ; напротивъ, онъ какъ нѣмецъ пилъ всегда вдохновенно, или съ сапожникомъ Гофманомъ, или съ столяромъ Куицомъ, тоже нѣмцемъ и большимъ пьяницею. Таковъ былъ характеръ благороднаго Шиллера, который наконецъ былъ приведенъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Хотя онъ былъ флегматикъ и нѣмецъ, однакожъ поступки Пирогова возбудили въ немъ что-то похожее на ревность. Онъ ломалъ голову и не могъ придумать, какимъ образомъ ему избавиться отъ этого русскаго офицера. Между-тѣмъ Пироговъ, куря трубку въ кругу своихъ товарищей, потому-что уже такъ providѣніе устроило, что гдѣ офицеры, тамъ и трубки, куря трубку въ кругу своихъ товарищей, намекалъ значительно и съ пріятною улыбкою объ интрижкѣ съ хорошенькою нѣмкою, съ которою, по словамъ его, онъ уже совершенно былъ на-короткѣ и которую онъ въ-самомъ-дѣлѣ едва ли не терялъ уже надежды преклонить на свою сторону.

Въ одинъ день прохаживался онъ по Мѣщанской, поглядывая на домъ, на которомъ красо-

вадась вывѣска Шиллера съ кофейниками и самоварами; къ величайшей радости своей, увидѣлъ онъ головку блондинки, свѣсившуюся въ окошко и разглядывавшую прохожихъ. Онъ остановился, сдѣлалъ ей ручкою и сказалъ: «гутъ моргенъ». Блондинка поклонилась ему, какъ знакомому.

«Что, вашъ мужъ дома?»

«Дома» отвѣчала блондинка.

«А когда онъ не бываетъ дома?»

«Онъ по воскресеньямъ не бываетъ дома» сказала глупенькая блондинка.

«Это недурно» подумалъ про-себя Широковъ: «этимъ нужно воспользоваться». И въ слѣдующее воскресенье, какъ свѣтъ на голову, явился передъ блондинкою. Шиллера дѣйствительно не было дома. Хорошенькая хозяйка испугалась; но Широковъ поступилъ на этотъ разъ довольно осторожно, обошелся очень почтительно и, раскланявшись, показалъ всю красоту своего гибкаго, перетянутого стана. Онъ очень пріятно и учтиво шутилъ, но глупенькая нѣмка отвѣчала на все односложными словами. Наконецъ заходя со всѣхъ сторонъ, и видя, что ничто не можетъ занять ее, онъ предложилъ ей

танцевать. Нѣмка согласилась въ одну минуту, потому-что нѣмки всегда охотницы до танцевъ. На этомъ Пироговъ очень много основывалъ свою надежду, во-первыхъ, это уже доставляло ей удовольствіе, во-вторыхъ, это могло показать его турниору и ловкость, въ третьихъ, въ танцахъ ближе всего можно сойтись, обнять хорошенькую нѣмку и проложить начало всему, короче, онъ выводилъ изъ этого совершенный успѣхъ. Онъ началъ какой-то гавоть, зная, что нѣмкамъ нужна постепенность. Хорошенькая нѣмка выступила на средину комнаты и подняла прекрасную ножку. Это положеніе такъ восхитило Пирогова, что онъ бросился ее цаловать. Нѣмка начала кричать и этимъ еще болѣе увеличила свою прелесть въ глазахъ Пирогова; онъ ее засыпалъ поцалуями. Какъ вдругъ дверь отворилась и вошелъ Шиллеръ съ Гофманомъ и столяромъ Кунцомъ. Всѣ эти достойные ремесленники были нѣмцы, какъ саножники.

Но я предоставляю самимъ читателямъ судить о гнѣвѣ и негодованіи Шиллера.

«Грубіанъ!» закричалъ онъ въ величайшемъ негодованіи: «какъ ты смѣешь цаловать мою жену! Ты подлецъ, а не русскій офицеръ. Чортъ

побери, мой другъ Гофманъ, я нѣмецъ, а не русская свинья». Гофманъ отвѣчалъ утвердительно. «О, я не хочу имѣть роги! бери его, мой другъ Гофманъ, за воротникъ; я не хочу (продолжалъ онъ, сильно размахивая руками, при чемъ лицо его было похоже на красное сукно его жилета), я восемь лѣтъ живу въ Петербургѣ, у меня въ Швабінъ мать моя, и дядя мой въ Нюрнберга; я нѣмецъ, а не рогатая говядина! Прочь съ него все, мой другъ Гофманъ! держи его за руку и ногу, камрадъ мой Куицъ!» и нѣмцы схватили за руки и за ноги Широкова.

Напрасно силился онъ отбиваться: эти три ремесленника были самый дюжій народъ изъ всѣхъ петербургскихъ нѣмцевъ, и поступили съ нимъ такъ грубо и невѣжливо, что, признаюсь, я никакъ не нахожу словъ къ изображенію этого печальнаго событія.

Я увѣренъ, что Шиллеръ на другой день былъ въ сильной лихорадкѣ, что онъ дрожалъ, какъ листъ, ожидая съ минуты на минуту прихода полиціи, что онъ, Богъ знаетъ, чего бы не далъ, чтобы все происходившее вчера было во снѣ. Но что уже было, того нельзя перемѣнить. Ничто не могло сравниться съ гнѣвомъ и негодованіемъ

Пирогова. Одна мысль о такомъ ужасномъ оскорбленіи приводила его въ бѣшенство. Сибирь и плети онъ почиталъ самымъ малымъ наказаніемъ для Шиллера. Онъ летѣлъ домой, чтобы, одѣвшись, оттуда идти прямо къ генералу, описать ему самыми разительными красками буйство нѣмецкихъ ремесленниковъ. Онъ разомъ хотѣлъ подать и письменную просьбу въ главный штабъ; если же назначеніе наказанія будетъ неудовлетворительно, тогда идти дальше и дальше.

Но все это какъ-то странно кончилось: по дорогѣ онъ зашелъ въ кондитерскую, съѣлъ два слоеныхъ пирожка, прочиталъ кое-что изъ «Сѣверной Пчелы» и вышелъ уже не въ столь гнѣвномъ положеніи. Притомъ довольно пріятный прохладный вечеръ заставилъ его нѣсколько пройтись по Невскому проспекту; къ девяти часамъ онъ успокоился и нашелъ, что въ воскресенье не хорошо беспокоить генерала, притомъ, генералъ безъ-сомнѣнія куда-нибудь отозванъ. И потому Пироговъ отправился на-вечеръ къ одному правителю контрольной коллегіи, гдѣ было очень пріятное собраніе чиновниковъ и офицеровъ. Тамъ съ удовольствіемъ провелъ вечеръ, и такъ

отличился въ мазуркѣ, что привелъ въ восторгъ не только дамъ, но даже и кавалеровъ.

Дивно устроенъ свѣтъ нашъ! Думалъ я, идя третьягодни по Цевскому проспекту и приводя на память эти два происшествія. Какъ странно, какъ непостижимо играетъ нами судьба наша! Получаемъ ли мы когда-нибудь то, чего желаемъ! Достигаемъ ли мы того, къ чему, кажется, нарочно приготовлены наши силы! Все происходитъ наоборотъ. Тому судьба дала прекраснѣйшихъ лошадей, и онъ равнодушно катается на нихъ, вовсе не замѣчая ихъ красоты, тогда-какъ другой, котораго сердце горитъ лошадиною страстью, идетъ пѣшкомъ и довольствуется только тѣмъ, что пощолкаетъ языкомъ, когда мимо его проводятъ рысака. Тотъ имѣетъ отличнаго повара, но къ-сожалѣнію такой маленькій ротъ, что больше двухъ кусочковъ никакъ не можетъ пропустить; другой имѣетъ ротъ величиною въ арку главнаго штаба, но увы! долженъ довольствоваться какимъ-нибудь нѣмецкимъ обѣдомъ изъ картофеля. Какъ странно играетъ нами судьба наша!

Но страннѣе всего происшествія, случающіяся на Цевскомъ проспектѣ. О, не вѣрьте этому

Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь по-
крепче плащомъ своимъ, когда иду по немъ, и
стараюсь вовсе не глядѣть на встрѣчающіеся
предметы. Все обманъ, все мечта, все не то,
чѣмъ кажется! Вы думаете, что этотъ господинъ,
который гуляетъ въ отлично-сшитомъ сюртукѣ,
очень богатъ? — ничуть не бывало: онъ весь со-
стоитъ изъ своего сюртука. Вы воображаете,
что эти два толстяка, остановившіеся передъ
строюющею церковью, судятъ объ архитектурѣ
ея? — совсѣмъ нѣтъ: они говорятъ о томъ, какъ
странно сѣли двѣ вороны одна противъ другой.
Вы думаете, что этотъ энтузіастъ, размахиваю-
щій руками, говоритъ о томъ, какъ жена его
бросила изъ окна шарикомъ въ незнакомаго ему
вовсе офицера? — совсѣмъ нѣтъ: онъ говоритъ о Ла-
фаэтѣ. Вы думаете, что эти дамы.... но дамамъ
меньше всего вѣрьте. Менѣе заглядывайте въ
окна магазиновъ: бездѣлушки, въ нихъ выстав-
ленныя, прекрасны, но пахнутъ страшнымъ ко-
личествомъ ассигнацій. Но Боже васъ сохрани,
заглядывать дамамъ подъ шляпки! Какъ ни раз-
вѣвайся вдали плащъ красавицы, я ни за что
не пойду за нею любопытствовать. Далѣе, ради
Бога, далѣе отъ фонаря! и скорѣе, сколько мож-

но, скорѣе проходите мимо. Это счастье еще, если отдѣлаетесь тѣмъ, что онъ замѣтъ щегольской сюртукъ вашъ воиющимъ своимъ масломъ. Но и кромѣ фонаря, все дышитъ обманомъ. Онъ лжетъ во всякое время, этотъ Невскій проспектъ, но болѣе всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжетъ на него и отдѣлитъ бѣлыя и палевыя стѣны домовъ, когда весь городъ превратится въ громъ и блескъ, миріады каретъ вальтася съ мостовъ, форейторы кричатъ и прыгаютъ на лошадяхъ, и когда самъ демонъ зажигаетъ лампы для того только, чтобы показать все не въ настоящемъ видѣ.

НОСЪ.

НОСТЬ.

=

I.

Марта 25 числа случилось въ Петербургъ необыкновенно-странное происшествіе. Цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ, живущій на Вознесенскомъ проспектъ (фамилія его утрачена, и даже на вывѣскѣ его, гдѣ изображенъ господинъ съ намышленною щекою и надписью: «и кровь отворяютъ» — не выставлено ничего болѣе), цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ проснулся доволь-

★

но рано, и услышалъ запахъ горячаго хлѣба. Приподнявшись немного на кровати, онъ увидѣлъ, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофе, вынимала изъ печи только-что испеченные хлѣбы.

«Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофе» сказалъ Иванъ Яковлевичъ: «а вмѣсто того хочется мнѣ съѣсть горячаго хлѣбца съ лукомъ». (То есть, Иванъ Яковлевичъ хотѣлъ бы и того и другаго, но зналъ, что было совершенно невозможно требовать двухъ вещей разомъ, ибо Прасковья Осиповна очень не любила такихъ прихотей). «Пусть дуракъ ѣстъ хлѣбъ; мнѣ же лучше» подумала про-себя супруга: «останется кофею лишняя порція». И бросила одинъ хлѣбъ на столъ.

Иванъ Яковлевичъ для приличія надѣлъ сверхъ рубашки фракъ и, усѣвшись передъ столомъ, насыпалъ соль, приготовилъ двѣ головки луку, взялъ въ руки ножъ и, сдѣлавши значительную мину, принялся рѣзать хлѣбъ. Разрѣзавши хлѣбъ на двѣ половины, онъ поглядѣлъ въ середину и, къ удивленію своему, увидѣлъ что-то бѣлѣвшееся. Иванъ Яковлевичъ ковырнулъ осторожно ножомъ и пощупалъ пальцемъ: «плотное!»

сказалъ онъ самъ про-себя: «что бы это такое было?»

Онъ засунулъ пальцы и вытащилъ — носъ!... Иванъ Яковлевичъ и руки опустилъ; сталъ протирать глаза и щупать: носъ, точно носъ! и еще, казалось, какъ-будто чей-то знакомый. Ужасъ изобразился на лицѣ Ивана Яковлевича. Но этотъ ужасъ былъ ничто противъ негодова-нія, которое овладѣло его супругою.

«Гдѣ это ты, зверь, отрезалъ носъ?» закричала она съ гнѣвомъ: «мошенникъ! пльница! я сама на тебя донесу полиціи. Разбойникъ какой! Вотъ ужъ я отъ трехъ человекъ слышала, что ты во время бритья такъ теребишь за носы, что еле держатся».

Но Иванъ Яковлевичъ былъ ни живъ, ни мертвъ: онъ узналъ, что этотъ носъ былъ не кого другого, какъ коллежскаго ассессора Кова-лева, котораго онъ брилъ каждую среду и вос-кресенье.

«Стой, Прасковья Осиповна! Я заверну его въ тряпочку и положу въ уголокъ: пусть тамъ маленьчко полежить; а послѣ я его вынесу».

«И слушать не хочу! чтобы я позволила у себя въ комнатѣ лежать отрезанному носу!...

Сухарь поджаристый! знай умѣетъ только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсѣмъ не въ состояніи будетъ исполнять, потаскушка, негодай! чтобы я стала за тебя отвѣчать полиціи?... Ахъ ты пачкунъ, бревно глупое! Вонъ его! вонъ! неси куда хочешь! чтобы я духу его не слыхала!»

Иванъ Яковлевичъ стоялъ совершенно какъ убитый. Онъ думалъ, думалъ — и не зналъ, что подумать. «Чортъ его знаетъ, какъ это случилось» сказалъ онъ наконецъ, почесавъ рукою за ухомъ; «пьянъ ли я вчера возвратился, или нѣтъ, ужъ навѣрное сказать не могу. А по всѣмъ примѣтамъ должно быть происшествіе несбыточное: ибо хлѣбъ — дѣло печеное, а носъ совсѣмъ не тѣ. Ничего не разберу!» Иванъ Яковлевичъ замолчалъ. Мысль о томъ, что полицейскіе отыщутъ у него носъ и обвинять его, привела его въ совершенное безпамятство. Уже ему мерещился алый воротникъ, красиво вышитый серебромъ, шиага.... и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Наконецъ досталъ онъ свое исподнее платье и сапоги, натащилъ на себя всю эту дрянь и, сопровождаемый не легкими увѣщаніями Прасковьи

Осиповны, завернулъ носъ въ тряпку, и вышелъ на улицу.

Онъ хотѣлъ его куда-нибудь подсунуть: или въ тумбу подъ воротами, или такъ какъ-нибудь нечаянно выронить, да и повернуть въ переулокъ. Но какъ на-бѣду ему понадался какой-нибудь знакомый человѣкъ, который начиналъ тотчасъ вопросомъ: «куда идешь?» или: «кого такъ рано собрался брить?» такъ-что Иванъ Яковлевичъ никакъ не могъ улучшить минуты. Въ другой разъ онъ уже совсѣмъ уронилъ — было носъ; но будочникъ еще издали указалъ ему алебардою, примолвивъ: «подыми! вонъ ты что-то уронилъ!» и Иванъ Яковлевичъ долженъ былъ поднять носъ и спрятать его въ карманъ. Отчаяніе овладѣло имъ, тѣмъ болѣе, что народъ безпрестанно умножался на улицѣ, по мѣрѣ того, какъ начали отпираться магазины и лавочки.

Онъ рѣшился идти къ Исакіевскому мосту: не удастся ли какъ-нибудь швырнуть его въ Неву?... Но я нѣсколько виноватъ, что до-сихъ-поръ не сказалъ ничего объ Иванѣ Яковлевичѣ, человѣкѣ почтенномъ во многихъ отношеніяхъ.

Иванъ Яковлевичъ, какъ всякій порядочный русскій мастеровой, былъ пьяница страшный. И хо-

тя каждый день брилъ чужіе подбородки, но его собственный былъ у него вѣчно не бритъ. Фракъ у Ивана Яковлевича (Иванъ Яковлевичъ никогда не ходилъ въ сюртукъ) былъ пѣгій; то есть онъ былъ черный, но весь въ коричнево-желтыхъ и сѣрыхъ яблокахъ; воротникъ лоснился; а вмѣсто трехъ пуговицъ висѣли однѣ только ниточки. Иванъ Яковлевичъ былъ большой циникъ, и когда коллежскій ассессоръ Ковалевъ обыкновенно говорилъ ему во время бритья: «у тебя, Иванъ Яковлевичъ, вѣчно воияютъ руки!» то Иванъ Яковлевичъ отвѣчалъ на это вопросомъ: «отчего жъ бы имъ воиять?»—«Не знаю, братецъ, только воияютъ» говорилъ коллежскій ассессоръ, и Иванъ Яковлевичъ, пошохавши табаку, мылъ ему за это на щекъ, и подъ носомъ, и за ухомъ, и подъ бородою, однимъ словомъ, гдѣ только ему была охота.

Этотъ почтенный гражданинъ находился уже на Исакіевскомъ мосту. Онъ прежде всего осмотрѣлся; потомъ нагнулся на перила, будто-бы посмотреть подъ мостъ, много ли рыбы бѣжитъ, и швырнулъ потихоньку тринку съ носомъ. Онъ почувствовалъ какъ-будто бы съ него разомъ снялось десять пудъ: Иванъ Яковлевичъ даже

усмѣхнулся. Въмѣсто того, чтобы идти брить чиновничьи подбородки, онъ отправился въ заведеніе съ надписью: «кушанье и чай», спросить стаканъ пуншу, какъ вдругъ замѣтилъ въ концѣ моста квартальнаго надзирателя, благородной наружности, съ широкими бакенбардами, въ треугольной шляпѣ, со шпагою. Онъ обмеръ; а между-тѣмъ квартальный кивалъ ему пальцемъ и говорилъ: «а подойди сюда, любезный!»

Иванъ Яковлевичъ, зная форму, снялъ издали еще картузь, и подошедши проворно, сказалъ: «желаю здравія вашему благородію!»

«Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, не благородію; скажи-ка, что ты тамъ дѣлалъ, стоя на мосту?»

«Ейбогу, сударь, ходилъ брить, да посматрѣлъ только, шибко ли рѣзка идетъ».

«Врешь, врешь! Этимъ не отделаешься. Изволь-ка отвѣчать!»

«Я вашу милость два раза въ недѣлю, или даже три, готовъ брить безъ всякаго прекословія» отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ.

«Нѣтъ, пріятель, это пустяки! Меня три цырюльника бреютъ, да еще и за большую честь почитаютъ. А вотъ изволь-ка рассказать, что ты тамъ дѣлалъ?»

Иванъ Яковлевичъ поблѣднѣлъ.... Но здѣсь происшествіе совершенно закрывается туманомъ, и что далѣе произошло, рѣшительно ничего неизвѣстно.

III.

Коллежскій ассессоръ Ковалевъ проснулся довольно рано, и сдѣлалъ губами: «брр...» — что всегда онъ дѣлалъ, когда просыпался, хотя самъ не могъ растолковать по какой причинѣ. Ковалевъ потянулся, приказалъ себѣ подать небольшое, стоявшее на столѣ, зеркало. Онъ хотѣлъ взглянуть на прыщикъ, который вчерашняго вечера вскочилъ у него на носу; но къ величайшему изумленію увидѣлъ, что у него вмѣсто носа совершенно гладкое мѣсто! Испугавшись, Ковалевъ велѣлъ подать воды и протеръ полотенцемъ глаза: точно нѣтъ носа! Онъ началъ щупать рукою, чтобы узнать, не спитъ ли онъ? кажется, не спитъ. Коллежскій ассессоръ Ковалевъ вскочилъ съ кровати, встряхнулся: нѣтъ

носа!... Онъ велѣлъ тотчасъ подать себѣ одѣться, и полетѣлъ прямо къ оберъ-полиціймейстеру.

Но между-тѣмъ необходимо сказать что-нибудь о Ковалевѣ, чтобы читатель могъ видѣть, какого рода былъ этотъ коллежскій ассессоръ. Коллежскихъ ассессоровъ, которые получаютъ это званіе съ помощію ученыхъ аттестатовъ, никакъ нельзя сравнивать съ тѣми коллежскими ассессорами, которые дѣлались на Кавказѣ. Это два совершенно особенные рода. Ученые коллежскіе ассессоры.... Но Россія такая чудная земля, что если скажешь объ одномъ коллежскомъ ассессорѣ, то все коллежскіе ассессоры, отъ Риги до Камчатки, непременно примутъ на свой счетъ; то же разумѣй и о всехъ званіяхъ и чинахъ. Ковалевъ былъ кавказскій коллежскій ассессоръ. Онъ два года только еще состоялъ въ этомъ званіи, а потому ни на-минуту не могъ его позабыть; а чтобы болѣе придать себѣ благородства и вѣсу, онъ никогда не называлъ себя коллежскимъ ассессоромъ, но всегда майоромъ. «Послушай, голубушка» говорилъ онъ обыкновенно, встрѣтивши на улицѣ бабу, продававшую манишки: «ты приходи ко мнѣ на домъ; квартира моя въ Садовой; спроси только: здѣсь ли жи-

ветъ майоръ Ковалевъ — тебѣ всякій покажетъ». Если же встрѣчалъ какую-нибудь смазливенькую, то давалъ ей сверхъ того секретное приказаніе, прибавляя: «Ты спроси, душенька, квартиру майора Ковалева». По этому-то самому и мы будемъ впередъ этого коллежскаго ассессора называть майоромъ.

Майоръ Ковалевъ имѣлъ обыкновеніе каждый день прохаживаться по Невскому проспекту. Воротничекъ его мантишки былъ всегда чрезвычайно чистъ и накрахмаленъ. Бакенбарды у него были такого рода, какія и теперь еще можно видѣть у губернскихъ и уѣздныхъ землемѣровъ, у архитекторовъ и полковыхъ докторовъ, такъ же у отпращивающихъ разныя обязанности, и вообще у всѣхъ тѣхъ мужей, которые имѣютъ полныя, румяныя щеки и очень хорошо играютъ въ бостонъ: эти бакенбарды идутъ по самой срединѣ щеки и прямехонько доходятъ до носа. Майоръ Ковалевъ носилъ множество сердолжковыхъ печатокъ, и съ гербами, и такихъ, на которыхъ было вырѣзано: среда, четвергъ, понедельникъ и проч. Майоръ Ковалевъ пріѣхалъ въ Петербургъ по надобности, а именно, искать приличнаго своему званію мѣста: если удастся,

то вице-губернаторскаго, а не то — экзекуторскаго въ какомъ-нибудь видномъ департаментѣ. Майоръ Ковалевъ былъ не прочь и жениться; но только въ такомъ случаѣ, когда за невѣстою случится двѣсти тысячъ капитала. И потому читатель теперь можетъ судить самъ, каково было положеніе этого майора, когда онъ увидѣлъ, вмѣсто довольно недурнаго и умѣреннаго носа, преглуное, ровное и гладкое мѣсто.

Какъ на бѣду, ни одинъ извозчикъ не показывался на улицѣ, и онъ долженъ былъ идти пѣшкомъ, закутавшись въ свой плащъ и закрывши платкомъ лицо, показывая видъ какъ-будто у него шла кровь. «Но авось-либо мнѣ такъ представилось: не можетъ быть, чтобы носъ пропалъ съ-дуру» подумалъ онъ и зашелъ въ кондитерскую нарочно съ тѣмъ, чтобы посмотретьсь въ зеркало. Къ-счастью, въ кондитерской никого не было; мальчишки мели комнаты и разставляли стулья; нѣкоторые съ сонными глазами выносили на подносахъ горячіе пирожки; на столахъ и стульяхъ валялись запитыя кофе-емъ вчерашнія газеты. «Ну, слава Богу, никого нѣтъ» произнесъ онъ: «теперь можно поглядѣть». Онъ робко подошелъ къ зеркалу и взглянулъ:

«Чортъ знаетъ что, какая дрянь!» произнесъ онъ, плюнувши: «хотя бы уже что-нибудь было вмѣсто носа, а то ничего!...»

Съ досадою, закусивъ губы, вышелъ онъ изъ кондитерской, и рѣшился, противъ своего обыкновенія, не глядѣть ни на кого, и никому не улыбаться. Вдругъ онъ сталъ, какъ вкопанный у дверей одного дома; въ глазахъ его произошло явленіе неизъяснимое: передъ подъѣздомъ остановилась карета; дверцы отворились; выпрыгнулъ, согнувшись, господинъ въ мундиръ, и побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Каковъ же былъ ужасъ и вмѣстѣ изумленіе Ковалева, когда онъ узналъ, что это былъ — собственный его носъ! При этомъ необыкновенномъ зрѣлищѣ, казалось ему, все переверотилось у него въ глазахъ; онъ чувствовалъ, что едва могъ стоять; но рѣшился, во что бы ни стало ожидать его возвращенія въ карету, весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ. Чрезъ двѣ минуты, носъ действительно вышелъ. Онъ былъ въ мундиръ, шитомъ золотомъ, съ большимъ стоячимъ воротникомъ; на немъ были замшевые панталюны; на боку шпага. По шляпѣ съ плюмажемъ можно было заключить, что онъ считался въ рангъ статскаго совѣтника. По все-

му замѣтно было, что онъ ѣхалъ куда-нибудь съ визитомъ. Онъ поглядѣлъ на обѣ стороны, закричалъ кучеру: «подавай!» сѣлъ и уѣхалъ.

Бѣдный Ковалевъ чуть не сошелъ съ ума. Онъ не зналъ какъ и подумать о такомъ странномъ происшествіи. Какъ же можно въ-самомъ-дѣлѣ, чтобы носъ, который еще вчера былъ у него на лицѣ и не могъ ни ѣздить, ни ходить, былъ въ мундирѣ! Онъ побѣжалъ за каретою, которая къ-счастію проѣхала недалеко и остановилась передъ гостинымъ дворомъ. Онъ попынчалъ туда, пробрался сквозь рядъ нищихъ старухъ съ завязанными лицами и двумя отверстіями для глазъ, надъ которыми онъ прежде такъ смѣялся. Народу было немного. Ковалевъ чувствовалъ себя въ такомъ разстроенномъ состояніи, что ни на что не могъ рѣшиться, и искалъ глазами этого господина по всемъ угламъ. Наконецъ увидѣлъ его стоявшаго передъ лавкою. Носъ спряталъ совершенно лицо свое въ большой стоячій воротникъ, и съ глубокимъ вниманіемъ разсматривалъ какіе-то товары.

«Какъ подойти къ нему?» думалъ Ковалевъ. «По всему, по мундиру, по шляпѣ, видно, что

онъ статскій совѣтникъ. Чортъ его знаетъ, какъ это сдѣлать!»

Онъ началъ около него покашливать; но носъ ни на-минуту не оставлялъ своего положенія.

«Милостивый государь» сказалъ Ковалевъ, внутренно принуждая себя ободриться: «милостивый государь....»

«Что вамъ угодно?» отвѣчалъ носъ, оборотившись.

«Мнѣ странно, милостивый государь.... мнѣ кажется.... вы должны знать свое мѣсто. И вдругъ я васъ нахожу и гдѣ же?... Согласитесь....»

«Извините меня, я не могу взять въ толкъ, о чемъ вы изволите говорить.... Объяснитесь».

«Какъ мнѣ ему объяснить?» подумалъ Ковалевъ и, собравшись съ духомъ, началъ: «Конечно я.... впрочемъ я майоръ. Мнѣ ходить безъ носа, согласитесь, это не прилично. Какой-нибудь торговкъ, которая продаетъ на Воскресенскомъ мосту очищенные апельсины, можно сидѣть безъ носу; но, имѣя въ виду получить.... притомъ, будучи во многихъ домахъ знакомъ съ дамами: Чехтырева, статская совѣтница, и другія.... Вы посудите сами.... я не знаю, милости-

вый государь.... (при этомъ майоръ Ковалевъ пожалъ плечами).... извините.... если на это смотрѣть сообразно съ правилами долга и чести.... вы сами можете понять....»

«Ничего рѣшительно не понимаю» отвѣчалъ носъ: «изъяснитесь удовлетворительнѣе».

«Милостивый государь» сказалъ Ковалевъ съ чувствомъ собственного достоинства: «я не знаю, какъ понимать слова ваши.... Здѣсь все дѣло, кажется, совершенно очевидно.... или вы хотите.... Въдь вы мой собственный носъ!»

Носъ посмотрѣлъ на майора, и брови его нахмурились.

«Вы ошибаетесь, милостивый государь: я самъ по-себѣ. Притомъ между нами не можетъ быть никакихъ тѣсныхъ отношеній. Судя по пуговицамъ вашего вицъ-мундира, вы должны служить по другому вѣдомству». Сказавши это, носъ отвернулся.

Ковалевъ совершенно смѣшался, не зная, что дѣлать и что даже подумать. Въ это время послышался пріятный шумъ дамскаго платья; подошла пожилая дама, вся убранная кружевами, и съ нею тоненькая, въ бѣломъ платьѣ, очень мило рисовавшаяся на ея стройной талии, въ на-
томъ же.

левой шляпкѣ, легкой, какъ пирожное. За ними остановился и открылъ табакерку высокій гайдукъ съ большими бакенбардами и цѣлой дюжиной воротниковъ.

Ковалевъ приступилъ поближе, высунулъ багистовый воротничокъ манжеты, поправилъ висѣвшій на золотой цѣпочкѣ печати свои, и улыбаясь по сторонамъ, обратилъ вниманіе на легонькую даму, которая, какъ весенній цвѣточекъ, слегка наклонялась и подносила ко лбу свою бѣленькую ручку съ полупрозрачными пальцами. Улыбка на лицѣ Ковалева раздвинулась еще далѣе, когда онъ увидѣлъ изъ-подъ шляпки ея кругленькій, яркой бѣлизны подбородокъ, и часть щеки, осыпанной цвѣтомъ первой весенней розы. Но вдругъ онъ отскочилъ, какъ будто бы обжегшись. Онъ вспомнилъ, что у него вмѣсто носа совершенно нѣтъ ничего, и слезы выдавились изъ глазъ его. Онъ оборотился съ тѣмъ, чтобы напрямикъ сказать господину въ мундирѣ, что онъ только прикинулся статскимъ совѣтникомъ, что онъ плутъ и подлецъ, и что онъ больше ничего, какъ только его собственный носъ.... Но носа уже не было: онъ

успѣлъ ускокать, вѣроятно, опять къ кому-нибудь съ визитомъ.

Это повергло Ковалева въ отчаяніе. Онъ пошолъ назадъ, и остановился съ минутою подъ колоннадою, тщательно смотря во всѣ стороны, не попадется ли гдѣ носъ. Онъ очень хорошо помнилъ, что шляпа на немъ была съ плюмажемъ и мундиръ съ золотымъ шитьемъ; но шинели не замѣтилъ, ни цвѣта его кареты, ни лошадей, ни даже того, былъ ли у него сзади какой-нибудь лакей и въ какой ливреѣ. Притомъ кареть неслось такое множество взадъ и впередъ и съ такою быстротою, что трудно было даже примѣтить; но еслибы и примѣтилъ онъ какую-нибудь изъ нихъ, то не имѣлъ бы никакихъ средствъ остановить. День былъ прекрасный и солнечный. На Невскомъ народу была тѣма; дамъ цѣлый цвѣточный водопадъ сыпался по всему тротуару, начиная отъ Полицейскаго до Анничкина моста. Вонъ и знакомый ему надворный совѣтникъ идетъ, котораго онъ называлъ подполковникомъ, особливо ежели то случалось при постороннихъ. Вонъ и Ярыгинъ, большой пріятель его, который вѣчно въ бостонъ обременивался, когда игралъ восемь. Вонъ и другой

*

майоръ, получившій на Кавказъ ассессорство, махаетъ рукой, чтобы пошелъ къ нему....

«А, чертъ возьми!» сказалъ Ковалевъ. «Эй, извозникъ, вези прямо къ полиціймейстеру!»

Ковалевъ сѣлъ въ дрожки, и только покрякивалъ извознику: «валяй во всю ивановскую!»

«У себя полиціймейстеръ?» вскричалъ онъ, зашедши въ сѣни.

«Никакъ нѣтъ» отвѣчалъ привратникъ: «только-что уѣхалъ».

«Вотъ тебѣ разъ!»

«Да» прибавилъ привратникъ: «оно и не такъ давно, но уѣхалъ; минуточкой бы пришли раньше, то, можетъ-быть, застали бы дома».

Ковалевъ, не отнимая платка отъ лица, сѣлъ на извозника и закричалъ отчаяннымъ голосомъ: «пошелъ!»

«Куда?» сказалъ извозникъ.

«Пошелъ прямо!»

«Какъ прямо? тутъ поворотъ: направо или налево?»

Этотъ вопросъ остановилъ Ковалева и заставилъ его опять подумать. Въ его положеніи следовало ему прежде всего отнестись въ управу благочинія, не потому, что оно имѣло прямое от-

ношеніе къ полиціи, но потому, что ея распоряженія могли быть гораздо быстрее, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; некатъ же удовлетворенія по начальству того мѣста, при которомъ носъ объявилъ себя служащимъ, было бы безразсудно, потому-что изъ собственныхъ отвѣтовъ носа уже можно было видѣть, что для этого человѣка ничего не было священнаго, и онъ могъ также солгать и въ этомъ случаѣ, какъ солгалъ, увѣряя, что онъ никогда не видался съ нимъ. Итакъ Ковалевъ уже хотѣлъ-было приказать ѣхать въ управу благочинія, какъ опять пришла мысль ему, что этотъ плутъ и мошенникъ, который поступилъ уже при первой встрѣчѣ такимъ безсовѣстнымъ образомъ, могъ опять удобно, пользуясь временемъ, какъ-нибудь улизнуть изъ города,—и тогда всѣ исканія будутъ тщетны, или могутъ продолжиться, чего Боже сохрани, на цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, казалось, само небо вразумило его. Онъ рѣшился отнестись прямо въ газетную экспедицію и заблаговременно сдѣлать публикацію съ обстоятельнымъ описаніемъ всѣхъ качествъ, дабы всякій встрѣтившій его, могъ въ ту же минуту его представить къ нему, или по-крайней-мѣрѣ дать знать о мѣстѣ пребыванія.

Итакъ онъ, рѣшивъ на этомъ, велѣлъ извощику ѣхать въ газетную экспедицію, и во всю дорогу не переставалъ его тузить кулакомъ въ спину, приговаривая: «скорый, подлецъ! скорый, мошенникъ!» — «Эхъ, баринъ!» говорилъ извощикъ, потряхивая головой и стегая возжей свою лошадь, на которой шерсть была длинная, какъ на болонкѣ. Дрожки наконецъ остановились, и Ковалевъ, запыхавшись, вбѣжалъ въ небольшую пріемную комнату, гдѣ съдой чиновникъ, въ старомъ фракѣ и очкахъ, сидѣлъ за столомъ, и взявши въ зубы перо, считалъ принесенныя мѣдныя деньги.

«Кто здѣсь принимаетъ объявленія?» закричалъ Ковалевъ: «а, здравствуйте!»

«Мое почтеніе» сказалъ съдой чиновникъ, поднявши на-минуту глаза и опустивши ихъ снова на разложенныя кучи денегъ.

«Я желаю припечатать....»

«Позвольте. Пропну немножко повременить» произнесъ чиновникъ, ставя одною рукою цифру на бумагѣ и передвигая пальцами лѣвой руки два очка на счетахъ. Лакей съ галунами и наружностію, показывавшею пребываніе его въ аристократическомъ домѣ, стоялъ возлѣ стола съ

запискою въ рукахъ, и почелъ приличнымъ показать свою общежительность: «Повѣрите ли, сударь, что собачонка не стоитъ восьми гривенъ т. е. я не далъ бы за нее и восьми грошей; а графиня любить, ейбогу, любить, — и вотъ тому, кто ее отыщетъ, сто рублей! Если сказать по приличію, то вотъ такъ, какъ мы теперь съ вами, вкусы людей со всѣмъ несовмѣстны: ужь когда охотникъ, то держи лягавую собаку, или пуделя; не пожалѣй пятисотъ, тысячу дай, но зато ужь, чтобъ была собака хорошая».

Почтенный чиновникъ слушалъ это съ значительною миною, и въ то же время занимался сѣткою, сколько буквъ въ принесенной запискѣ. По сторонамъ стояло множество старухъ, купеческихъ сидѣльцевъ и дворниковъ съ записками. Въ одной значилось, что отпускается въ услуженіе кучеръ трезваго поведенія; въ другой—малоподержанная коляска, вывезенная въ 1814 году изъ Парижа; тамъ отпускалась дворовая дѣвка 19-ти лѣтъ, упражнявшаяся въ прачешномъ дѣлѣ, годная и для другихъ работъ; прочныя дрожки безъ одной рессоры, молодая горячая лошадь въ сѣрыхъ яблокахъ, семнадцать лѣтъ отъ-роду, новыя полученные изъ Лондона сѣмена рѣпы и

рядна; дача со всеми угодьями: двумя стойлами для лошадей и мѣстомъ, на которомъ можно развести превосходный березовый или еловый садъ; тамъ же находился вызовъ желающихъ купить старья подошвы, съ приглашеніемъ явиться къ переторжкѣ каждый день отъ 8 до 3 часовъ утра. Комната, въ которой мѣстилось все это общество, была маленькая, и воздухъ въ ней былъ чрезвычайно густъ; но коллежскій ассессоръ Ковалевъ не могъ слышать запаха, потому-что закрылся платкомъ, и потому-что самый носъ его находился, Богъ знаетъ въ какихъ мѣстахъ.

«Милостивый государь, позвольте васъ попросить... мнѣ очень нужно» сказалъ онъ наконецъ съ терпѣніемъ.

«Сейчасъ, сейчасъ! два рубля сорокъ-три копейки! сію минуту! рубль шестьдесятъ-четыре копейки!» говорилъ съдовласый господинъ, бросая старухамъ и дворникамъ записки въ глаза. «Вамъ что угодно?» наконецъ сказалъ онъ, обратившись къ Ковалеву.

«Я прошу...» сказалъ Ковалевъ: «случилось мошенничество или плутовство, я до-сихъ-поръ не могу никакъ узнать. Я прошу только

припечатать, что тотъ, кто ко мнѣ этого подмеса представить, получить достаточное вознагражденіе».

«Позвольте узнать, какъ ваша фамилія?»

«Нѣтъ, зачѣмъ же фамилію? мнѣ нельзя сказать ее. У меня много знакомыхъ: Чехтарева статская советница, Палагея Григорьевна Подтопина, штабъ-офицерша... Вдругъ узнаютъ, Боже сохрани! Вы можете просто написать: коллежскій ассессоръ, или, еще лучше, состоящій въ майорскомъ чинѣ».

«А сбѣжавшій былъ вашъ дворовый человѣкъ?»

«Какое, дворовый человѣкъ! это бы еще не такое большое мошенничество! сбѣжалъ отъ меня.... носъ....»

«Гм! какая странная фамилія! и на большую сумму этотъ г. Носовъ обокралъ васъ?»

«Носъ, то есть.... вы не тó думаете! Носъ, мой собственный носъ пропалъ неизвѣстно куда. Чортъ хотѣлъ подшутить надо мною!»

«Да какимъ же образомъ пропалъ? я что-то не могу хорошенько понять!»

«Да я не могу вамъ сказать, какимъ образомъ; но главное тó, что онъ разъѣзжаетъ теперь по

городу и называетъ себя статскимъ совѣтникомъ. И потому я васъ прошу объявить, чтобы поймавшій представилъ его немедленно ко мнѣ въ самомъ скорѣйшемъ времени. Вы посудите, въ-самомъ-дѣлѣ, какъ же мнѣ быть безъ такой замѣтной части тѣла? это не то, что какой-нибудь мизинный палецъ на ногѣ, которую я въ сапогѣ — и ни кто не увидитъ, если его нѣтъ. Я бываю по четвергамъ у статской совѣтницы Чехтыревой; Подточина Малагея Григорьевна, штабъ-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая, тоже очень хорошіе знакомые, и вы посудите сами, какъ же мнѣ теперь.... Мнѣ теперь къ нимъ нельзя явиться».

Чиновникъ задумался, что означали крѣпко сжавшіяся губы.

«Нѣтъ, я не могу помѣстить такого объявленія въ газетахъ» сказалъ онъ наконецъ послѣ долгаго молчанія.

«Какъ? отчего?»

«Такъ. Газета можетъ потерять репутацію. Если всякій начнетъ писать, что у него сбѣжалъ носъ, то.... И такъ уже говорятъ, что печатаются много несообразностей и ложныхъ слуховъ».

«Да чѣмъ же это дѣло несообразное? Тутъ, кажется, ничего нѣтъ такого».

«Это вамъ такъ кажется, что нѣтъ. А вотъ, на прошлой недѣль, такой же былъ случай. Пришелъ чиновникъ такимъ же образомъ, какъ вы теперь пришли, принесъ записку, денегъ по расчету пришлось 2 р. 73 к., и все объявленіе состояло въ томъ, что сбѣжалъ пудель черной шерсти. Кажется, что бы тутъ такое? А вышелъ пасквиль: пудель-то этотъ былъ казначей, не помню какого-то заведенія».

«Да вѣдь я вамъ не о пудель дѣлаю объявленіе, а о собственномъ моемъ носѣ: стало-быть, почти то же, что о самомъ-себѣ».

«Нѣтъ, такого объявленія я никакъ не могу помѣстить».

«Да когда у меня точно пропалъ носъ!»

«Если пропалъ, то это дѣло медика. Говорятъ, что есть такіе люди, которые могутъ приставить какой угодно носъ. Но впрочемъ я замѣчаю, что вы должны быть человѣкъ веселаго нрава и любите въ обществѣ пошутить».

«Клянусь вамъ, вотъ какъ Богъ святъ! пожалуйста, ужь если до того дошло, то я покажу вамъ».

«Зачѣмъ безнокоитья!» продолжалъ чиновникъ, нюхая табакъ: «впрочемъ, если не въ безпокойство (прибавилъ онъ съ движеніемъ любопытства), то желательно бы взглянуть».

Коллежскій ассессоръ отнялъ отъ лица платокъ.

«Въ-самомъ-дѣлѣ чрезвычайно странно!» сказалъ чиновникъ: «мѣсто совершенно гладкое, какъ-будто бы только-что выпеченный блинъ. Да; до невѣроятности ровное!»

«Ну, вы и теперь будете спорить? Вы видите сами, что нельзя не напечатать. Я вамъ буду особенно благодаренъ, и очень радъ, что этотъ случай доставилъ мнѣ удовольствіе съ вами познакомиться». Майоръ, какъ видно изъ этого, рѣшился на сей разъ немного поподличать.

«Напечатать-то, конечно, дѣло небольшое» сказалъ чиновникъ: «только я не предвижу въ этомъ никакой для васъ выгоды. Если уже хотите, то отдайте тому, кто имѣетъ искусное перо, описать, какъ рѣдкое произведеніе натуры, и напечатать эту статейку въ «Сѣверной Пчелѣ» (тутъ онъ понюхалъ еще разъ табаку), для пользы юношества (тутъ онъ утеръ носъ), или такъ, для общаго любопытства».

Коллежскій ассессоръ былъ совершенно обез-

надеженъ. Онъ опустилъ глаза внизъ газеты, гдѣ было извѣщеніе о спектакляхъ; уже лицо его было готово улыбнуться, встрѣтивъ имя актрисы, хорошенькой собою, и рука взялась за карманъ: есть ли при немъ синяя ассигнація, потому-что штабъ-офицеры, по мнѣнію Ковалева, должны сидѣть въ креслахъ; но мысль о носѣ все испортила!

Самъ чиновникъ, казалось, былъ тронутъ затруднительнымъ положеніемъ Ковалева. Желая сколько-нибудь облегчить его горестъ, онъ почелъ приличнымъ выразить участіе свое въ нѣсколькихъ словахъ: «Мнѣ, право, очень прискорбно, что съ вами случился такой анекдотъ. Не угодно ли вамъ понюхать табачку? это разбиваетъ головныя боли и печальныя расположенія; даже въ отношеніи къ гемороидамъ это хорошо». Говоря это, чиновникъ поднесъ Ковалеву табакерку, довольно ловко подвернувъ подъ нее крышку съ портретомъ какой-то дамы въ шляпкѣ.

Этотъ неумышленный поступокъ вывелъ изъ терпѣнія Ковалева. «Я не понимаю, какъ вы находите мѣсто шуткамъ» сказалъ онъ съ сердцемъ: «развѣ вы не видите, что у меня нѣтъ

именно того, чѣмъ бы я могъ пошохать? Чтобъ чертъ побралъ вашъ табакъ! Я теперь не могу сморгнуть на него, и не только на скверный вашъ березинскій, но хоть бы вы поднесли мнѣ самого рапе». Сказавши, онъ вышелъ, глубоко раздосадованный, изъ газетной экспедиціи, и отправился къ частному приставу.

Ковалевъ вошелъ къ нему въ то время, когда онъ потянулся, крикнулъ, и сказалъ: «эхъ, славно засну два часика!» И потому можно было предвидѣть, что приходъ коллежскаго ассессора былъ совершенно не въ-время. Частный былъ большой поощритель всѣхъ искусствъ и мануфактурностей; но государственную ассигнацію предпочиталъ всему. «Это вещь» обыкновенно говорилъ онъ: «ужь нѣтъ ничего лучше этой вещи: ѣсть не просить, мѣста займетъ не много, въ карманъ всегда помѣстится, уронишь—не расшибется».

Частный принялъ довольно сухо Ковалева, и сказалъ, что послѣ обѣда не то время, чтобы, производить слѣдствіе, что сама натура назначила, чтобы, наѣвшись, немного отдохнуть (изъ этого коллежскій ассессоръ могъ видѣть, что частному приставу были не безызвѣстны изреченія древ-

нихъ мудрецовъ), что у порядочнаго человѣка не оторвутъ носа.

То есть; не въ бровь, а прямо въ глазъ! Нужно замѣтить, что Ковалевъ былъ чрезвычайно обидчивый человѣкъ. Онъ могъ простить все, что ни говорили о немъ-самомъ, но никакъ не извинялъ, если это относилось къ чину или званію. Онъ даже полагалъ, что въ театральныхъ пьесахъ можно пропускать все, что относится къ оберъ-офицерамъ, но на штабъ-офицеровъ никакъ не должно нападать. Пріемъ частнаго такъ его сконфузилъ, что онъ тряхнулъ головою и сказалъ съ чувствомъ достоинства, немного разставивъ свои руки: «Признаюсь, послѣ этихъ обидныхъ съ вашей стороны замѣчаній, я ничего не могу прибавить....» и вышелъ.

Онъ пріѣхалъ домой, едва слыша подъ собою ноги. Были уже сумерки. Печальною, или чрезвычайно гадкою показалась ему квартира послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ исканій. Вошедши въ переднюю, увидѣлъ онъ на кожанномъ запачканомъ диванѣ лакея своего Ивана, который, лежа на спинѣ, плевалъ въ потолокъ и попадалъ довольно удачно въ одно и то же мѣсто. Такое равнодушіе человѣка взбѣсило его; онъ ударилъ

его шляпою по лбу, примолвивъ: «ты, свинья, всегда глупостями занимаешься!»

Иванъ вскочилъ вдругъ съ своего мѣста и бросился со всѣхъ ногъ снимать съ него плащъ.

Вошедши въ свою комнату, майоръ, усталый и печальный, бросился въ кресла, и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ вздоховъ, сказалъ:

«Боже мой! Боже мой! За что это такое несчастіе? Будь я безъ руки или безъ ноги — все бы это лучше; но безъ носа человекъ — чертъ знаетъ что: птица не птица, гражданинъ не гражданинъ; просто, возьми, да и вышвырни за окошко! И пусть бы уже на войнѣ отрубили или на дуэли, или я самъ былъ причиною; но вѣдь пропалъ ни за-что, ни-прѣчто, пропалъ даромъ, за грошъ!... Только нѣтъ, не можетъ-быть» прибавилъ онъ, немного подумавъ: «не-вѣроятно, чтобы носъ пропалъ; какимъ образомъ не-вѣроятно. Это, вѣрно, или во снѣ снится, или, просто, грезится; можетъ-быть, я какъ-нибудь, ошибкою выпилъ вмѣсто воды водку, которою натираю послѣ бритья себѣ бороду. Иванъ дуракъ не принялъ, и я, вѣрно, хватилъ се». Чтобы действительно увѣриться, что онъ не пьянъ, майоръ ущипнулъ себя такъ больно, что

самъ вскрикнулъ. Эта боль совершенно увѣрила его, что онъ дѣйствуетъ и живетъ наяву. Онъ потихоньку приблизился къ зеркалу, и сначала зажмурилъ глаза съ тою мыслию, что авось-ли-бо носъ покажется на своемъ мѣстѣ; но въ ту жъ минуту отскочилъ назадъ, сказавши: «экой пасквильный видъ!»

Это было точно непонятно. Еслибы пропала пуговица, серебряная ложка, часы, или что-нибудь подобное; но пропасть, чему же пропасть? и притомъ еще на собственной квартирѣ! . . . Майоръ Ковалевъ, сообрази все обстоятельства, предполагалъ едва ли не ближе всего къ истинѣ, что виною этого долженъ быть не кто другой, какъ штабъ-офицерша Подтопина, которая желала, чтобы онъ женился на ея дочери. Онъ и самъ любилъ за нею приволокнуться, но избѣгалъ окончательной раздѣлки. Когда же штабъ-офицерша объявила ему напрямикъ, что она хочетъ выдать ее за него, онъ потихоньку отчалилъ своими комплиментами, сказавши, что еще молодъ, что нужно ему прослужить лѣтъ пятьтокъ, чтобы уже ровно было сорокъ два года. И потому штабъ-офицерша, вѣрно изъ мщенія, рѣшилась его испортить, и наняла для этого

томъ III. 8

какихъ-нибудь колдовокъ-бабъ, потому что ни какимъ образомъ нельзя было предположить, чтобы носъ былъ отрѣзанъ: никто не входилъ къ нему въ комнату; цырюльникъ же Иванъ Яковлевичъ брилъ его еще въ среду, а въ продолженіе всей среды и даже во весь четвертокъ носъ у него былъ цѣлъ, — это онъ помнилъ и зналъ очень хорошо; притомъ была бы имъ чувствуема боль, и безъ сомнѣнія рана не могла бы такъ скоро зажить и быть гладкою, какъ блинъ. Онъ строилъ въ головѣ планы: звать ли штабъ-офицершу формальнымъ порядкомъ въ судъ, или явиться къ ней самому и уличить ее. Размышленія его прерваны были свѣтомъ, блеснувшимъ сквозь всѣ скважины дверей, который далъ знать, что свѣча въ передней уже зажжена Иваномъ. Скоро появился и самъ Иванъ, неся ее передъ собою и озаряя ярко всю комнату. Первымъ движеніемъ Ковалева было схватить платокъ и закрыть то мѣсто, гдѣ вчера еще былъ носъ, чтобы въ-самомъ-дѣлѣ глупый человѣкъ не зазѣвался, увидя у барина такую странность.

Не успѣлъ Иванъ уйти въ конуру свою, какъ послышался въ передней незнакомый голосъ,

произнесшій: «здесь ли живетъ коллежскій ассессоръ Ковалевъ?»

«Войдите; майоръ Ковалевъ здѣсь» сказалъ Ковалевъ, вскочивши поспѣшно и отворяя дверь.

Вошелъ полицейскій чиновникъ красивой наружности, съ бакенбардами не слишкомъ свѣтлыми и не темными, съ довольно полными щеками, тотъ самый, который въ началѣ повѣсти стоялъ въ концѣ Исакіевскаго моста.

«Вы изволили затерять носъ свой?»

«Такъ точно».

«Онъ теперь найденъ».

«Что вы говорите?» закричалъ майоръ Ковалевъ. Радость отняла у него языкъ. Онъ глядѣлъ въ оба на стоявшаго передъ нимъ квартальнаго, на полныхъ губахъ и щекахъ котораго ярко мелькалъ трепетный свѣтъ свѣчи. «Какимъ образомъ?»

«Страннымъ случаемъ: его перехватили почти на дорогѣ. Онъ уже сѣлся въ дилижансъ и хотѣлъ уѣхать въ Ригу. И паспортъ давно былъ написанъ на имя одного чиновника. И странно то, что я самъ принялъ его сначала за господина. Но, къ-счастію, были со мной очки, и я тотъ же часъ увидѣлъ, что это былъ носъ. Вѣдь я близорукъ, и если вы станете передо мною, то

я вижу только, что у васъ лицо, но ни носа, ни бороды, ничего не замѣчу. Моя теща, то есть мать жены моей, тоже ничего не видитъ».

Ковалевъ былъ внѣ себя. «Гдѣ же онъ? гдѣ? я сейчасъ побѣгу».

«Не беспокойтесь. Я, зная, что онъ вамъ нуженъ, принесъ его съ собою. И странно то, что главный участникъ въ этомъ дѣлѣ есть мошенникъ цырюльникъ на Вознесенской улицѣ, который сидитъ теперь на съѣзжей. Я давно подозревалъ его въ пьянствѣ и воровствѣ, и еще третьяго дня стащилъ онъ въ одной лавочкѣ бортище пуговицъ. Носъ вашъ совершенно таковъ, какъ былъ». При этомъ квартальный полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда завернутый въ бумажкѣ носъ.

«Такъ, онъ!» закричалъ Ковалевъ: «точно онъ! Откушайте сегодня со мною чашечку чаю».

«Почелъ бы за большую пріятность, но никакъ не могу: мнѣ нужно захватить отсюда въ смиренный домъ.... Очень больная поднялась дороговизна на всѣ принасы.... У меня въ домѣ живетъ и теща, то есть мать моей жены, и дѣти; старшій особенно подастъ большія надежды:

очень умный мальчишка; но средствъ для воспитанія совершенно нѣтъ никакихъ....

Коллежскій ассессоръ, по уходѣ квартальнаго нѣсколько минутъ оставался въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи и едва черезъ нѣсколько минутъ пришелъ въ возможность видѣть и чувствовать: въ такое безпамятство повергла его неожиданная радость. Онъ взялъ бережливо найденный носъ въ обѣ руки, сложенные горстью, и еще разъ разсмотрѣлъ его внимательно.

«Такъ онъ, точно онъ!» говорилъ майоръ Ковалевъ. «Вотъ и прыщикъ на лѣвой сторонѣ, вскочившій вчерашняго дня». Майоръ чуть не засмѣялся отъ радости.

Но на свѣтъ нѣтъ ничего долговременнаго, а потому и радость въ слѣдующую минуту за первую уже не такъ жива; въ третью минуту она становится еще слабѣе, и наконецъ незамѣтно сливается съ обыкновеннымъ положеніемъ души, какъ на водѣ кругъ, рожденный паденіемъ камешка, наконецъ сливается съ гладкою поверхностью. Ковалевъ началъ размышлять, и смекнулъ, что дѣло еще не кончено: носъ найденъ, но вѣдь нужно же его приставить, помѣстить на свое мѣсто.

«А что, если онъ не пристанетъ?»

При такомъ вопросѣ, сдѣланномъ самому-себѣ, майоръ поблѣднѣлъ.

Съ чувствомъ неизъяснимаго страха бросился онъ къ столу, придвинулъ зеркало, чтобы какъ-нибудь не поставить носъ криво. Руки его дрожали. Осторожно и осмотнительно наложилъ онъ его на прежнее мѣсто. О ужасъ! носъ не приклеивался!... Онъ поднесъ его ко рту, нагрѣлъ его слегка своимъ дыханіемъ и опять поднесъ къ гладкому мѣсту, находившемуся между двухъ щекъ; но носъ никакимъ образомъ не держался.

«Ну, ну же! пользай, дуракъ!» говорилъ онъ ему; но носъ былъ какъ деревянный, и падалъ на столъ съ такимъ страннымъ звукомъ, какъ-будто бы пробка. Лицо майора судорожно скривилось. «Неужели онъ не прирастетъ?» говорилъ онъ въ испугѣ. Но сколько разъ ни подносилъ онъ его, на его же собственное мѣсто, стараніе было по прежнему неуспѣшно.

Онъ кликнулъ Ивана, и послалъ его за докторомъ, который занималъ въ томъ же самомъ домѣ лучшую квартиру въ бель-этажѣ. Докторъ этотъ былъ видный собою мужчина, имѣлъ прекрасныя смолистыя бакенбарды, свѣжую, здоро-

вую докторшу, злѣ поутру свѣжіе яблоки и держалъ ротъ въ необыкновенной чистотѣ, полоща его каждое утро почти три четверти часа и шлифуя зубы пятью разныхъ родовъ щеточками. Докторъ явился въ ту же минуту. Спросивши, какъ давно случилось несчастіе, онъ поднялъ майора Ковалева за подбородокъ и далъ ему большимъ пальцемъ щелчка, въ то самое мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, такъ-что майоръ долженъ былъ откинуть свою голову назадъ съ такою силою, что ударился затылкомъ въ стѣну. Медикъ сказалъ, что это ничего, и посоветовавши отодвинуться немного отъ стѣны, велѣлъ ему перегнуть голову сначала на правую сторону, и пощупавши то мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, сказалъ: «гм!»; потомъ велѣлъ ему перегнуть голову на лѣвую сторону и сказалъ: «гм!» и въ заключеніе далъ опять ему большимъ пальцемъ щелчка, такъ-что майоръ Ковалевъ дернулъ головою, какъ конь, которому смотрять въ зубы. Сдѣлавши такую пробу, медикъ покачалъ головою и сказалъ: «Нѣтъ, нельзя. Вы ужь лучше такъ оставайтесь, потому-что можно сдѣлать еще хуже. Оно конечно, приставить можно; я

бы, пожалуй, вамъ сейчасъ приставилъ его; но я васъ увѣряю, что это для васъ хуже».

«Вотъ хорошо! какъ же мнѣ оставаться безъ носа?» сказалъ Ковалевъ: «ужь хуже не можетъ быть, какъ теперь. Это просто чортъ знаетъ что! Куда же я съ такою пасквильностью покажусь? я имѣю хорошее знакомство: вотъ и сегодня мнѣ нужно быть на вечеръ въ двухъ домахъ. Я со многими знакомъ: статская совѣтница Чехтарева, Подточина штабъ-офицерша. . . . хоть послѣ теперешняго поступка ея я не имѣю съ ней другаго дѣла, какъ только черезъ полицію. Сдѣлайте милость» продолжалъ Ковалевъ умоляющимъ голосомъ: «имѣть ли средства? какъ-нибудь приставьте; хоть не хорошо, лишь бы только держался; я даже могу его слегка подпирать рукою въ опасныхъ случаяхъ. Я же притомъ и не танцую, чтобы могъ вредить какимъ-нибудь неосторожнымъ движеніемъ. Все, что относится на счетъ благодарности за визиты, ужь будьте увѣрены, сколько дозволятъ мои средства....»

«Вѣрите ли» сказалъ докторъ ни громкимъ, ни тихимъ голосомъ, но чрезвычайно увѣдливымъ и магнетическимъ: «что я никогда изъ корысти не

лечу. Это противно моимъ правиламъ и моему искусству. Правда, я беру за визиты, но единственно съ тѣмъ только, чтобы не обидѣть моимъ отказомъ. Конечно, я бы приставилъ вашу носъ; но я васъ увѣряю честью, если уже вы не вѣрите моему слову, что это будетъ гораздо хуже. Предоставьте лучше дѣйствию самой натуры. Мойте чаще холодною водою, и я васъ увѣряю, что вы, не имѣя носа, будете также здоровы, какъ еслибы имѣли его. А носъ, я вамъ советую положить въ банку со спиртомъ, или, еще лучше, влить туда двѣ столовыя ложки острой водки и подогрѣтаго уксуса, — и тогда вы можете взять за него порядочныя деньги. Я даже самъ возьму его, если вы только не подорожаетесь».

«Нѣтъ, нѣтъ! ни за что не продамъ!» вскричалъ отчаянный майоръ Ковалевъ: «лучше пусть онъ пропадетъ!»

«Извините!» сказалъ докторъ откланиваясь; «я хотѣлъ быть вамъ полезнымъ.... Что жъ дѣлать! по-крайней-мѣрѣ, вы видѣли мое стараніе». Сказавши это, докторъ съ благородною осанкою вышелъ изъ комнаты. Ковалевъ не замѣтилъ даже лица его, и въ глубокой безчувственности

видѣлъ только выглядывавшіе изъ рукавовъ его
чернаго фрака рукавчики бѣлой и чистой, какъ
снѣгъ, рубашки.

Онъ рѣшился на другой же день, прежде
представленія жалобы, писать къ штабъ-офицер-
шѣ, не согласится ли она безъ бою возвратить
ему то, что слѣдуетъ. Письмо было такого со-
держанія:

Милостивая государыня,

Александра Григорьевна!

Не могу понять страшнаго со стороны вашей дѣйствія.
Будьте увѣрены, что, поступая такимъ образомъ, ничего
вы не выиграете и ничуть не принудите меня жениться
на вашей дочери. Повѣрьте, что исторія насчетъ мое-
го носа совершенно извѣстна, равно какъ и то, что въ
этомъ вы есть главныя участницы, а не кто другой.
Внезапное его отдѣленіе съ своего мѣста, побѣгъ и мас-
кированіе, то подъ видомъ одного чиновника, то наконецъ
въ собственномъ видѣ, есть больше ничего, кромѣ слѣд-
ствіе волхвованій, произведенныхъ вами или тѣми, кото-
рые упражняются въ подобныхъ вамъ благородныхъ за-
нятійхъ. Я съ своей стороны почитаю долгомъ васъ пред-
увѣдомить, если упоминаемый мною носъ не будетъ
сегодня же на своемъ мѣстѣ, то я принужденъ буду
прибѣгнуть къ защитѣ и покровительству законовъ.

Впрочемъ съ совершеннымъ почтениемъ къ вамъ имѣю
честь быть

вашъ покорный слуга

Платонъ Ковалевъ.

Милостивый государь

Платонъ Кузьмичъ.

Чрезвычайно удивило меня письмо ваше. Я, признаюсь
вамъ по откровенности, никакъ не ожидала, а тѣмъ бо-
лѣе относительно несправедливыхъ укоризнъ со стороны
вашей. Предупреждаю васъ, что я чиновника, о кото-
ромъ упоминаете вы, никогда не принимала у себя въ
домъ, ни замаскированного, ни въ настоящемъ видѣ. Бы-
вала у меня, правда, Филиппъ Ивановичъ Потапчиковъ.
И хотя онъ точно искалъ руки моей дочери, будучи
самъ хорошаго, трезваго поведенія и великой учености;
но я никогда не подавала ему никакой надежды. Вы у-
поминаете еще о носѣ. Если вы разумѣете подъ симъ
что будто бы я хотѣла оставить васъ съ носомъ, то есть,
дать вамъ формальный отказъ: то меня удивляетъ, что
вы сами объ этомъ говорите, тогда-какъ я, сколько вамъ
извѣстно, была совершенно противнаго мнѣнія, и если
вы теперь же посвтаетесь на моей дочери законнымъ
образомъ, я готова сей же часъ удовлетворить васъ,
ибо это составляло всегда предметъ моего живѣйшаго
желанія, въ надеждѣ чего остаюсь всегда готовою къ
услугамъ вашимъ

Александра Подточина.

«Нѣтъ» говорилъ Ковалевъ, прочитавши письмо: «она точно не виновата. Не можетъ быть! Письмо такъ написано, какъ не можетъ написать человекъ виноватый въ преступленіи». Коллежскій ассессоръ былъ въ этомъ свѣдущъ, потому что былъ посыланъ нѣсколько разъ на слѣдствіе еще въ Кавказской области. «Какимъ же образомъ, какими судьбами это приключилось? только чортъ разберетъ это!» сказалъ онъ наконецъ, опустивъ руки.

Между-тѣмъ слухи объ этомъ необыкновенномъ происшествіи распространились по всей столицѣ и, какъ водится, не безъ особенныхъ прибавлений. Тогда умы всѣхъ именно настроены были къ чрезвычайному: недавно только-что занимали публику опыты дѣйствія магнетизма. Притомъ исторія о танцующихъ стульяхъ въ Конюшенной улицѣ была еще свѣжа, и потому нечего удивляться, что скоро начали говорить, будто носъ коллежскаго ассессора Ковалева ровно въ три часа прогуливается по Невскому проспекту. Любопытныхъ стекалось каждый день множество. Сказалъ кто-то, что носъ будто бы находился въ магазинѣ Юнкера: и возлѣ Юнкера такая сдѣлалась толпа и давка, что должна была даже

полиція вступиться. Одинъ спекуляторъ почтенной наружности, съ бакенбардами, продававшій при входѣ въ театръ разные сухіе кондитерскіе пирожки, нарочно надѣлалъ прекрасныхъ деревянныхъ, прочныхъ скамеекъ, на которыя приглашалъ любопытныхъ становиться, за восемьдесятъ копеекъ, cadaго посетителя. Одинъ заслуженный полковникъ нарочно для этого вышелъ раньше изъ-дому, и съ большимъ трудомъ пробрался сквозь толпу; но къ большому негодованію своему увидѣлъ въ окнѣ магазина, вмѣсто носа обыкновенную шерстяную фуфайку и литографированную картину съ изображеніемъ дѣвушки поправлявшей чулокъ, и глядѣвшаго на нее изъ-за дерева франта съ откиднымъ жилетомъ и небольшою бородкою, картинку, уже болѣе десяти лѣтъ висящую все на одномъ мѣстѣ. Отошедъ, онъ сказалъ съ досадою: «какъ можно такими глупыми и неправдоподобными слухами смущать народъ?» Потомъ пронесся слухъ, что не на Невскомъ проспектѣ, а въ Таврическомъ саду прогуливается носъ майора Ковалева, что будто бы онъ давно уже тамъ, что когда еще проживалъ тамъ Хосровъ-Мирза, то очень удивлялся этой странной игрѣ природы. Нѣкоторые изъ студентовъ хирургической ака-

деміи отправилось туда. Одна знатная, почтенная дама просила особеннымъ письмомъ смотрителя за садомъ, показать дѣтямъ ея этотъ рѣдкій феноменъ, и если можно, съ объясненіемъ наставительнымъ и назидательнымъ для юношей.

Всѣмъ этимъ происшествіямъ, были чрезвычайна рады всѣ свѣтскіе, необходимые посѣтителн раутовъ, любившіе смѣшить дамъ, у которыхъ запасъ въ то время совершенно истощился. Небольшая часть почтенныхъ и благонамѣренныхъ людей была чрезвычайно недовольна. Одинъ господинъ говорилъ съ негодованіемъ, что онъ не понимаетъ, какъ въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ могутъ распространяться нелѣпыя выдумки, и что онъ удивляется, какъ не обратитъ на это вниманіе правительство. Господинъ этотъ, какъ видно, принадлежалъ къ числу тѣхъ господъ, которые желали бы влутать правительство во все, даже въ свои ежедневныя ссоры съ женою. Вслѣдъ за этимъ.... но здѣсь вновь все происшествіе скрывается туманомъ, и что было потомъ, рѣшительно неизвѣстно.

III.

Чепуха совершенная дѣлается на свѣтъ. Иногда вовсе нѣтъ никакого правдоподобія: вдругъ тотъ самый носъ, который разтѣзжалъ въ чинѣ статскаго совѣтника и надѣлалъ столько шуму въ городъ, очутился какъ ни въ чемъ не бывало вновь на своемъ мѣстѣ, то есть именно между двухъ щекъ майора Ковалева. Это случилось уже апрѣля 7 числа. Проснувшись и нечаянно взглянувъ въ зеркало, видитъ онъ: носъ! хватъ рукою — точно носъ! «Эге!» сказалъ Ковалевъ, и въ радости чуть не дернулъ по всей комнатѣ босикомъ тропака; но вонеднѣйшій Иванъ помѣшалъ. Онъ приказалъ тотъ же часъ дать себѣ умыться и, умываясь, взглянулъ еще разъ въ зеркало: носъ. Вытираясь утиральникомъ, онъ опять взглянулъ въ зеркало: носъ.

«А посмотри, Иванъ, кажется, у меня на носу какъ-будто прыщикъ» сказалъ онъ и между тѣмъ думалъ: «вотъ бѣда, какъ Иванъ скажетъ: да нѣтъ, судырь, не только прыщика, и самого носа нѣтъ!»

Но Иванъ сказалъ: «ничего-съ, никакого прыщика: носъ чистый!»

«Хорошо, чортъ побери!» сказалъ самъ-себѣ майоръ и цолкнулъ пальцами. Въ это время выглянулъ въ дверь цырюльщикъ Иванъ Яковлевичъ; но такъ боязливо, какъ кошка, которую только-что высѣкли за кражу сала.

«Говори впередъ: чисты руки?» кричалъ еще издали ему Ковалевъ.

«Чисты».

«Врешь!»

«Ейбогу-съ чисты, судырь».

«Ну смотри же».

Ковалевъ сѣлъ. Иванъ Яковлевичъ закрылъ его салфеткою и въ одно мгновенье, съ помощью кисточки, превратилъ всю бороду его и часть щекъ въ кремъ, какой подаютъ на купеческихъ именинахъ. «Вишь ты!» сказалъ самъ-себѣ Иванъ Яковлевичъ, взглянувши на носъ, и потомъ перегнулъ голову на другую сторону и посмотрѣлъ на него съ боку: «Вона! экъ его право какъ подумаешь» продолжалъ онъ и долго смотрѣлъ на носъ. Наконецъ легонько, съ бережливостью, какую только можно себѣ вообразить, онъ поднялъ два пальца съ тѣмъ, чтобы поймать его за кончикъ. Такова ужъ была система Ивана Яковлевича.

«Ну, ну, ну смотри?» закричалъ Ковалевъ. Иванъ Яковлевичъ и руки опустилъ, оторопѣлъ и смутился, какъ никогда не смущался. Наконецъ осторожно сталъ онъ щекотать бритвой у него подъ бородою, и хотя ему было совсѣмъ не сподручно и трудно брить безъ придержки за шокательную часть тѣла, однако же, кое-какъ упираясь своимъ шероховатымъ большимъ пальцемъ ему въ щеку и въ нижнюю дѣсну, наконецъ одолѣлъ все препятствія и выбрилъ.

Когда все было готово, Ковалевъ поспѣшилъ тотъ же часъ одѣться, взялъ извозчика и поѣхалъ прямо въ кондитерскую. Входя, закричалъ онъ еще издали: мальчикъ, чашку шоколаду! а самъ въ ту же минуту къ зеркалу: есть носъ. Онъ весело оборотился назадъ и съ сатирическимъ видомъ посмотрѣлъ, нѣсколько прищуря глазъ, на двухъ военныхъ, у одного изъ которыхъ былъ носъ никакъ не больше жилетной пуговицы. Послѣ того отправился онъ въ канцелярію того департамента, гдѣ хлопоталъ объ вице-губернаторскомъ мѣстѣ, а въ случаѣ неудачи объ экзекуторскомъ. Проходя чрезъ пріемную, онъ взглянулъ въ зеркало: есть носъ. Потомъ поѣхалъ онъ къ другому коллежскому ассессору

томъ III. 9

или майору, большому насмѣшнику, которому онъ часто говорилъ въ отвѣтъ на разныя занозистыя замѣтки: «ну, ужъ ты, я тебя знаю, ты шпилька!» Дорогою онъ подумалъ: «если и майоръ не треснетъ со смѣху, увидѣвши меня, тогда ужъ вѣрный знакъ, что все, что ни есть, сидитъ на своемъ мѣстѣ». Но коллежскій ассесоръ ничего. «Хорошо, хорошо, чортъ побери!» подумалъ про-себя Ковалевъ. На дорогѣ встрѣтилъ онъ штабъ-офицершу Подточину вмѣстѣ съ дочерью, раскланялся съ ними и былъ встрѣченъ съ радостными восклицаньями, стало-быть ничего, въ немъ нѣтъ никакого ущерба. Онъ разговаривалъ съ ними очень долго, и нарочно выпушивъ табакерку, набивалъ предъ ними весьма долго свой носъ съ обонхъ подъѣздовъ, приговаривая про-себя: «вотъ-молъ вамъ, бабье, куриный народъ! а на дочкѣ все-таки не женюсь. Такъ просто, раг амонг—изволь!» И майоръ Ковалевъ съ-тѣхъ-поръ прогуливался, какъ ни въ чемъ не бывало, и на Невскомъ проспектѣ, и въ театрахъ, и вездѣ. И носъ тоже, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ на его лицѣ, не показывая даже вида, чтобы отлучался по сторонамъ. И послѣ того майора Ковалева видѣли

вѣчно въ хорошемъ юморѣ, улыбающагося, преслѣдующаго рѣшительно всѣхъ хорошенькихъ дамъ и даже остановившагося одинъ разъ передъ лавочкой въ гостиномъ дворѣ и покупавшаго какую-то орденскую ленточку, неизвѣстно для какихъ причинъ, потому-что онъ самъ не былъ кавалеромъ никакого ордена.

Вотъ какая исторія случилась въ сѣверной столицѣ нашего обширнаго государства! Теперь только по соображеніи всего видимъ, что въ ней есть много неправдоподобнаго. Не говоря уже о томъ, что точно странно сверхъестественное отдѣленіе носа и появленіе его въ разныхъ мѣстахъ въ видѣ статскаго совѣтника, — какъ Ковалевъ, не смѣкнулъ, что нельзя чрезъ газетную экспедицію объявлять о носѣ? Я здѣсь не въ томъ смыслѣ говорю, чтобы мнѣ казалось дорого заплатить за объявленіе: это вздоръ, и я совсѣмъ не изъ числа корыстолюбивыхъ людей. Но неприлично, неловко, не хорошо! И опять тоже — какъ носъ очутился въ печеномъ хлѣбѣ, и какъ самъ Иванъ Яковлевичъ?... нѣтъ этого я никакъ не понимаю, рѣшительно не понимаю! Но что страннѣе, что непонятнѣе всего, это то, какъ авторы могутъ брать подоб-

*

ные сюжеты. Признаюсь, это ужъ совсѣмъ непостижимо, это точно.... нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не понимаю. Во-первыхъ пользы отечеству рѣшительно никакой; во-вторыхъ.... но и во-вторыхъ то же нѣтъ пользы. Просто я не знаю что это...

А однако же, при всемъ томъ, хотя конечно можно допустить и то и другое и третье, можетъ даже.... ну да и гдѣ жъ не бываетъ несообразностей? — а все однако же какъ поразмыслишь, во всемъ этомъ, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобныя происшествія бываютъ на свѣтѣ; рѣдко, но бываютъ.

ИОТРЕТЪ.

ПОРТРЕТЫ.

=

ЧАСТЬ I.

Нигдѣ не останавливалось столько народу, какъ передъ картинною лавочкою на Щукинѣмъ дворѣ. Эта лавочка представляла, точно, самое разнородное собраніе диковинокъ: картины бѣльшею частию были писаны масляными красками, покрыты темнозеленымъ лакомъ, въ темнозолотыхъ мишурныхъ рамахъ. Зима съ бѣлыми деревьями, совершенно красный вечеръ, похожій

на зарево пожара, фламандскій мужикъ съ трубкою и выломанною рукою, похожій болѣе на индѣйскаго пѣтуха въ манжетахъ, нежели на человека—вотъ ихъ обыкновенные сюжеты. Къ этому надо присовокупить нѣсколько гравированныхъ изображеній: портретъ Хозрева-Мирзы въ бараньей шапкѣ, портреты какихъ-то генераловъ въ треугольныхъ шляпахъ съ кривыми носами. Сверхъ-того двери такой лавочки обыкновенно бываютъ увѣшаны связками произведений, отпечатанныхъ лубками на большихъ листахъ, которыя свидѣлствуютъ о самородномъ дарованіи русскаго человека. На одномъ была царевна Милитриса Кирбитьевна, на другомъ городъ Иерусалимъ, по домамъ и церквамъ котораго безъ церемоніи прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двухъ молящихся русскихъ мужиковъ въ рукавицахъ. Покупателей этихъ произведений обыкновенно немного, но зато зрителей куча. Какой-нибудь забулдыга-лакей уже вѣрно зѣваетъ передъ ними, держа въ рукъ судки съ обѣдомъ изъ трактира для своего барина, который безъ-сомнѣнія будетъ хлебать супъ не слишкомъ горячій. Передъ ними уже вѣрно стоитъ въ шинели солдатъ, этотъ ка-

валеръ толкучаго рынка, продающій два перочинные ножика; торговка-охтенка съ коробкою, наполненною банмаками. Всякій восхищается по-своему: мужики обыкновенно тыкаютъ пальцами; кавалеры разсматриваютъ серьезно; лакеи-мальчики и мальчишки - мастеровые смѣются и дразнятъ другъ друга нарисованными карриатурами; старые лакеи въ фризowych шинеляхъ смотрятъ потому только, чтобы гдѣ-нибудь позѣвать; а торговки, молодыя русскія бабы, спѣшать по инстинкту, чтобы послушать, о чемъ калякаетъ народъ, и посмотреть, на что онъ смотритъ. Въ это время невольно остановился передъ лавкою проходившій мимо молодой художникъ Чартковъ. Старая шинель и пещегольское платье показывали въ немъ человека, который съ самоотверженіемъ преданъ былъ своему труду и не имѣлъ времени заботиться о своемъ нарядѣ, всегда имѣющемъ таинственную привлекательность для молодости. Онъ остановился передъ лавкою и сперва внутренно смѣялся надъ этими уродливыми картинами. Наконецъ овладѣло имъ невольное размышленіе: онъ сталъ думать о томъ, кому бы нужны были эти произведенія. Что русскій народъ заглядывается на

Еруслановъ Лазаревичей, на обѣдалъ и опивалъ, на Фому и Ерему, это не казалось ему удивительнымъ: изображенные предметы были очень доступны и понятны народу; но гдѣ покупатели этихъ пестрыхъ, грязныхъ, масляныхъ мелеваній? кому нужны эти фламандскіе мужики, эти красные и голубые пейзажи, которые показываютъ какое-то притязаніе на нѣсколько уже высшій шагъ искусства, но въ которомъ выразилось все глубокое его униженіе? Это, казалось, не были вовсе труды ребенка-самоучки. Иначе въ нихъ при всей безчувственной каррикатурности цѣлаго вырывался бы острый порывъ. Но здѣсь было видно просто тупоуміе, безсильная, дряхлая бездарность, которая самоуправно стала въ ряды искусствъ, тогда-какъ ей мѣсто было среди низкихъ ремеслъ, бездарность, которая была вѣрна однако жъ своему призванію и внесла въ самое искусство свое ремесло. Тѣ же краски, та же манера, та же набившаяся, пріобыкшая рука, принадлежавшая скорѣе грубо сдѣланному автомату, нежели человѣку!... Долго стоялъ онъ предъ этими грязными картинами, уже наконецъ не думая вовсе о нихъ, а между-тѣмъ хозяинъ лавки, свѣренскій

человѣчекъ, во фризовой шинели, съ бородой небритой съ самаго воскресенья, толковалъ ему уже давно, торговался и условливался въ цѣнѣ, еще не узнавъ, что ему понравилось и что нужно. «Вотъ за этихъ мужичковъ и за ландшафтикъ возьму бѣленькую. Живопись-то какая! просто глазъ прошибетъ; только-что получены съ биржи: еще лакъ не высохъ. Или вотъ зима, возьмите зиму! пятнадцать рублей! одна рамка чего стоитъ. Вонъ она какая зима!» Тутъ купецъ далъ легкаго щелчка въ полотно, въроятно, чтобы показать всю доброту зимы. «Прикажете связать ихъ вмѣстѣ и спести за вами? гдѣ изволите жить? Эй, мальи, подай веревочку». «Постой, братъ, не такъ скоро» сказалъ очнувшійся художникъ, видя, что ужъ проворный купецъ принялся не въ шутку ихъ связывать вмѣстѣ. Ему сдѣлалось нѣсколько совѣстно не взять ничего, застоявшись такъ долго въ лавкѣ, и онъ сказалъ: «а вотъ постой, я посмотрю, нѣтъ ли для меня чего-нибудь здѣсь» и, наклонившись, сталъ доставать съ полу наваленныя громоздко, истертыя, запыленные старыя малеванья, не пользовавшіяся, какъ видно, никакимъ почетомъ. Тутъ были старинныя фамилыныя портреты, ко-

торыхъ потомковъ, можетъ-быть, и на свѣтъ нельзя было отыскать, совершенно неизвѣстныя изображенія съ прорваннымъ холстомъ, рамки, лишенные позолоты, словомъ, всякій ветхій соръ. Но художникъ принялся разсматривать, думая втайнѣ: «авось что-нибудь и отыщется». Онъ слышалъ не разъ рассказы о томъ, какъ иногда у лубочныхъ продавцовъ были отыскиваемы въ сору картины великихъ мастеровъ. Хозяинъ, увидѣвъ, куда ползъ онъ, оставилъ свою суетливостъ и, принявши обыкновенное положеніе и надлежащій вѣсъ, помѣстился сызнова у дверей, зазывая прохожихъ и указывая имъ одной рукой на лавку.... «Сюда, батюшка; вотъ картины! зайдите, зайдите; съ биржи получены». Уже накричался онъ вдоволь и болѣею частью безплодно, наговорился до-сыта съ лоскутнымъ продавцомъ, стоявшимъ насупротивъ его, также у дверей своей лавочки, и наконецъ, вспомнивъ, что у него въ лавкѣ есть покупатель, поворотилъ народу спину и отиравши внутри ея. «Что, батюшка, выбрали что-нибудь?» но художникъ уже стоялъ нѣсколько времени неподвижно передъ однимъ портретомъ въ большихъ, когда-то великолѣпныхъ рамахъ, по

на которыхъ чуть блеснули теперь слѣды позолоты. Это былъ старикъ съ лицомъ бронзоваго цвѣта, скулистымъ, чахлымъ; черты лица, казалось, были схвачены въ минуту судорожнаго движенія и отзывались не съвѣрною силою: пламенный полдень былъ запечатлѣнъ въ нихъ. Онъ былъ драпированъ въ широкій азіатскій костюмъ. Какъ ни былъ поврежденъ и запыленъ портретъ, но когда удалось ему счистить съ лица пыль, онъ увидѣлъ слѣды работы высокаго художника. Портретъ, казалось, былъ не конченъ; но сила кисти была разительна. Необыкновеніе всего были глаза: казалось, въ нихъ употребилъ всю силу кисти и все тѣніе свое художникъ. Они просто глядѣли, глядѣли даже изъ самаго портрета, какъ-будто разрушая его гармонію своею странною живостью. Когда поднесъ онъ портретъ къ дверямъ, еще сильнѣе глядѣли глаза. Почти тоже впечатлѣніе произвели они и въ народъ. Женщина, остановившаяся позади его, вскрикнула: «глядить, глядить» и попятилась назадъ. Какое-то непріятное, непонятное самому-себѣ чувство почувствовалъ онъ и поставилъ портретъ на землю.

«А чтожъ, возьмите портретъ!» сказалъ хозяинъ.

«А сколько?» сказалъ художникъ.

«Да что за него дорожиться? три четвертачка давай!»

«Нѣтъ».

«Ну, да что жъ дадите?»

«Двугривенный» сказалъ художникъ, готовясь идти.

«Экъ цѣну какую завернули! да за двугривенный одной рамки не купить. Видно завтра собираетесь купить? Господинъ, господинъ, воротитесь! гривеничекъ хоть прикиньте. Возьмите, возьмите, давайте двугривенный. Право для почину только, вотъ только-что первый покупатель». Засимъ онъ сдѣлалъ жестъ рукой, какъ-будто бы говорившій: «такъ ужъ и быть, пропадай картина!»

Такимъ образомъ Чартковъ совершенно неожиданно купилъ старый портретъ, и въ то же время подумалъ: «зачѣмъ я его купилъ? на что онъ мнѣ?» но дѣлать было нечего. Онъ вынулъ изъ кармана двугривенный, отдалъ хозяину, взялъ портретъ подмышку и потащилъ его съ собою. Дорогою онъ вспомнилъ, что двугривенный, который онъ отдалъ, былъ у него послед-

ній. Мысли его вдругъ омрачились; досада и равнодушная пустота обняли его въ ту же минуту. «Чортъ побори! гадко на свѣтъ!» сказалъ онъ съ чувствомъ русскаго, у котораго дѣла плохи. И почти машинально шолъ скорыми шагами, полный безчувствія ко всему. Красный свѣтъ вечерней зари оставался еще на половинѣ неба; еще дома, обращенные къ той сторонѣ, чуть озарялись ея теплымъ свѣтомъ; а между тѣмъ уже холодное синеватое сіяніе мѣсяца становилось свѣтлѣе. Полупрозрачныя легкія тѣни хвостами падали на землю, отбрасываемыя домами и ногами пѣшеходцевъ. Уже художникъ начиналъ мало-по-малу заглядываться на небо, озаренное какимъ-то прозрачнымъ, тонкимъ, сомнительнымъ свѣтомъ, и почти въ одно время излетали изъ устъ его слова: «какой легкій тонъ!» и слова: «досадно, чортъ побори!» и онъ, поправляя портретъ, безпрестанно съвязавшій изъ подмышки, ускорялъ шагъ. Усталый и весь въ поту, дотащился онъ къ себѣ въ пятнадцатую линію на Васильевскій Островъ. Съ трудомъ и съ отдышкой взобрался онъ по лѣстницѣ, облитой помоями и украшенной слѣдами кошекъ и собакъ. На стукъ его въ дверь не было ника-

кого отвѣта: человека не было дома. Онъ прислонился къ окну и расположился ожидать терпѣливо, пока не раздались наконецъ позади его шаги парня въ синей рубашѣ, его прислѣзника, натурщика, краскотерщика и выметателя половъ, пачкавшего ихъ тутъ же своими сапогами. Парень назывался Никитою, и проводилъ все время за воротами, когда барина не было дома. Никита долго силился попасть ключомъ въ замочную дырку, вовсе незамѣтную по причинѣ темноты. Наконецъ дверь была отперта. Чарковъ вступилъ въ свою переднюю, нестерпимо холодную, какъ всегда бываетъ у художниковъ, чего впрочемъ они не замѣчаютъ. Не отдавая Никитѣ шинели, онъ вошелъ вмѣстѣ съ нею въ свою студию—квадратную комнату, большую, но низенькую, съ замерзнувшими окнами, уставленную всякимъ художескимъ хламомъ: кусками гипсовыхъ рукъ, рамками, обтянутыми холстомъ, эскизами, начатыми и брошенными, драпировкой, развѣшенной по стульямъ. Онъ усталъ сильно, скинулъ шинель, поставилъ разсѣянно принесенный портретъ между двухъ небольшихъ холстовъ и бросился на узкій диванчикъ, о которомъ нельзя было сказать, что онъ обтянуть

кожею, потому-что рядъ мѣдныхъ гвоздиковъ, когда-то прикрѣпленныхъ ее, давно уже остался самъ-по-себѣ, а кожа осталась тоже сверху сама-по-себѣ, такъ-что Никита засовывалъ подъ нее черныя чулки, рубашки и все немытое бѣлье. Посидѣвъ и разлегшись, сколько можно было разлечься на этомъ узенькомъ диванѣ, онъ наконецъ спросилъ свѣчу.

«Свѣчи нѣтъ» — сказалъ Никита.

«Какъ нѣтъ?»

«Да вѣдь и вчера еще не было» сказалъ Никита. Художникъ вспомнилъ, что действительно и вчера еще не было свѣчи, успокоился и замолчалъ. Онъ далъ себя раздѣть и надѣлъ свой, крѣпко и сильно изношенный, халатъ.

«Да вотъ еще, хозяинъ былъ» сказалъ Никита.

«Ну, приходилъ за деньгами? знаю» сказалъ художникъ, махнувъ рукой.

«Да онъ не одинъ приходилъ» сказалъ Никита.

«Съ кѣмъ же?»

«Не знаю съ кѣмъ, какой-то квартальный».

«А квартальный зачѣмъ?»

«Не знаю зачѣмъ; говоритъ за тѣмъ, что за квартиру не плачено».

«Ну, что жъ изъ того выйдетъ?»

«Я не знаю, что выйдетъ; онъ говорилъ, коли не хочетъ, такъ пусть, говоритъ, съѣзжаетъ съ квартиры. Хотѣли завтра еще притти оба».

«Пусть ихъ приходятъ» сказалъ съ грустнымъ равнодушіемъ Чартковъ. И ненастное расположеніе духа овладѣло имъ вполне.

Молодой Чартковъ былъ художникъ съ талантомъ, пророчившимъ многое: вснышками и мгновеньями его кисть отзывалась наблюдательностію, соображеніемъ, инстинктомъ порывомъ приблизиться болѣе къ природѣ. «Смотри братъ» говорилъ ему не-разъ его профессоръ: «у тебя есть талантъ; грѣшно будетъ, если ты его погубишь; но ты нетерпѣливъ; тебя одно что-нибудь заманитъ, одно что-нибудь тебя полюбится — ты имъ займешь, а прочее у тебя дрянно, прочее тебѣ ни-по-чѣмъ, ты ужъ и глядѣть на него не хочешь. Смотри, чтобъ изъ тебя не вышелъ модный живописецъ: у тебя и теперь уже что-то начинаютъ слишкомъ бойко кричать краски; рисунокъ у тебя не строгъ, а подчасъ и вовсе слабъ, линія не видна; ты ужъ гоняешься за

моднымъ освѣщенемъ, за тѣмъ, что бьетъ на первые глаза — смотри, какъ-разъ понадешь на англійскій родъ; берегись: тебя ужь начинаеть свѣтъ тянуть, ужь я вижу у тебя иной разъ на шеѣ щегольской платокъ, шляпа съ лоскомъ... Оно заманчиво, можно пуститься писать модныя картинки, портретики за деньги; да въдь на этомъ губится, а не развертывается талантъ. Терпи. Обдумывай всякую работу, брось щегольство—пусть ихъ другіе набираютъ деньги,—Твое отъ тебя не уйдетъ».

Профессоръ былъ отчасти правъ. Иногда нашему художнику точно хотѣлось кутнуть, щегольнуть, словомъ, кое-гдѣ показать свою молодость; но при всемъ томъ онъ могъ взять надъ собою власть. Временами онъ могъ позабыть все, принявшись за кисть, и отрывался отъ нея не иначе, какъ отъ прекраснаго прерваннаго сна. Вкусъ его развивался замѣтно. Еще не понималъ онъ всей глубины Рафаэля, но уже увлекался быстрой, широкой кистью Гвиди, останавливался предъ портретами Тиціана, восхищался Фламандцами. Еще потемнѣвшій обликъ, облакающій старыя картины, не весь сошелъ передъ нимъ; но онъ ужь прозрѣвалъ въ нихъ кое-что,

*

хотя внутренно не соглашался съ профессоромъ, чтобы старинные мастера такъ недосыгаемо ушли отъ насъ; ему казалось даже, что девятнадцатый вѣкъ кое-въ-чемъ значительно ихъ опередилъ, что подражаніе природѣ какъ-то сдѣлалось теперь ярче, живѣе, ближе; словомъ, онъ думалъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ думаетъ молодость, уже постигшая кое-что и чувствующая это въ гордомъ внутреннемъ сознаніи. Иногда становилось ему досадно, когда онъ видѣлъ, какъ заѣзжіи живописецъ, французъ или нѣмецъ, иногда даже вовсе не живописецъ по призванью, одной только привычной заманкой, бойкостью кисти и яркостью красокъ производилъ всеобщій шумъ и скапливалъ себѣ въ-мигъ денежный капиталъ. Это приходило къ нему на умъ не тогда, когда, занятый весь своей работой, онъ забывалъ и питье, и пищу, и весь свѣтъ, но тогда, когда наконецъ сильно пристунала необходимость, когда не на что было купить кистей и красокъ, когда неотвязчивый хозяинъ приходилъ разъ по десяти на день требовать платы за квартиру. Тогда завидно рисовалась въ голодномъ его воображеніи участь богача-живописца; тогда пробѣгала даже мысль, пробѣгающая часто въ рус-

ской головой: бросить все и закутить съ-горя на-зло всему. И теперь онъ почти былъ въ такомъ положеніи.

«Да! терпи, терпи» произнесъ онъ съ досадою: «есть же наконецъ и терпѣнью конецъ. Терпи! а на какія деньги я завтра буду обѣдать? Въ-займы вѣдь никто не дастъ. А понеси я продавать всѣ мои картины и рисунки: за нихъ мнѣ за всѣ двугривенный дадутъ. Они полезны, конечно, я это чувствую: каждая изъ нихъ принята не даромъ, въ каждой изъ нихъ я что-нибудь узналъ. Да вѣдь что пользы? этюды, попытки—и все будутъ этюды, попытки,—и конца не будетъ имъ. Да и кто купить, не зная меня по имени; да и кому нужны рисунки съ антиковъ изъ натуринаго класса, или моя неконченная любовь Психеи, или перспектива моей комнаты, или портретъ моего Никиты, хотя онъ, право лучше портретовъ какого-нибудь моднаго живописца? Что въ самомъ дѣлѣ? Зачѣмъ я мучусь и, какъ ученикъ, копаюсь надъ азбукой, тогда-какъ могъ бы блеснуть ничѣмъ не хуже другихъ и быть такимъ, какъ они, съ деньгами». Произнеся это, художникъ вдругъ задрожалъ и поблѣднѣлъ; на него глядя, высунув-

ишсь изъ-за поставленнаго холста, чье-то судорожно искаженное лицо; два страшные глаза прямо вперились въ него, какъ бы готовясь сожрать его; на устахъ написано было грозное повелѣнiе молчать. Испуганный, онъ хотѣлъ вскрикнуть и позвать Никиту, который уже успѣлъ запустить въ своей передней богатырское хранѣнiе; но вдругъ остановился и засмѣяся; чувство страха отлегло вмгъ: это былъ имъ купленный портретъ, о которомъ онъ позабылъ вовсе. Сіяніе мѣсяца, озаривши комнату, упало и на него и сообщило ему странную живость. Онъ принялся его разсматривать и оттирать. Обмакнувъ въ воду губку, прошелъ ею по немъ нѣсколько разъ, смылъ съ него почти всю накопившуюся и набившуюся пыль и грязь, повѣсилъ передъ собой на стѣну и подивился еще болѣе необыкновенной работѣ: все лицо почти ожило и глаза взглянули на него такъ, что онъ наконецъ вздрогнулъ и, попятившись назадъ, произнесъ изумленнымъ голосомъ: «глядить, глядить человѣческими глазами!» Ему пришла вдругъ на умъ исторія, слышанная давно имъ отъ своего профессора, объ одномъ портретѣ знаменитаго Леонарда да Винчи, надъ которымъ

великій мастеръ трудился нѣсколько лѣтъ и все-
еще почиталъ его неоконченнымъ, и который,
по словамъ Вазари, былъ однако же почтенъ отъ
всѣхъ за совершеннѣйшее и окончаннѣйшее
произведеніе искусства. Окончаніе всего бы-
ли въ немъ глаза, которымъ изумлялись совре-
менники; даже малѣйшія, чуть видныя въ нихъ
жилки были не упущены и приданы полотну.
Но здѣсь однако же, въ этомъ, нынѣ бывшемъ
предъ нимъ, портретъ, было что-то странное.
Это было уже не искусство: это разрушало да-
же гармонію самаго портрета; это были живые,
это были человѣческіе глаза! Казалось, какъ-
будто они были вырѣзаны изъ живаго человѣ-
ка и вставлены сюда. Здѣсь не было уже того
высокаго наслажденія, которое объемлетъ душу
при взглядѣ на произведеніе художника, какъ
ли ужасенъ взятый имъ предметъ; здѣсь было
какое-то болѣзненное, томительное чувство. «Что
это?» невольно вопрошалъ себя художникъ: «вѣдь
это однако же натура, это живая натура: отъ
чего же это странно-непріятное чувство? Или
рабское, буквальное подражаніе натурѣ есть уже
проступокъ и кажется яркимъ, нестройнымъ
крикомъ? Или, если возмешь предметъ безучаст-

но, безчувственно, не сочувствуя съ нимъ, онъ непремѣнно предстанетъ только въ одной ужасной своей дѣйствительности, не озаренный свѣтомъ какой-то непостижимой, скрытой во всемъ мысли, предстанетъ въ той дѣйствительности, какая открывается тогда, когда, желая постигнуть прекраснаго человека, вооружаешься анатомическимъ ножомъ, разсѣкаешь его внутренность — и видишь отвратительнаго человека. Почему же простая, низкая природа является у одного художника въ какомъ-то свѣтѣ, и не чувствуешь никакого низкаго впечатлѣнія; напротивъ, кажется, какъ-будто насладился, и послѣ того спокойнѣе и ровнѣе все течетъ и движется вокругъ тебя? И почему же та же самая природа у другаго художника кажется низкой, грязною, а между-прочимъ онъ такъ же былъ вѣренъ природѣ? Но нѣтъ, нѣтъ въ ней чего-то озаряющаго. Все равно, какъ видъ въ природѣ: какъ онъ ни великолѣпенъ, а все недостаетъ чего-то, если нѣтъ на небѣ солнца».

Онъ опять подошелъ къ портрету съ тѣмъ, чтобы разсмотрѣть эти чудные глаза, и съ ужасомъ замѣтилъ, что они точно глядятъ на него. Это уже не была копія съ натуры, это была та

странная живость, которою бы озарилось лицо мертвеца, вставшаго изъ могилы. Свѣтъ ли мѣсяца, несущій съ собою бредъ мечты и облекающій все въ иные образы, противоположные положительному дню, или что другое было причиною тому, только ему сдѣлалось вдругъ, неизвестно отчего, страшно сидѣть одному въ комнатѣ. Онъ тихо отошелъ отъ портрета, отворотился въ другую сторону и старался не глядѣть на него, а между-тѣмъ глазъ невольно самъ-собой, косясь, окидывалъ его. Наконецъ ему сдѣлалось даже страшно ходить по комнатѣ; ему казалось, какъ-будто сей же часъ кто-то другой станетъ ходить позади его, и всякій разъ робко оглядывался онъ назадъ. Онъ не былъ никогда трусливъ; но воображеніе и нервы его были чутки, и въ этотъ вечеръ онъ самъ не могъ истолковать себѣ своей невольной боязни. Онъ сѣлъ въ уголокъ, но и здѣсь казалось ему, что кто-то вотъ-вотъ взглянетъ черезъ плечо къ нему въ лицо. Самое хранѣнье Иикиты, раздававшееся изъ передней, не прогоняло его боязни. Онъ наконецъ робко, не подымая глазъ, поднялся съ своего мѣста, отправился къ себѣ за ширмы и легъ въ постель. Сквозь щелки въ

ширмахъ онъ видѣлъ освѣщенную мѣсяцемъ своєю комнату и видѣлъ прямо висѣвшій на стѣнѣ портретъ. Глаза еще страшнѣе, еще значительнѣе вперились въ него и, казалось, не хотѣли ни на что другое глядѣть, какъ только на него. Полный тягостнаго чувства, онъ рѣшился встать съ постели, схватилъ простыню и, приблизясь къ портрету, закуталъ его всего. Сдѣлавши это, онъ легъ въ постель покойнѣе, сталъ думать о бѣдности и жалкой судьбѣ художника, о тернистомъ пути, предстоящемъ ему на этомъ свѣтѣ; а между-тѣмъ глаза его невольно глядѣли сквозь щелку ширмъ на закутанный простынею портретъ. Сіянье мѣсяца усиливало бѣлизну простыни, и ему казалось, что страшные глаза стали даже просвѣчивать сквозь холстину. Со страхомъ вперилъ онъ пристальнѣе глаза, какъ бы желая увѣриться, что это вздоръ. Но наконецъ уже въ-самомъ-дѣлѣ.... онъ видитъ, видитъ ясно: простыни уже нѣтъ... портретъ открытъ весь и глядитъ мимо всего, что ни есть вокругъ, прямо на него, глядитъ, просто, къ нему внутрь... У него захолонуло сердце. И видитъ: старикъ пошевелился и вдругъ уперся въ рамку обѣими руками. Наконецъ приподнялся на рукахъ и,

высунувъ обѣ ноги, выпрыгнулъ изъ рамъ... Сквозь щелку ширмъ видны были уже одни только пустыя рамы. Но комнать раздался стукъ шаговъ, который наконецъ становился ближе и ближе къ ширмамъ. Сердце стало сильнѣе колотиться у бѣднаго художника. Съ занявшимся отъ страха дыханьемъ онъ ожидалъ, что вотъ-вотъ глянетъ къ нему за ширмы старикъ. И вотъ онъ глянулъ точно за ширмы съ тѣмъ же бронзовымъ лицомъ и поводя большими глазами. Чартковъ силился вскрикнуть и почувствовалъ, что у него нѣтъ голоса, силился пошевелинуться, сдѣлать какое-нибудь движеніе — не двигутся члены. Съ раскрытымъ ртомъ и замершимъ дыханьемъ смотрѣлъ онъ на этотъ страшный фантомъ высокаго роста, въ какой-то широкой азіятской рясѣ, и ждалъ, что станетъ онъ дѣлать. Старикъ сѣлъ почти у самыхъ ногъ его и вслѣдъ за тѣмъ что-то вытащилъ изъ-подъ складокъ своего широкаго платья. Это были мѣшокъ. Старикъ развязалъ его, и, схвативши за два конца, встряхнулъ: съ глухимъ звукомъ упали на полъ тяжелые свертки, въ видѣ длинныхъ столбиковъ; каждый былъ завернутъ въ синюю бумагу и на каждомъ было выставлено: «1,000 червонныхъ».

Высунувъ свои длинныя, костистыя руки изъ широкихъ рукавовъ, старикъ началъ разворачивать свертки. Золото блеснуло. Какъ ни велико было тягостное чувство и обезнамятѣвшій страхъ художника, но онъ вперился весь въ золото, глядя неподвижно, какъ оно разворачивалось въ костистыхъ рукахъ, блестѣло, звенѣло тонко и глухо, и заворачивалось вновь. Тутъ замѣтилъ онъ одинъ свертокъ, откатившійся подалѣе отъ другихъ къ самой ножкѣ его кровати, въ головахъ у него. Почти судорожно схватилъ онъ его и, полный страха, смотрѣлъ, не замѣтитъ ли старикъ. Но старикъ былъ, казалось, очень занятъ; онъ собралъ все свертки свои, уложилъ ихъ снова въ мѣшокъ и, не взглянувши на него, ушелъ за ширмы. Сердце билось сильно у Чарткова, когда онъ услышалъ, какъ раздавался по комнатѣ шелестъ удалявшихся шаговъ. Онъ сжималъ покрѣпче свертокъ свой въ рукѣ, дрожа всемъ тѣломъ за него, и вдругъ услышалъ что шаги вновь приближаются къ ширмамъ — видно, старикъ вспомнилъ, что не доставало одного свертка. И вотъ — онъ глянулъ къ нему вновь за ширмы. Полный отчаянія, художникъ стиснулъ всею силою въ рукѣ своей свертокъ, утот-

ребилъ все усиліе сдѣлать движеніе, вскрикнуть и проснулся. Холодный потъ облилъ его всего; сердце его билось такъ сильно, какъ только можно было биться: грудь была стѣснена, какъ-будто хотѣло улетѣть изъ нея послѣднее дыханье. «Неужели это былъ сонъ?» сказалъ онъ, взявши себя обѣими руками за голову; но страшная живость явленія не была похожа на сонъ. Онъ видѣлъ, уже пробудившись, какъ старикъ ушелъ въ рамки, мелькнула даже пола его широкой одежды, и рука его чувствовала ясно, что держала за минуту предъ симъ какую-то тяжесть. Свѣтъ мѣсяца озарялъ комнату, заставляя выступать изъ темныхъ угловъ ея, гдѣ холстъ, гдѣ готовую руку, гдѣ оставленную на стулѣ драпировку, гдѣ пантолоны и нечищенные сапоги. Тутъ только замѣтилъ онъ, что не лежитъ въ постели, а стоитъ на ногахъ прямо передъ портретомъ. Какъ онъ добрался сюда — ужъ этого никакъ не могъ онъ понять. Еще болѣе изумило его, что портретъ былъ открытъ весь и простыни на немъ дѣйствительно не было. Съ неподвижнымъ страхомъ глядѣлъ онъ на него и видѣлъ, какъ прямо вперились въ него живые человѣческіе глаза. Холодный потъ вы-

ступилъ на лицѣ его; онъ хотѣлъ отойти, но чувствовалъ, что ноги его какъ-будто приросли къ землѣ. И видитъ онъ,—это уже не сонъ: черты старика двинулись и губы его стали вытягиваться къ нему, какъ-будто бы хотѣли его высосать... съ воплемъ отчаянья отскочилъ онъ и проснулся. «Неужели и это былъ сонъ?» Съ біющимъ на-разрывъ сердцемъ оцупалъ онъ руками вокругъ себя. Да, онъ лежитъ на постели въ такомъ точно положеннѣ, какъ заснулъ. Предъ нимъ ширмы; свѣтъ мѣсяца наполнялъ комнату. Сквозь щель въ ширмахъ видѣнъ былъ портретъ, закрытый, какъ слѣдуетъ, простынкою, такъ, какъ онъ самъ закрылъ его. Итакъ это былъ тоже сонъ! Но сжатая рука еще чувствуетъ какъ-будто бы въ ней что-то было. Біеніе сердца было сильно, почти страшно; тягость въ груди невыносимая. Онъ вперилъ глаза въ щель и пристально глядѣлъ на простыню: и вотъ видитъ ясно, что простыня начинаетъ раскрываться, какъ-будто бы подъ нею барахтались руки и силились ее сбросить. «Господи, Боже мой, что это!» вскрикнулъ онъ, крестясь отчаянно,—и проснулся. И это былъ также сонъ? Онъ вскочилъ съ постели, полоумный, обезнамятѣвшій, и

уже не могъ изъяснить, что́ это съ нимъ дѣлается: давленіе ли кашмара или домоваго, бредъ ли горячки, или живое видѣніе. Стараясь утишить сколько-нибудь душевное волненіе и расколыхавшуюся кровь, которая билась напряженнымъ пульсомъ по вѣтвямъ его жиламъ, онъ подошелъ къ окну и открылъ форточку. Холодный пахнувшій вѣтеръ оживилъ его. Лунное сіяніе лежало все еще на крышахъ и бѣлыхъ стѣнахъ домовъ, хотя небольшія тучи стали чаще переходить по небу. Все было тихо; изрѣдка долетало до слуха отдаленное дребезжанье дрожекъ извозника, который гдѣ-нибудь въ невидимомъ переулкѣ спалъ, убаюкиваемый своею лѣтнивою клячею, поджидая запоздалаго съдока. Долго глядѣлъ онъ, высунувши голову въ форточку. Уже на небѣ раждались признаки приближающейся зари; наконецъ почувствовалъ онъ дремоту, захлопнулъ форточку, отошелъ прочь, легъ въ постель и скоро заснулъ, какъ убитый, самымъ крѣпкимъ сномъ.

Проснулся онъ очень поздно и почувствовалъ въ себѣ то непріятное состояніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ послѣ угара: голова его непріятно болѣла. Въ комнатѣ было тускло: не-

пріятная мокрота съялась въ воздухъ и проходила сквозь щели его оконъ, заставленные картинами или нагрунтованнымъ холстомъ. Пасмурный, недовольный, какъ мокрый пѣтухъ, устался онъ на своемъ оборванномъ диванѣ, не зная самъ, за что приняться, что дѣлать, и вспомнилъ наконецъ весь свой сонъ. По мѣрѣ припоминанья, сонъ этотъ представлялся въ его воображеніи такъ тягостно-живъ, что онъ даже сталъ подозревать, точно-ли это былъ сонъ и простой бредъ, не было ли здѣсь чего-то другаго, не было ли это видѣніе. Сдериувши простыню, онъ разсмотрѣлъ при дневномъ свѣтѣ этотъ страшный портретъ. Глаза точно поражали своей необыкновенной живостью, но ничего онъ не находилъ въ нихъ особенно страшнаго; только какъ-будто какое-то неизъяснимое, непріятное чувство оставалось на душѣ. При всемъ томъ онъ все-таки не могъ совершенно увѣриться, чтобы это былъ сонъ. Ему казалось, что среди сна былъ какой-то страшный отрывокъ изъ действительности. Казалось, даже въ самомъ взглядѣ и выраженіи старика какъ-будто что-то говорило, что онъ былъ у него эту ночь; рука его чувствовала только лежавшую въ себѣ тя-

жестъ, какъ-будто бы кто-то за одну только минуту предъ нимъ ее выхватилъ у него. Ему казалось, что еслибы онъ держалъ только покрывче свертокъ, онъ, вѣрно, остался бы у него въ рукъ и послѣ пробужденія.

«Боже мой! еслибы хотя часть этихъ денегъ!» сказалъ онъ, тяжело вздохнувши, — и въ воображеніи его стали высыпаться изъ мѣшка все видѣнные имъ свертки съ замазчивой надписью: 1000 червонныхъ. Свертки разворачивались, золото блестяло, заворачивалось вновь, — и онъ сидѣлъ, уставивши неподвижно и безсмысленно свои глаза въ пустой воздухъ, не будучи въ состояніи оторваться отъ такого предмета, какъ ребенокъ, сидящій предъ сладкимъ блюдомъ и видящій, глотая слюнки, какъ ѣдятъ его другіе. Наконецъ у дверей раздался стукъ, заставившій его непріятно очнуться. Вошелъ хозяинъ съ квартальнымъ надзирателемъ, котораго появленіе для людей мелкихъ, какъ извѣстно, еще непріятнѣе, нежели для богатыхъ лицо просителя. Хозяинъ небольшого дома, въ которомъ жилъ Чартковъ, былъ одно изъ твореній, какими обыкновенно бываютъ владѣтели домовъ гдѣ-нибудь въ пятнадцатой линіи Васильевского острова.

рова, на Петербургской сторонѣ, или въ отдаленномъ углу Коломны—творенье, какихъ много на Руси и которыхъ характеръ такъ же трудно опредѣлить, какъ цвѣтъ изношеннаго сюртука. Въ молодости своей онъ былъ капитанъ и крикушъ, употреблялся и по штатскимъ дѣламъ, мастеръ былъ хорошо высѣчь, былъ и расторопенъ и щеголь, и глупъ; но въ старости своей онъ слилъ въ себѣ все эти рѣзкія особенности въ какую-то тусклую неопредѣленность. Онъ былъ уже вдовъ, былъ уже въ отставку, уже не щеголялъ, не хвасталъ, не задибался, любилъ только пить чай и болтать за нимъ всякій вздоръ: ходилъ по комнатамъ, поправлялъ сальный огарокъ; аккуратно по истеченіи каждаго мѣсяца навѣдывался къ своимъ жильцамъ за деньгами, выходилъ на улицу съ ключомъ въ рукѣ для того, чтобы посмотреть на крышу своего дома; выгонялъ нѣсколько разъ дворника изъ его конуры, куда тотъ запрятывался спать; однимъ словомъ, человекъ въ отставку, которому, послѣ всей забубенной жизни и тряски на перекладныхъ, остаются одни пошлыя привычки.

«Извольте сами глядѣть, Варухъ Кузьмичъ, ска-
залъ хозяинъ, обращаясь къ квартальному и раз-

ставивъ руки; вотъ не платить за квартиру, не платить».

«Чтожъ, если нѣтъ денегъ? Подождите, я заплачу».

«Мнѣ, батюшка, ждать нельзя» сказалъ хозяинъ въ-сердцахъ, дѣлая жестъ ключомъ, который держалъ въ рукѣ: «у меня вотъ Потогонкинъ подполковникъ живетъ, семь лѣтъ ужъ живетъ; Анна Петровна Бухмистерова и сарай и конюшню нанимаетъ на два стойла, три при ней дворовыхъ человека—вотъ какіе у меня жильцы! У меня, сказать вамъ откровенно, нѣтъ такого заведенія, чтобы не платить за квартиру. Извольте сейчасъ же заплатить деньги, да и съѣзжать вонъ».

«Да, ужъ если порядились, такъ извольте платить» сказалъ квартальный надзиратель съ небольшимъ потряхиваньемъ головы, и заложивъ палецъ за пуговицу своего мундира.

«Да чѣмъ платить? вопросъ... У меня нѣтъ теперь ни гроша».

«Въ такомъ случаѣ, удовлетворите Ивана Ивановича издѣльями своей профессіи» сказалъ квартальный: «онъ, можетъ-быть, согласится взять картинами».

«Нѣтъ, батюшка, за картины спасибо. Добро бы были картины съ благороднымъ содержаніемъ, чтобы можно было на стѣну повѣсить: хоть какой-нибудь генералъ со звѣздой, или князя Кутузова портретъ; а то вонъ мужика нарисовалъ, мужика въ рубахѣ, слуги-то, что треть краски. Енѣ съ него, свиньи, портретъ рисовать; ему я шею наколочу: онъ у меня весь гвозди изъ задвижекъ новыдергалъ, мошенникъ. Вотъ посмотрите, какіе предметы: вотъ комнату рисуетъ. Добро-бы ужъ взялъ комнату прибранную, опрятную; а онъ вонъ-какъ нарисовалъ ее, со всѣмъ соромъ и дрызгомъ, какой ни валялся. Вотъ, посмотрите, какъ занакостилъ у меня комнату, извольте сами видѣть. Да у меня по семи лѣтъ живутъ жильцы, полковники, Бухминстеровъ Анна Петровна.... Нѣтъ, я вамъ скажу: нѣтъ хуже жильца, какъ живописецъ: свинья свиньей живетъ, просто не приведи Богъ».

И все это долженъ былъ выслушать терпѣливо бѣдный живописецъ. Квартальный надзиратель между-тѣмъ занялся разсматриваньемъ картинъ и этюдовъ, и тутъ же показалъ, что у него душа живѣе хозяйской и даже была не чужда художественнымъ впечатлѣніямъ.

«Хе, сказалъ онъ, тыкнувъ пальцемъ на одинъ холстъ, гдѣ была изображена нагая женщина, предметъ, того... игривый. А у этого зачѣмъ такъ подъ носомъ черно, табакомъ что-ли онъ себѣ засыпалъ?»

«Тѣнь», отвѣчалъ на это сурово, и не обращая на него глазъ, Чартковъ.

«Ну, се бы можно куда-нибудь въ другое мѣсто отнести, а подъ носомъ слишкомъ видное мѣсто» сказалъ квартальный: «а это чей портретъ?» продолжалъ онъ, подходя къ портрету старика: «ужь страшенъ слишкомъ. Будто онъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ такой страшный; ахти, да онъ, просто, глядитъ. Охъ какой Громобой! Съ кого вы писали?»

«А, это съ одного...» сказалъ Чартковъ, и не кончивъ слова: послышался трескъ. Квартальный пожалъ, видно, слишкомъ крѣпко раму портрета, благодаря топорному устройству полицейскихъ рукъ своихъ; боковыя дощечки вломились внутрь, одна упала на полъ и вмѣстѣ съ нею упалъ, тяжело звякнувъ, свертокъ въ синей бумагѣ. Чарткову бросилась въ глаза надпись: «1000 червонныхъ». Какъ безумный бросился онъ поднять

его, схватилъ свертокъ, сжалъ его судорожно въ рукѣ, спустившейся внизъ отъ тяжести.

«Не какъ деньги зазвенѣли?» сказалъ квартальный, услышавшій стукъ чего-то упавшаго на полъ и не могшій увидать его за быстротой движенія, съ какою бросился Чартковъ прибрать.

«А вамъ какое дѣло знать что у меня есть?»

«А такое дѣло, что вы сейчасъ должны заплатить хозяину за квартиру; что у васъ есть деньги, да вы не хотите платить — вотъ что».

«Ну, я заплачу ему сегодня».

«Ну, а зачѣмъ же вы не хотѣли заплатить прежде, да доставляете беспокойство хозяину, да вотъ и полицію тоже тревожите?»

«Потому-что этихъ денегъ мнѣ не хотѣлось трогать; я ему сегодня же ввечеру все заплачу и съѣду съ квартиры завтра же, потому-что не хочу оставаться у такого хозяина».

«Ну, Иванъ Ивановичъ, онъ вамъ заплатитъ, сказалъ квартальный, обращаясь къ хозяину. А если на счетъ того, что вы не будете удовлетворены, какъ слѣдуетъ, сегодня ввечеру, тогда ужъ извините, господинъ живописецъ». Сказавши это, онъ надѣлъ свою треугольную шляпу и вышелъ въ стѣны, а за нимъ хозяинъ, держа

внизъ голову и, какъ казалось, въ какомъ-то раздумьи.

«Слава Богу, чортъ ихъ унесъ!» сказалъ Чартковъ, когда услышалъ затворившуюся въ передней дверь. Онъ выглянулъ въ переднюю, услышалъ зачѣмъ-то Никиту, чтобы быть совершенно одному, заперъ за нимъ дверь и, возвратившись къ себѣ въ комнату, принялся съ сильнымъ сердечнымъ трепетомъ разворачивать свертокъ. Въ немъ были червонцы, всѣ до одного новые, жаркіе, какъ огонь. Почти обезумѣвъ, сидѣлъ онъ за золотою кучею, все еще спрашивая себя: «не во снѣ ли все это?» Въ сверткѣ было ровно ихъ тысяча; паружность его была совершенно такая, въ какой они видѣлись ему во снѣ. Нѣсколько минутъ онъ перебиралъ ихъ, пересматривалъ, и все еще не могъ притти въ-себя. Въ воображеніи его воскресли вдругъ всѣ исторіи о кладахъ, шкатулкахъ съ потаенными ящиками, оставляемыхъ предками для своихъ разорившихся внуковъ, въ твердой увѣренности на будущее ихъ промотавшееся положеніе. Онъ мыслилъ такъ: «не придумалъ ли и теперь какой-нибудь дѣдушка оставить своему внуку подарокъ, заключивъ его въ рамку фамильнаго портрета?» Пол-

ный романческаго бреда, онъ сталъ даже думать: нѣтъ ли здѣсь какой-нибудь тайной связи съ его судьбою, не связано ли существованье портрета съ его собственнымъ существованьемъ, и самое пріобрѣтеніе его не есть ли уже какое-то предопредѣленіе. Онъ принялся съ любопытствомъ разсматривать рамку портрета. Въ одномъ боку ея былъ выдолбленный желобокъ, задвинутый дощечкой такъ ловко и непримѣтно, что если бы капитальная рука квартальнаго надзирателя не произвела пролома, червонцы остались бы до скончанія вѣка въ-покоѣ. Разсматривая портретъ, онъ подивился вновь высокой работѣ, необыкновенной отдѣлкѣ глазъ: они уже не казались ему страшными: но все еще въ душѣ оставалось всякій разъ невольно непріятное чувство. «Нѣтъ» сказалъ онъ самъ-себѣ: «чей бы ты ни былъ дѣдушка, а я тебя поставлю за стекло и сдѣлаю тебѣ за это золотыя рамки». Здѣсь онъ набросилъ руку на золотую кучу, лежавшую предъ нимъ, и сердце забилося сильно отъ такого прикосновенія. «Что съ ними сдѣлать?» думалъ онъ, уставивъ на нихъ глаза: «Теперь я обезпеченъ по-крайней-мѣрѣ на три года: могу запереться въ комнату, работать. На

краски теперь у меня есть; на обѣдъ, на чай, на содержанье, на квартиру — есть; мѣшать и надѣвать мнѣ теперь никто не станетъ: куплю себѣ отличный манкенъ, закажу гипсовый торсикъ, сформирую ножки, поставлю Венеру, куплю гравюръ съ первыхъ картинъ. И если поработаю три года для себя, не торопясь, не на продажу, я зашибу ихъ всѣхъ, и могу быть славнымъ художникомъ».

Такъ говорилъ онъ за одно съ подсказывавшимъ ему разсудкомъ; но изнутри раздавался другой голосъ, слышнѣе и звонче. И какъ взглянулъ онъ еще разъ на золото, не то заговорили въ немъ 22 года и горячая юность. Теперь въ его власти было все, на что онъ глядѣлъ доселѣ завистливыми глазами, чѣмъ любовался издали, глотая слюнки. Ухъ, какъ въ немъ забилося ретивое, когда онъ только подумалъ о томъ! Одѣться въ модный фракъ, разговѣться послѣ долгаго поста, нанять себѣ славную квартиру, отправиться тотъ же часъ въ театръ, въ кондитерскую въ..... и прочее, и онъ, схвативши деньги, былъ уже на улицѣ. Прежде всего зашолъ къ портному, одѣлся съ ногъ до головы, и, какъ ребенокъ, сталъ осматривать себя

безпрестанно; накупили духовъ, помадъ, напьяли, не торгуясь, первую попавшуюся великолѣпнѣйшую квартиру на Невскомъ проспектъ, съ зеркалами и цѣльными стеклами; купили нечаянно въ магазинѣ дорогой лорнетъ, нечаянно накупили тоже бездну всякихъ галстуховъ, болѣе, нежели сколько было нужно, зашли у парикмахера себѣ локоны, прокатился два раза по городу въ каретѣ безъ всякой причины, объѣлся безъ мѣры конфетовъ въ кондитерской и зашелъ къ ресторану французу, о которомъ доселѣ слышалъ такіе же неясные слухи, какъ о китайскомъ государствѣ. Тамъ онъ объдалъ подбоченившись, бросая довольно гордые взгляды на другихъ и поправляя безпрестанно противъ зеркала завитые локоны. Тамъ онъ выпилъ бутылку шампанскаго, которое тоже доселѣ было ему знакомо болѣе по слуху. Вино нѣсколько зашумѣло въ головѣ, и онъ вышелъ на улицу живой, бойкій, по русскому выраженію: «чорту не братъ». Прошолся по тротуару гоголемъ, наводя на всѣхъ лорнетъ. На мосту замѣтилъ онъ своего прежняго профессора и шмыгнулъ лихо мимо его, какъ-будто бы не замѣтивъ его вовсе, такъ-что остолебенный профессоръ долго еще стоялъ не-

подвигно на мосту, изобразивъ вопросительный знакъ на лицѣ своемъ. Всѣ вещи и все, что ни было: станокъ, холстъ, картины, были въ тотъ же вечеръ перевезены на великолѣпную квартиру. Онъ разставилъ что было получше, на видныя мѣста, что похуже, забросилъ въ уголъ, и расхаживалъ по великолѣпнымъ комнатамъ, безпрестанно поглядывая въ зеркала. Въ душѣ его возродилось желаніе непреоборимое схватить славу сей же часъ за хвостъ и показать себя свѣту. Уже чудились ему крики: «Чартковъ, Чартковъ! видали ли вы картину Чарткова? Какая быстрая кисть у Чарткова! Какой сильный талантъ у Чарткова!» Онъ ходилъ въ восторженномъ состояніи у себя по комнатамъ—уносился нивѣсть куда. На другой же день, взявши десятокъ червонцевъ, отправился онъ къ одному издателью ходячей газеты, прося великодушнѣй помощи; былъ принятъ радушно журналистомъ, назвавшимъ его тотъ же часъ «почтеннѣйшій», пожавшимъ ему объ руки, разсировавшимъ подробно объ имени, отчествѣ, мѣстѣ жительства, и на другой же день появилась въ газетѣ, вслѣдъ за объявленіемъ о новоизобрѣтенныхъ салыныхъ свѣчахъ, статья съ такимъ загла-

віемъ: О необыкновенныхъ талантахъ Чартко-
ва: «Снѣшныя обрадовать образованныхъ жите-
«лей столицы прекраснымъ, можно сказать, во
«всѣхъ отношеніяхъ пріобрѣтеніемъ. Всѣ согла-
«сны въ томъ, что у насъ есть много прекрас-
«нѣйшихъ фizioномій и прекраснѣйшихъ лицъ;
«но не было до-сихъ-поръ средства передать
«нихъ на чудотворный холстъ, для передачи по-
«томству; теперь недостатокъ этотъ пополненъ:
«отыскался художникъ, соединяющій въ себѣ
«все, что нужно. Теперь красавица можетъ быть
«увѣрена, что она будетъ передана со всей гра-
«ціей своей красоты воздушной, легкой, очаро-
«вательной, чудесной, подобной мотылькамъ,
«порхающимъ по весеннимъ цвѣткамъ. Почтен-
«ный отецъ семейства увидитъ себя окружен-
«нымъ своей семьей. Купецъ, воинъ, гражда-
«нинъ, государственный мужъ — всякій съ по-
«вой ревностью будетъ продолжать свое попри-
«ще. Снѣшите, снѣшите, заходите съ гулянья,
«съ прогулки, предпринятой къ пріятелю, къ
«кузину, въ блестящій магазинъ, снѣщите, от-
«куда бы ни было. Великолѣпная мастерская
«художника (Невскій проспектъ, такой-то по-
«меръ) уставлена вся портретами его кисти, до-

«стойной Вандиковъ и Тиціановъ. Не знаешь,
«чему удивляться: вѣрности ли и сходству съ
«оригиналами, или необыкновенной яркости и
«свѣжести кисти. Хвала вамъ, художникъ! вы
«вынули счастливый билетъ изъ лотереи. Ви-
«вать, Андрей Петровичъ (журналистъ, какъ
«видно, любилъ фамиліарность)! Прославляйте
«себя и насъ. Мы умѣемъ цѣнить васъ. Всеоб-
«щее стеченіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и деньги, хо-
«тя нѣкоторые изъ нашей же братьи журна-
«листовъ и возстаютъ противъ нихъ, будутъ вамъ
«наградой».

Съ тайнымъ удовольствіемъ, прочитавъ худож-
никъ это объявленіе; лицо его просіяло. О немъ
заговорили печатно — это было для него ново-
стію; нѣсколько разъ перечитывалъ онъ строки.
Сравненіе съ Вандикомъ и Тиціаномъ ему силь-
но польстило. Фраза: «вивать, Андрей Петро-
вичъ!» также очень поправилась; печатнымъ об-
разомъ называютъ его по имени и по отчеству
— честь, донинѣ ему совершенно неизвѣстная.
Онъ началъ ходить скоро по комнатѣ, ерошитъ
себѣ волосы, то садился въ кресла, то вскаки-
валъ съ нихъ и садился на диванъ, представляя
поминутно, какъ онъ будетъ принимать посѣти-

телей и почительницъ, подходилъ къ холсту и производилъ надъ нимъ лихую замашку кисти, пробуя сообщить граціозныя движенія рукъ. На другой день раздался колокольчикъ у дверей его; онъ побѣжалъ отворять; вошла дама, сопровождаемая лакеемъ въ ливрейной шинели на мѣху, и вмѣстѣ съ дамой вошла молоденькая восемнадцатилѣтняя дѣвочка, дочь ея.

«Вы мсьё Чартковъ?» сказала дама. Художникъ поклонился.

«Объ васъ столько пишутъ; ваши портреты, говорятъ, верхъ совершенства». Сказавши это, дама наставила на глазъ лорнетъ и побѣжала быстро осматривать стѣны, на которыхъ ничего не было. «А гдѣ же ваши портреты?»

«Вынесли» сказалъ художникъ, нѣсколько смѣшавшись: «я только — что переехалъ на эту квартиру; такъ они еще въ дорогѣ.... не доѣхали».

«Вы были въ Италіи?» сказала дама, наводя на него лорнетъ, не найдя ничего другаго, на что бы можно было навестъ его.

«Нѣтъ, я не былъ, но хотѣлъ быть.... впрочемъ, теперь покаместъ я отложилъ.... Вотъ кресла-съ; вы устали...?»

«Благодарю, я сидѣла долго въ каретѣ. А, вонъ наконецъ вижу вашу работу!» сказала дама, побѣжавъ къ супротивной стѣнѣ и наводя лорнетъ на стоявшіе на полу его этюды, программы, перспективы и портреты. «C'est charmant, Lise! Lise venez ici: комната во вкусѣ Теньера; видишь: безпорядокъ, безпорядокъ, столъ, на немъ бюстъ, рука, палитра; вонъ пыль, видишь, какъ пыль нарисована! c'est charmant! А вотъ на другомъ холстѣ женщина, моющая лице—quelle jolie figure! Ахъ, мужичокъ! Lise, Lise! мужичокъ въ русской рубашкѣ! смотри: мужичокъ! Такъ вы занимаетесь не одними только портретами?»

«О, это вздоръ.... такъ, шалить.... этюды....»

«Скажите, какого вы мнѣнія на счетъ нынѣшнихъ портретистовъ? Не правда ли, теперь нѣтъ такихъ, какъ былъ Тиціанъ? нѣтъ той силы въ колоритѣ, нѣтъ той.... какъ жаль, что я не могу вамъ выразить по-русски (дама была любительница живописи и обѣгала съ лорнетомъ все галлерей въ Италіи). Однако, мсьё Поль... ахъ, какъ онъ пишетъ! какая необыкновенная кисть! Я нахожу, что у него даже больше выраженія въ лицахъ, нежели у Тиціана. Вы не знаете мсьё Поля?»

«Кто этотъ Ноль?» спросилъ художникъ.

«Мсьё Ноль. Ахъ, какой талантъ! онъ написалъ съ нея портретъ, когда ей было только двѣнадцать лѣтъ. Надо, чтобы вы непременно у насъ были. Lise, ты ему покажи свой альбомъ. Вы знаете, что мы прѣехали съ тѣмъ, чтобы сей же часъ начали съ нея портретъ».

«Какъ же, я готовъ сію минуту». И въ одно мгновеніе придвинулъ онъ станокъ съ готовымъ холстомъ, взялъ въ руки калитру, вперилъ глаза въ блѣдное личико дочери. Если бы онъ былъ знатокъ человеческой природы, онъ прочелъ бы на немъ въ одну минуту начало ребяческой страсти къ баламъ, начало тоски и жалобъ на длинноту времени до обѣда и послѣ обѣда, желанья побѣгать въ одномъ платьѣ на гуляньяхъ, тяжелые слѣды безучастнаго прилежанія къ разнымъ искусствамъ, внушаемаго матерью для возвышенія души и чувствъ. Но художникъ видѣлъ въ этомъ привычномъ личикѣ одну только заманчивую для кисти почти фарфоровую прозрачность тѣла, увлекательную легкую томность, тонкую свѣтлую шейку и аристократическую легкость стана. И уже заранѣе готовился торжествовать, показать легкость и блескъ своей

кисти, имѣвшей доселѣ дѣло только съ жесткими чертами грубыхъ моделей, съ строгими антиками и копіями кое-какихъ классическихъ мастеровъ. Онъ уже представлялъ себѣ въ мысляхъ какъ выйдетъ это легонькое личико.

«Знаете ли» сказала дама съ нѣскольکو даже трогательнымъ выраженіемъ лица: «я бы хотѣла: на ней теперь платье; я бы, признаюсь, не хотѣла, чтобы она была въ платьѣ, къ которому мы такъ привыкли: я бы хотѣла, чтобъ она была одѣта просто и сидѣла бы въ тѣни зелени, въ виду какихъ-нибудь полей, чтобы стада вдали, или роща.... чтобы незаметно было, что она ѣдетъ куда-нибудь на балъ или модный вечеръ. Наши балы, признаюсь, такъ убиваютъ душу, такъ умерщвляютъ остатки чувствъ.... простоты, простоты чтобъ было больше». Увы! на лицахъ и матушки и дочери написано было, что онѣ до того исплясались на балахъ, что обѣ сдѣлались чуть не восковыми.

Чартковъ принялся за дѣло, усадилъ оригиналъ, сообразилъ нѣсколько все это въ головѣ; провелъ по воздуху кистью, мысленно устанавливая пункты; прищурилъ нѣсколько глазъ, подался назадъ, взглянулъ издали, и въ одинъ томъ III.

часть началъ и кончилъ подмалевку. Довольный ею, онъ принялся уже писать; работа его завлекла; уже онъ позабылъ все, позабылъ даже, что находится въ присутствіи аристократическихъ дамъ, началъ даже выказывать иногда кое-какія художническія ухватки, произнося вслухъ разные звуки, временами подиѣвая, какъ случается съ художникомъ, погруженнымъ всею душою въ свое дѣло. Безъ всякой церемоніи, однимъ движеньемъ кисти заставлялъ онъ оригиналъ поднимать голову, который наконецъ началъ сильно вертѣться и выражать совершенную усталость.

«Довольно, на первый разъ довольно» сказала дама.

«Еще немножко» говорилъ позабывшійся художникъ.

«Пѣтъ, пора! Lise, три часа!» сказала она, вынимая маленькіе часы, висѣвшіе на золотой цѣпи у ея кушака, и вскрикнула: «ахъ, какъ поздно!»

«Минуточку только» говорилъ Чартковъ простодушнымъ и просящимъ голосомъ ребенка.

Но дама, кажется, совсѣмъ не была расположена угождать на этотъ разъ его художествен-

нымъ потребностямъ и общала вмѣсто того просидѣть въ другой разъ долѣе.

«Это однакожъ досадно» подумалъ про-себя Чартковъ: «рука только-что расходилась». И вспомнилъ онъ, что его никто не перебивалъ и не останавливалъ, когда онъ работалъ въ своей мастерской на Васильевскомъ островѣ; Никита, бывало, сидѣлъ, не ворочнувшись, на одномъ мѣстѣ — пиши съ него, сколько угодно; онъ даже засыпалъ въ заказанномъ ему положеніи. И, недовольный, положилъ онъ свою кисть и палитру на стулъ, и остановился смутно предъ холстомъ. Complimentъ, сказанный свѣтской дамой, пробудилъ его изъ усыпленія. Онъ бросился быстро къ дверямъ провожать ихъ; на лестницѣ получилъ приглашеніе бывать, прійти на слѣдующей недѣлѣ обѣдать, и съ веселымъ видомъ возвратился къ себѣ въ комнату. Аристократическая дама совершенно очаровала его. До-сихъ-поръ онъ глядѣлъ на подобныя существа, какъ на что-то недоступное, которыя рождены только для того, чтобы проестись въ великолыиной коляскѣ съ ливрейными лакеями и щегольскимъ кучеромъ и бросить равнодушный взглядъ на бредущаго пѣшкомъ въ небогатомъ

*

плащикъ чловѣка. И вдругъ теперь одно изъ этихъ существъ вошло къ нему въ комнату; онъ пишетъ портретъ, приглашонъ на обѣдъ въ аристократическій домъ. Довольство овладѣло имъ необыкновенное: онъ былъ упоенъ совершенно и наградилъ себя за это славнымъ обѣдомъ, вечернимъ спектаклемъ, и опять проѣхался въ каретѣ по городу безъ всякой нужды.

Во всѣ эти дни обычная работа ему не шла вовсе на умъ. Онъ только приготовлялся и ждалъ минуты, когда раздастся звонокъ. Наконецъ аристократическая дама прѣѣхала вмѣстѣ съ своею блѣдненькою дочерью. Онъ усадилъ ихъ, придвинулъ холстъ уже съ ловкостью и претензіями на свѣтскія замашки, и сталъ писать. Солнечный день и ясное освѣщеніе много помогли ему. Онъ увидѣлъ въ легонькомъ своемъ оригиналъ много такого, что, бывъ уловлено и передано на полотно, могло придать высокое достоинство портрету; увидѣлъ, что можно сдѣлать кое-что особенное, если выполнить все въ такой окончанности, въ какой теперь представлялась ему натура. Сердце его начало даже слегка трепетать, когда онъ почувствовалъ, что выразитъ то, чего еще не замѣтили другіе. Работа заняла

его всего, весь погрузился онъ въ кисть, позабывъ опять объ аристократическомъ происхожденіи оригинала. Съ занимавшимся дыханіемъ видѣлъ, какъ выходили у него легкія черты и это почти прозрачное тѣло семнадцатилѣтней дѣвушки. Онъ ловилъ всякій отблескъ, легкую желтизну, едва замѣтную голубизну подъ глазами и уже готовился даже схватить небольшой прыщикъ, выскочившій на лбу, какъ вдругъ услышалъ надъ собою голосъ матери: «ахъ, зачѣмъ это? это не нужно; у васъ тоже.... вотъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.... какъ — будто бы нѣсколько желто, и вотъ здѣсь совершенно какъ темныя пятнышки». Художникъ сталъ изъяснять, что эти-то пятнышки и желтизна именно разыгрываются хорошо, что они составляютъ пріятные и легкіе тоны лица. Но ему отвѣчали, что они не составятъ никакихъ тоновъ и совсѣмъ не разыгрываются; и что это ему только такъ кажется. «Но позвольте здѣсь въ одномъ только мѣстѣ тронуть немножко жолтенькой краской» сказалъ простодушно художникъ. Но этого-то ему и не позволили. Объявлено было, что Lise только сегодня немножко нерасположена, а что желтизны въ ней никакой не бываетъ и ли-

но ея поражаетъ особенно свѣжестью краски. Съ грустью принялся онъ изглаживать то, что кисть его заставила выступить на полотно. Исчезло много почти незамѣтныхъ чертъ, а вмѣстѣ съ ними исчезло отчасти и сходство. Онъ безчувственно сталъ сообщать ему тотъ общій колоритъ, который дается наизусть и обращаетъ даже лица, взятыхъ съ натуры, въ какія-то холодно-идеальныя, видимыя на ученическихъ программахъ. Но дама была довольна тѣмъ, что обидный колоритъ былъ изгнанъ вовсе. Она изъясняла только удивленіе, что работа идетъ такъ долго, и прибавила, что слышала, будто онъ въ два сеанса оканчиваетъ совершенно портретъ. Художникъ ничего не нашелся на это отвѣчать. Дамы поднялись и собирались выйти. Онъ положилъ кисть, проводилъ ихъ до дверей и послѣ того долго оставался смутнымъ на одномъ и томъ же мѣстѣ передъ своимъ портретомъ. Онъ глядѣлъ на него глупо, а въ головѣ его между тѣмъ носились тѣ легкія женственныя черты, тѣ отбѣски и воздушные тоны, имъ подмѣченныя, которые уничтожила безжалостно его кисть. Будучи весь полонъ ими, онъ отставилъ портретъ въ сторону и отыскалъ у себя гдѣ-то

заброшенную головку Психей, которую когда-то давно и эскизно набросалъ на полотно. Это было личико, ловко написанное, но совершенно идеальное, холодное, состоявшее изъ однихъ общихъ чертъ, не принявшее живаго тѣла. Отъ нечего дѣлать онъ теперь принялся проходить его, припоминая на немъ все, что случилось ему подмѣтить въ лицѣ аристократической поэтессы. Уловленные имъ черты, оттѣнки и тоны здѣсь лежали въ томъ очищенномъ видѣ, въ какомъ являются они тогда, когда художникъ, наглядѣвшись на природу, уже отделяется отъ нея и производить ей равное созданіе. Психей стала оживать; и едва сквозившая мысль начала мало по-малу облекаться въ видимое тѣло. Тинъ лица молоденькой свѣтской дѣвицы невольно сообщился Психей и чрезъ то получила она своеобразное выраженіе, дающее право на названіе истинно-оригинальнаго произведенія. Казалось, онъ воспользовался по частямъ и вмѣстѣ всѣмъ, что представилъ ему оригиналъ, и привязался совершенно къ своей работѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ былъ занятъ только ею. И за этой самой работой засталъ его прїѣздъ знакомыхъ дамъ. Онъ не успѣлъ снять

со станка картину. Обѣ дамы издали радостный крикъ изумленья и внесли руками.

«Lise, Lise! ахъ, какъ похоже! Superbe, superbe! Какъ хорошо вы вздумали, что одѣли ее въ греческій костюмъ. Ахъ, какой сюрпризъ!»

Художникъ не зная, какъ вывести дамъ изъ пріятнаго заблужденія. Совѣстясь и потупя голову, онъ произнесъ тихо: «это Психея».

«Въ видѣ Психеи? C'est chermant! сказала мать, улыбувшись; причемъ улыбулась также и дочь. Не правда ли, Lise, тебѣ больше всего идетъ быть изображенной въ видѣ Психеи? Quelle idée délicieuse! Но какая работа! это Корреджъ. Признаюсь, я читала и слышала о васъ, но я не знала, что у васъ такой талантъ. Итъ, вы непременно должны написать также и съ меня портретъ». Дамъ, какъ видно, хотѣлось также предстать въ видѣ какой-нибудь Психеи.

«Что мнѣ съ ними дѣлать?» подумалъ художникъ: «если онѣ сами того хотятъ, такъ пусть Психея пойдетъ за тѣмъ, чего имъ хочется» и произнесъ въ слухъ: «потрудитесь еще немножко присѣсть: я кое-что немножко трону».

«Ахъ, я боюсь, чтобы вы какъ-нибудь не... она такъ теперь похожа». Но художникъ по-

нялъ, что опасенья были на счетъ желтизны, и успокоилъ ихъ, сказавъ, что онъ только придастъ болѣе блеску и выраженья глазамъ. А по справедливости ему было слишкомъ совѣстно и хотѣлось хотя сколько-нибудь болѣе придать сходства съ оригиналомъ, дабы не укорилъ его кто-нибудь въ рѣшительномъ безстыдствѣ. И точно, черты блѣдной дѣвушки стали наконецъ выходить яснѣе изъ облика Психеи.

«Довольно!» сказала мать, начинавшая бояться, чтобы сходство не приблизилось наконецъ уже черезчуръ близко. Художникъ былъ награжденъ всѣмъ: улыбкой, деньгами, комплиментомъ, искреннимъ пожатиемъ руки, приглашеніемъ на обѣды, словомъ, получилъ тысячу лестныхъ наградъ. Портретъ произвелъ по городу шумъ. Дама показала его пріятельницамъ: всѣ изумлялись искусству, съ какимъ художникъ умѣлъ сохранить сходство и вмѣстѣ съ тѣмъ придать красоту оригиналу. Последнее замѣчено было, разумѣется, не безъ легкой краски зависти въ лицѣ. И художникъ вдругъ былъ осажденъ работами. Казалось, весь городъ хотѣлъ у него писаться. У дверей поминутно раздавался звонокъ. Съ одной стороны это могло быть хоро-

но, представляя ему бесконечную практику разнообразіемъ, множествомъ лицъ. Но на - бѣду, это все былъ народъ, съ которымъ было трудно ладить, народъ торопливый, занятый, или же принадлежащій свѣту, стало - быть, еще болѣе занятой, нежели всякій другой, и потому нетерпѣливый до-крайности. Со всѣхъ сторонъ только требовали, чтобъ было хорошо и скоро. Художникъ увидѣлъ, что оканчивать рѣшительно было невозможно, что все нужно было замѣнить ловкостью и быстрой бойкостью кисти; схватывать одно только цѣлое, одно общее выраженіе и не углубляться кистью въ утонченныя подробности; однимъ словомъ, слѣдить природу въ ея окончанности было рѣшительно невозможно. Притомъ нужно прибавить, что у всѣхъ почти писавшихся много было другихъ притязаній на разное. Дамы требовали, чтобы преимущественно только душа и характеръ изображались въ портретахъ, чтобы остальнаго иногда вовсе не придерживаться, округлить всѣ углы, облегчить всѣ изъясцы и даже, если можно, избѣжать ихъ вовсе; словомъ, чтобы на лицо можно было засмотрѣться, если даже не совершенно влюбиться. И въ-слѣдствіе этого, садясь пи-

саться, онъ принимали иногда такія выраженія, которыя приводили въ изумленіе художника: та старалась изобразить въ лицѣ своемъ меланхолію, другая мечтательность, третья во что бы ни стало, хотѣла уменьшить ротъ и сжимала его до такой степени, что онъ обращался наконецъ въ одну точку, не больше булавочной головки. И несмотря на все это, требовали отъ него сходства и непринужденной естественности. Мушкетеры тоже были ничѣмъ не лучше дамъ: одинъ требовалъ себя изобразить въ сильномъ энергическомъ поворотѣ головы; другой съ поднятыми къверху вдохновенными глазами; гвардейскій поручикъ требовалъ непременно, чтобы въ глазахъ видѣнь былъ Марсъ; гражданскій чиновникъ наровиалъ такъ, чтобы побольше было прямоты, благородства въ лицѣ и чтобы рука оперлась на книгу, на которой бы чоткими словами было написано: «всегда стоялъ за правду». Сначала художника бросали въ потъ такія требованья: все это нужно было сообразить, обдумать, а между — тѣмъ сроку давалось очень немного. Наконецъ онъ добрался, въ чемъ было дѣло, и ужъ не затруднялся ни сколько. Даже изъ двухъ, трехъ словъ смекалъ впередъ,

кто чѣмъ хотѣлъ изобразить себя. Кто хотѣлъ Марса, онъ въ лицо совалъ Марса; кто мѣтилъ въ Байрона, онъ давалъ ему байроновское положенье и поворотъ. Кориной ли, Уидиной, Аспазіей ли желали быть дамы, онъ съ большой охотой соглашался на все и прибавлялъ отъ себя уже всякому вдоволь благообразія, которое, какъ извѣстно, нигдѣ не подгадить и за что простить иногда художнику и самое несходство. Скоро онъ уже самъ началъ дивиться чудной быстротѣ и бойкости своей кисти. А писавшіеся, само-собою разумѣется, были въ восторгъ и провозглашали его гениемъ.

Чартковъ сдѣлался моднымъ живописцемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Сталъ ѣздить на обѣды, сопровождать дамъ въ галлерей и даже на гулянья, щегольски одѣваться и утверждать гласно, что художникъ долженъ принадлежать къ обществу, что нужно поддержать его званіе, что художники одѣваются какъ сапожники, не умѣютъ прилично вести себя, не соблюдаютъ высшаго тона и лишены всякой образованности. Дома у себя, въ мастерской, онъ завелъ опрятность и чистоту въ высшей степени, опредѣлилъ двухъ великолѣпныхъ лакеевъ, завелъ щегольскихъ учениковъ,

переодѣвался нѣсколько разъ въ день въ разные утренніе костюмы, завивался, занялся улучшеніемъ разныхъ манеръ, съ которыми принимать посѣтителей, занялся украшеніемъ всеми возможными средствами своей наружности, чтобы произвести ея пріятное впечатлѣніе на дамъ; однимъ словомъ, скоро нельзя было въ немъ вовсе узнать того скромнаго художника, который работалъ когда-то незамѣтно въ своей лачужкѣ на Васильевскомъ островѣ. О художникахъ и объ искусствѣ онъ изъяснялся теперь рѣзко: утверждалъ, что прежнимъ художникамъ уже черезчуръ много приписано достоинства, что все они до Рафаэля писали не фигуры, а селетки; что существуетъ только въ воображеніи разсматривателей мысль, будто бы видно въ нихъ присутствіе какой-то святости; что самъ Рафаэль даже писалъ не все хорошо, и за многими произведеніями его удержалась только по преданію слава; что Микель-Анжелъ хвастунъ, потому что хотѣлъ только похвастать знаніемъ анатоміи, что граціозности въ немъ нѣтъ никакой, и что настоящій блескъ, силу кисти и колоритъ нужно искать только теперь, въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Тутъ натурально невольнымъ образомъ доходило

дѣло и до себя. «Пѣтъ, я не понимаю» говорилъ онъ: «напряженія другихъ сидѣть и корпѣть съ трудомъ: человекъ, который копается по-нѣскольку мѣсяцевъ надъ картиною, по мнѣ труженикъ, а не художникъ; я не повѣрю, чтобы въ немъ былъ талантъ; гений творить смѣло, быстро. — Вотъ у меня» говорилъ онъ, обращаясь обыкновенно къ почитателямъ: «этотъ портретъ я написалъ въ два дня, эту головку въ одинъ день, это въ нѣсколько часовъ, это въ часъ съ небольшимъ. Пѣтъ, я.... я, признаюсь, не признаю художествомъ того, что льбится строчка за строчкой; это ужь ремесло, а не художество». Такъ рассказывалъ онъ своимъ почитателямъ, и почитатели дивились силѣ и бойкости его кисти, издавали даже восклицанія, услышавъ, какъ быстро они производились, и потомъ пересказывали другъ другу: «Это талантъ, истинный талантъ! посмотрите, какъ онъ говорить, какъ блестятъ его глаза! Il y a quelque chose d'extraordinaire dans toute sa figure!»

Художнику было лестно слышать о себѣ такіе слухи. Когда въ журналахъ появлялась печатная хвала ему, онъ радовался, какъ ребенокъ, хотя эта хвала была куплена имъ за свои же

деньги. Онъ разносилъ такой печатный листъ вездѣ и будто бы непарочно показывалъ его знакомымъ и пріятелямъ, и это его тѣшило до самой простодушной наивности. Слава его росла, работы и заказы увеличивались. Уже стали ему надобъдать одни и тѣ же портреты и лица, которыхъ положеніе и обороты сдѣлались ему заученными. Уже безъ большой охоты онъ писалъ ихъ, стараясь набросить только кое-какъ одну голову, а остальное давалъ доканчивать ученикамъ. Прежде онъ все-таки искалъ дать какое-нибудь новое положеніе, поразить силою, эффектомъ. Теперь и это становилось ему скучно. Умъ уставалъ придумывать и обдумывать. Это было ему не-въ-мочь, да и некогда: разсыпанная жизнь и общество, гдѣ онъ старался сыграть роль свѣтскаго человѣка, все это уносило его далеко отъ труда и мыслей. Кисть его хладѣла и тупѣла, и онъ нечувствительно заключился въ однообразныя, опредѣленныя, давно изношенныя формы. Однообразныя, холодныя, вѣчно-прибранныя и, такъ-сказать, застегнутыя лица чиновниковъ, военныхъ и штатскихъ, не много представляли поля для кисти: она позабыла и великолѣпныя драпировки и сильныя движенія и страсти. О

группахъ, о художественной драмѣ, о высокой ея завязкѣ нечего было и говорить. Предъ нимъ были только мундиръ, да корсетъ, да фракъ, предъ которыми чувствуетъ холодъ художникъ и падаетъ всякое воображеніе. Даже достоинства самыхъ обыкновенныхъ уже не было видно въ его произведеніяхъ, а между-тѣмъ они все еще пользовались славою, хотя истинные знатоки и художники только пожимали плечами, глядя на послѣднія его работы. А нѣкоторые, знавшіе Чарткова прежде, не могли понять, какъ' могъ исчезнуть въ немъ талантъ, котораго признаки оказались уже ярко въ немъ при самомъ началѣ, и напрасно старались разгадать, какимъ образомъ можетъ угаснуть дарованье въ человѣкѣ, тогда-какъ онъ только-что достигнулъ еще полного развитія всѣхъ силъ своихъ.

Но этихъ толковъ не слышалъ упоенный художникъ. Уже онъ начиналъ достигать поры степенности ума и лѣтъ: сталъ толстѣть и видимо раздаваться въ ширину. Уже въ газетахъ и журналахъ читалъ онъ прилагательныя: «почтенный нашъ Андрей Петровичъ, заслуженный нашъ Андрей Петровичъ». Уже стали ему предлагать по службѣ почетныя мѣста, приглашать

на экзамены, въ комитеты. Уже онъ начиналъ, какъ всегда случается въ почетныя лѣта, брать сильно сторону Рафаэля и старинныхъ художниковъ, не потому, что убѣдился вполне въ ихъ высокомъ достоинствѣ, но затѣмъ, чтобы колоть ими глаза молодыхъ художниковъ. Уже онъ начиналъ, по обычаю всѣхъ, вступающихъ въ такія лѣта, укорять безъ изъятія всю молодежь въ безправственности и дурномъ направленіи духа. Уже начиналъ онъ вѣрить, что все на свѣтѣ дѣлается просто, вдохновенія свыше нѣтъ, и все необходимо должно быть подвергнуто подъ одинъ строгій порядокъ аккуратности и однообразья. Однимъ словомъ, жизнь его уже коснулася тѣхъ лѣтъ, когда все, дышащее порывомъ, сжимается въ челоуѣкъ, когда могущественный смычокъ слабѣе доходить до души и не обвивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновеніе красоты уже не превращаетъ дѣвственныхъ силъ въ огонь и пламя, но всѣ отгорѣвшія чувства становятся доступнѣе къ звуку золота, вслушиваются внимательнѣй въ его заманчивую музыку и мало-по-малу нечувствительно позволяютъ ей совершенно усыпить себя. Слава не можетъ дать наслажденія тому, кто укралъ

ее, а не заслужилъ; она производитъ постоянный трепетъ только въ достойномъ ея. И потому все чувства и порывы его обратились къ золоту. Золото сдѣлалось его страстью, идеаломъ, страхомъ, наслажденьемъ, цѣлью. Пуки ассигнацій росли въ сундукахъ, и какъ всякій, кому достается въ удѣлъ этотъ страшный даръ, онъ началъ становиться скучнымъ, недоступнымъ ко всему, кромѣ золота, безириничнымъ скрягой, безпутнымъ собирателемъ, и уже готовъ былъ обратиться въ одно изъ тѣхъ странныхъ существъ, которыхъ много попадается въ нашемъ безчувственномъ свѣтѣ, на которыхъ съ ужасомъ глядитъ исполненный жизни и сердца человекъ, которому кажутся они движущимися каменными гробами, съ мертвецомъ внутри, вмѣсто сердца. Но одно событіе сильно потрясло и разбудило весь его жизненный составъ.

Въ одинъ день увидѣлъ онъ на столѣ своемъ записку, въ которой академія художествъ просила его, какъ достойнаго ея члена, пріѣхать дать сужденіе свое о новомъ, присланномъ изъ Италіи произведеніи усовершенствовавшагося тамъ русскаго художника. Этотъ художникъ былъ одинъ изъ прежнихъ его товарищей, ко-

торый отъ раннихъ лѣтъ носилъ въ себѣ страсть къ искусству, съ пламенной душой труженника погрузился въ него всей душою своею, оторвался отъ друзей, отъ родныхъ, отъ милыхъ привычекъ, и помчался туда, гдѣ въ виду прекрасныхъ небесъ, свѣтъ величавый разсадинокъ искусствъ, въ тотъ чудный Римъ, при имени котораго такъ полно и сильно бьется пламенное сердце художника. Тамъ, какъ отшельникъ, погрузился онъ въ трудъ и въ неразвлекаемыя ничѣмъ занятія. Ему не было до того дѣла, толковали ли о его характерѣ, о его неумѣнн обращаться съ людьми, о несоблюденнн свѣтскихъ приличій, объ униженнн, которое онъ причинялъ званію художника своимъ скуднымъ, нещегоольскимъ нарядомъ. Ему не было нужды, сердилась ли или нѣтъ на него его братья. Всѣмъ пренебрегалъ онъ, все отдавалъ искусству. Неутомимо посѣщалъ галлерей, по цѣлымъ часамъ заставался передъ произведеніями великихъ мастеровъ, ловя и преслѣдуя чудную кисть. Ничего онъ не оканчивалъ безъ того, чтобы не повѣрить себя нѣсколько разъ съ сими великими учителями и чтобы не прочесть въ ихъ созданьяхъ безмолвнаго и краснорѣчиваго себѣ совѣта. Онъ не вхо-

■

дилъ въ шумныя бесѣды и споры; онъ не стоялъ ни за пуристовъ, ни противъ пуристовъ. Онъ равно всему отдавалъ должную ему часть, извлекая изъ всего только то, что было въ немъ прекрасно, и наконецъ оставилъ себѣ въ учителѣ одного божественнаго Рафаэля. Подобно какъ великій поэтъ-художникъ, перечитавшій много всякихъ твореній, исполненныхъ многихъ прелестей и величавыхъ красотъ, оставлялъ наконецъ себѣ настольною книгой одну только *Иліаду* Гомера, открывъ, что въ ней все есть, чего хочешь, и нѣтъ ничего, что бы не отразилось уже здѣсь въ такомъ глубокомъ и великомъ совершенствѣ. И зато вынесъ онъ изъ своей школы величавую идею созданья, могучую красоту мысли, высокую прелесть небесной кисти.

Вошедши въ залу, Чартковъ нашелъ уже цѣлую огромную толпу посетителей, собравшихся передъ картиною. Глубочайшее безмолвіе, какое рѣдко бываетъ между многочисленными цѣнителями, на этотъ разъ царствовало всюду. Онъ поспѣшилъ принять значительную фізіономію знатока и приблизился къ картинѣ; но, Боже! что онъ увидѣлъ?

Чистое, непорочное, прекрасное, какъ цвѣста,

стояло предъ нимъ произведеніе художника. Скромно, божественно, невинно и просто, какъ геній, вознеслось оно надъ всѣмъ. Казалось, небесныя фигуры, изумленные столькими устремленными на нихъ взорами, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы. Съ чувствомъ невольнаго изумленія созерцали знатоки новую, невиданную кисть. Все тутъ, казалось, соединилось вмѣстѣ: изученіе Рафаэля, отраженное въ высокомъ благородствѣ положеній, изученіе Корреджіа, дышавшее въ окончательномъ совершенствѣ кисти. Но властительный всего видна была сила созданья, уже заключенная въ душѣ самого художника. Последний предметъ въ картинѣ былъ имъ проникнутъ; во всемъ постигнутъ законъ и внутренняя сила; вездѣ уловлена была эта плывущая округлость линий, заключенная въ природѣ, которую видитъ только одинъ глазъ художника-создателя и которая выходитъ углами у кописта. Видно было, какъ все, извлеченное изъ вѣшняго міра, художникъ заключилъ сперва себѣ въ душу и уже оттуда, изъ душевнаго родника, устремилъ его одной согласной, торжественной пѣснью. И стало ясно даже непосвященнымъ, какая неизмѣримая пропасть существуетъ между

созданьемъ и простой копіей съ природы. Почти невозможно было выразить той необыкновенной тишины, которою невольно были объаты всѣ, вперившіе глаза на картину — ни шеста, ни звука; а картина между-тѣмъ ежеминутно казалась выше и выше; свѣтлѣй и чудеснѣй отдѣлялась отъ всего и вся превратилась наконецъ въ одинъ мигъ, плодъ чаletввшей съ небесъ на художника мысли, мигъ, къ которому вся жизнь человѣческая есть одно только приготовленіе. Невольныя слезы готовы были покатиться по лицамъ посѣтителей, окружившихъ картину. Казалось, всѣ вкусы, всѣ дерзкія, неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію. Неподвижно, съ отверзтымъ ртомъ стоялъ Чартковъ передъ картиною, и наконецъ, когда мало-по-малу посѣтели и знатоки зашумѣли и начали разсуждать о достоинствѣ произведенія, и когда наконецъ обратились къ нему съ просьбою объявить свои мысли, онъ пришелъ въ себя; хотѣлъ принять равнодушный, обыкновенный видъ, хотѣлъ сказать обыкновенное, пошлое сужденіе зачерствѣлыхъ художниковъ, въ родѣ слѣдующаго: «Да, конечно, правда, нельзя от-

нять таланта отъ художника; есть кое-что; видно, что хотѣлъ онъ выразить что-то; однако же, что касается до главнаго....» И вслѣдъ за этимъ прибавить, разумеется, такія похвалы, отъ которыхъ бы не поздоровилось никакому художнику; хотѣлъ это сдѣлать, но рѣчь умерла на устахъ его, слезы и рыданія нестройно вырвались въ отвѣтъ, и онъ, какъ безумный, выбѣжалъ изъ залы.

Съ минуту неподвижный и безчувственный стоялъ онъ посреди своей великолѣпной мастерской. Весь составъ, вся жизнь его была разбужена въ одно мгновеніе, какъ-будто молодость возвратилась къ нему, какъ-будто потухшія искры таланта вспыхнули снова. Съ очей его вдругъ слетѣла повязка. Боже! и погубить такъ безжалостно лучшіе годы своей юности; истребить, погасить искру огня, можетъ-быть, теплившагося въ груди, можетъ-быть, развившагося бы теперь въ величіи и красотѣ, можетъ-быть, такъ же исторгнувшаго бы слезы изумленія и благодарности! И погубить все это, погубить безъ всякой жалости! Казалось, какъ-будто въ эту минуту разомъ и вдругъ ожили въ душѣ его тѣ напряженія и порывы, которые некогда бы-

ли ему знакомы. Онъ схватилъ кисть и приблизился къ холсту. Потъ усилія проступилъ на его лицѣ; весь обратился онъ въ одно желаніе и загорѣлся одною мыслию: ему хотѣлось изобразить отпаднаго ангела. Эта идея была болѣе всего согласна съ состояніемъ его души. Но увы! фигуры его, позы, группы, мысли ложились принужденно и несвязно. Кисть его и воображеніе слишкомъ уже заключились въ одну мѣрку, и безсильный порывъ преступить границы и оковы, имъ-самимъ на себя наброшенные, уже отзывался неправильностію и ошибкою. Онъ пренебрегъ утомительную, длинную лѣстницу постепенныхъ свѣдѣній и первыхъ основныхъ законовъ будущаго великаго. Досада его проникла. Онъ велѣлъ вынести прочь изъ своей мастерской всѣ послѣднія произведенія, всѣ безжизненныя модныя картинки, всѣ портреты гусаровъ, дамъ и статскихъ совѣтниковъ. Заперся одинъ въ своей комнатѣ, не велѣлъ никого впускать и весь погрузился въ работу. Какъ терпѣливый юноша, какъ ученикъ, сидѣлъ онъ за своимъ трудомъ. Но какъ безпошадно-неблагодарно было все, что выходило изъ-подъ его кисти! На каждомъ шагу онъ былъ

останавливаемъ незнаніемъ самыхъ первоначальныхъ стихій; простой, незначащій механизмъ охлаждалъ весь порывъ и стоялъ непревскачаннымъ порогомъ для воображенія. Кисть невольно обращалась къ затверженнымъ формамъ, руки складывались на одинъ заученный манеръ, голова не смѣла сдѣлать необыкновеннаго поворота, даже самыя складки платья отзывались вытверженнымъ и не хотѣли повиноваться и драпироваться на незнакомомъ положеніи тѣла. И онъ чувствовалъ, онъ чувствовалъ и видѣлъ это самъ!

«Но точно ли былъ у меня талантъ? сказалъ онъ наконецъ: не обманулся ли я?» И произнесши эти слова, онъ подошелъ къ прежнимъ своимъ произведеніямъ, которыя работали когда-то такъ чисто, такъ безкорыстно, тамъ, въ бѣдной лачужкѣ, на уединенномъ Васильевскомъ островѣ, вдали людей, изобилія и всякихъ прихотей. Онъ подошелъ теперь къ нимъ и сталъ внимательно разсматривать ихъ все, и вмѣстѣ съ ними стала представать въ его памяти вся прежняя бѣдная жизнь его. «Да» проговорилъ онъ отчаянно: «у меня былъ талантъ. Вездѣ, на всемъ видны его признаки и слѣды...»

Онъ остановился и вдругъ затрясся всѣмъ тѣломъ: глаза его встрѣтились съ неподвижно-вперившимися на него глазами. Это былъ тотъ необыкновенный портретъ, который онъ купилъ на Щукинѣмъ дворѣ. Все время онъ былъ закрытъ, загроможденъ другими картинами и вовсе вышелъ у него изъ мыслей. Теперь же какъ нарочно, когда были вынесены всѣ модные портреты и картины, наполнившія мастерскую, онъ выглянулъ наверхъ вмѣстѣ съ прежними произведеніями его молодости. Какъ вспомнилъ онъ всю странную его исторію, какъ вспомнилъ, что нѣкоторымъ образомъ онъ, этотъ странный портретъ, былъ причиной его превращенія, что денежный кладъ, полученный имъ такимъ чудеснымъ образомъ, родилъ въ немъ всѣ суетныя побужденія, погубившія его талантъ — почти бѣшенство готово было ворваться къ нему въ душу. Онъ въ ту же минуту велѣлъ вынести прочь ненавистный портретъ. Но душевное волненіе оттого не умиралось: всѣ чувства и весь составъ были потрясены до дна, и онъ узналъ ту ужасную муку, которая, какъ поразительное исключеніе, является иногда въ природѣ, когда талантъ слабый сплится выказаться

въ превышающемъ его размѣрѣ и не можетъ выказаться, ту муку, которая въ юности раждаетъ великое, но въ перешедшемъ за грань мечтаній обращается въ безплодную жажду, ту страшную муку, которая дѣлаетъ человека способнымъ на ужасныя злодѣянія. Имъ овладѣла ужасная зависть, зависть до бѣшенства. Жолчь проступала у него на лицѣ, когда онъ видѣлъ произведеніе, носившее печать таланта. Онъ скрежеталъ зубами и пожиралъ его взоромъ василиска. Въ душѣ его возродилось самое адское намѣреніе, какое когда-либо питалъ человекъ, и съ бѣшеною силою бросился онъ приводить его въ исполненіе. Онъ началъ скупать все лучшее, что только производило художество. Купивши картину дорогою цѣною, осторожно приносилъ въ свою комнату и съ бѣшенствомъ тигра на нее кидался, рвалъ, разрывалъ ее, изрѣзывалъ въ куски и топталъ ногами, сопровождая смѣхомъ наслажденія. Безчисленные собранныя имъ богатства доставляли ему всѣ средства удовлетворять этому адскому желанію. Онъ развязалъ всѣ свои золотые мѣшки и раскрылъ сундуки. Никогда ни одно чудовище невѣжества не истребило столько прекрасныхъ произведе-

ній, сколько истребилъ этотъ свирѣпый мети-
тель. На всѣхъ аукціонахъ, куда только пока-
зывался онъ, всякій заранѣе отчаявался въ приоб-
рѣтеніи художественнаго созданія. Казалось,
какъ-будто разгнѣванное небо нарочно послало
въ міръ этотъ ужасный бичъ, желая отнять у
него всю его гармонію. Эта ужасная страсть на-
бросила какой-то страшный колоритъ на него:
вѣчная жолчь присутствовала на лицѣ его. Ху-
ла на міръ и отрицаніе изображалось само-со-
бой въ чертахъ его. Казалось, въ немъ олице-
творился тотъ страшный демонъ, котораго идеаль-
но изобразилъ Пушкинъ. Кромѣ ядовитаго сло-
ва и вѣчнаго порицанья, ничего не произносили
его уста. Подобно какой-то гарпін, попадался
онъ на улицѣ, и всѣ, даже знакомые, завидя
его издали, старались увернуться и избѣгнуть
такой встрѣчи, говоря, что она достаточна от-
равить потомъ весь день.

Къ счастью міра и искусствъ, такая напряжен-
ная и насильственная жизнь не могла долго про-
должаться: размѣръ страстей былъ слишкомъ
неправилень и колоссалень для слабыхъ силъ
ея. Припадки бѣшенства и безумія начали ока-
зываться чаще и наконецъ все это обратилось

въ самую ужасную болѣзнь. Жестокая горячка, соединенная съ самою быстрою чахоткою, овладѣли имъ такъ свирѣпо, что въ три дня оставалась отъ него одна тѣнь только. Къ этому присоединились все признаки безнадежнаго сумасшествія. Иногда нѣсколько человекъ не могли удержать его. Ему начали чудиться давно забытые, живые глаза необыкновеннаго портрета, — и тогда бѣшенство его было ужасно. Все люди, окружавшіе его постель, казались ему ужасными портретами. Портретъ двоился, четверился въ его глазахъ; все стѣны казались увѣшаны портретами, вперившими въ него свои неподвижные, живые глаза; страшные портреты глядѣли съ потолка, съ полу; комната расширялась и продолжалась бесконечно, чтобы болѣе вмѣстить этихъ неподвижныхъ глазъ. Докторъ, принявшій на себя обязанность его лечить и уже нѣсколько наслышавшійся о странной его исторіи, старался всеми силами отыскать таинное отношеніе между грезившимися ему привидѣніями и происшествіями его жизни, но ничего не могъ уснуть. Больной ничего не понималъ и не чувствовалъ, кромѣ своихъ терзаній, и издавалъ одни ужасные вопли и непонятныя рѣчи. На-

конецъ жизнь его прервалась въ послѣднемъ, уже безгласномъ порывѣ страданія. Трупъ его былъ страшенъ. Ничего тоже не могли найти отъ огромныхъ его богатствъ; но, увидѣвши изрѣзанные куски тѣхъ высокихъ произведеній искусства, которыхъ цѣна превышала милліоны, поняли ужасное ихъ употребленіе.

ЧАСТЬ II.

Множество каретъ, дрожекъ и колясокъ стояло передъ подъѣздомъ дома, въ которомъ производилась аукціонная продажа вещей одного изъ тѣхъ богатыхъ любителей искусствъ, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные въ зефиры и амурь, невинно прослыди меценатами и простодушно издержали для этого милліоны, накопленные ихъ основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами. Такихъ меценатовъ, какъ извѣстно, теперь уже нѣтъ, и нашъ XIX-й вѣкъ давно уже пріобрѣлъ скучную физіономію банкира, наслаждающагося своими милліонами только въ-видѣ цыфръ, выставляемыхъ на бумагѣ.

Длинная зала была наполнена самою пестрою толпой посѣтителей, налѣтѣвшихъ, какъ хищныя птицы на неприбранное тѣло. Тутъ была цѣлая флотилія русскихъ купцовъ изъ гостинного двора и даже толкучаго рынка въ синихъ нѣмецкихъ сюртукахъ. Видъ ихъ и выраженіе лицъ были здѣсь какъ-то тверже, волюще и не означались той приторной услужливостію, которая такъ видна въ русскомъ купцѣ, когда онъ у себя въ лавкѣ передъ покупщикомъ. Тутъ они вовсе не чинились, несмотря на то, что въ этой же залѣ находилось множество тѣхъ аристократовъ, передъ которыми они въ другомъ мѣстѣ готовы были своими поклонами снести пыль, нанесенную своими же сапогами. Здѣсь они были совершенно развязаны, шутили безъ церемоній книги и картины, желая узнать доброту товара, и смѣло перебивали цѣну, набавляемую графами-знатоками. Здѣсь были многіе необходимые посѣтели аукціоновъ, постановившіе каждый день бывать на немъ вмѣсто завтрака; аристократы-знатоки, почитавшіе обязанностью не упустить случая умножить свою коллекцію и не находившіе другаго занятія отъ 12 до 1 часа; наконецъ тѣ благородные господа, которыхъ

платья и карманы очень худы, которые являются ежедневно безъ всякой корыстолюбивой цѣли, но единственно, чтобы посмотреть, чѣмъ что кончится, кто будетъ давать больше, кто меньше, кто кого перебьетъ и за кѣмъ что останется. Множество картинъ было разбросано совершенно безъ всякаго толку; съ ними были перемѣшаны и мебели и книги съ вензелями прежняго владѣтеля, можетъ-быть, не имѣвшаго вовсе похвальнаго любопытства въ нихъ заглядывать. Китайскія вазы, мраморныя доски для столовъ, новыя и старыя мебели съ выгнутыми линіями, съ грифами, сфинксами и львиными лапами, вызолоченныя и безъ позолоты, люстры, кенкеты, — все было навалено и вовсе не въ такомъ порядкѣ, какъ въ магазинахъ. Все представляло какой-то хаосъ искусствъ. Вообще ощущаемое нами чувство при видѣ аукціона страшно: въ немъ все отзывается чѣмъ-то похожимъ на погребальную процессію. Залъ, въ которомъ онъ производится, всегда както мраченъ; окна, загроможденные мебелью и картинами, скупо изливаютъ свѣтъ, безмолвіе, разлитое на лицахъ, и погребальный голосъ аукціониста, постукивающего молоткомъ и отпѣваю-

щаго панихиду бѣднымъ, такъ странно встрѣтившимся здѣсь, искусствамъ. Все это, кажется, усиливаетъ еще болѣе странную непріятность впечатлѣнья.

Аукціонъ, казалось, былъ въ самомъ разгарѣ. Цѣлая толпа порядочныхъ людей, сдвинувшись вмѣстѣ, хлопотала о чемъ-то наперерывъ. Со всѣхъ сторонъ раздававшіяся слова: «рубль, рубль» не давали времени аукціонисту повторять надбавляемую цѣну, которая уже возрасла вчетверо болѣе объявленной. Обступившая толпа хлопотала изъ-за портрета, который не могъ не остановить всѣхъ, имѣвшихъ сколько-нибудь понятія въ живописи. Высокая кисть художника выказывалась въ немъ очевидно. Портретъ повидимому уже нѣсколько разъ былъ ресторированъ и поновленъ и представлялъ смуглыя черты какого-то азіятца въ широкомъ платьѣ, съ необыкновеннымъ, страннымъ выраженіемъ въ лицѣ, но болѣе всего обступившіе были поражены необыкновенной живостью глазъ. Чѣмъ болѣе всматривались въ нихъ, тѣмъ болѣе они, казалось, устремлялись каждому внутрь. Эта странность, этотъ необыкновенный фокусъ художника заняли вниманье почти всѣхъ. Много уже

изъ состязавшихся о немъ отступилось, потому-что цѣну набили неимоверную. Остались только два известные аристократа, любители живописи, не хотѣвшіе ни за что отказаться отъ такого пріобрѣтенія. Они горячились и набили бы вѣроятно цѣну до невозможности, еслибы вдругъ одинъ изъ тутъ же разсматривавшихъ не произнесъ: «позвольте мнѣ прекратить на время вашъ споръ: я, можетъ-быть, болѣе, нежели всякій другой, имѣю право на этотъ портретъ». Слова эти въ-мигъ обратили на него вниманіе всѣхъ. Это былъ стройный человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, съ длинными черными кудрями. Пріятное лицо, исполненное какой-то свѣтлой беззаботности, показывало душу, чуждую всѣхъ томящихъ свѣтскихъ потрясеній; въ нарядъ его не было никакихъ притязаній на моду: все показывало въ немъ артиста. Это былъ точно художникъ Б., знаемый лично многими изъ присутствовавшихъ. «Какъ ни странны вамъ покажутся слова мои, продолжалъ онъ, видя устремившееся на себя всеобщее вниманіе, но если вы рѣшитесь выслушать небольшую исторію, можетъ-быть, вы увидите, что я былъ вправѣ произнести ихъ. Все меня увѣряетъ, что

портретъ есть тотъ самый, котораго я ищу». Весьма естественное любопытство загорѣлось почти на лицахъ всѣхъ, и самый аукціонистъ, разинувъ ротъ, остановился съ поднятымъ въ рукѣ молоткомъ, приготовляясь слушать. Въ началѣ разсказа многіе обращались невольно глазами къ портрету, но потомъ все вперились въ одного разскащика по мѣрѣ того, какъ разсказъ его становился занимательнѣй.

«Вамъ извѣстна та часть города, которую называютъ Коломною» (такъ онъ началъ): «тутъ все непохоже на другія части Петербурга; тутъ не столица и не провинція; кажется, слышишь, перейдя въ коломенскія улицы, какъ оставляютъ тебя всякія молодыя желанья и порывы. Сюда не заходитъ будущее, здѣсь все тишина и отставка, все, что ослѣо отъ столичнаго движенія. Сюда переезжаютъ на житье отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имѣющіе знакомство съ сенатомъ, и потому осудившіе себя здѣсь почти на всю жизнь; выслужившіяся кухарки, толкающіяся цѣлый день на рынкахъ, болтающія вздоръ съ мужикомъ въ мелочной лавочкѣ и забирающія каждый день на пять копеекъ кофе, да на четыре сахару, и наконецъ весь тотъ разрядъ лю-

дей, который можно назвать однимъ словомъ: пепельный, людей, которые съ своимъ платьемъ, лицомъ, волосами, глазами имѣютъ какую-то мутную, пепельную наружность, какъ день, когда нѣтъ на небѣ ни бури, ни солнца, а бываетъ просто ни сѣ, ни то: свется туманъ и отнимаетъ всякую рѣзкость у предметовъ. Сюда можно причислить отставныхъ театральныхъ канцеляристовъ, отставныхъ титулярныхъ совѣтниковъ, отставныхъ питомцевъ Марса съ выколотымъ глазомъ и раздутою губою. Эти люди вовсе безстрастны: идутъ, ни на что не обращая глазъ, молчатъ, ни о чемъ не думая. Въ комнатѣ ихъ не много добра; иногда просто штофъ чистой русской водки, которую они однообразно сосутъ весь день безъ всякаго сильнаго прилива къ головѣ, возбуждаемаго сильнымъ пріемомъ, какой обыкновенно любить задавать себѣ по воскреснымъ днямъ молодой нѣмецкій ремесленникъ, этотъ удалецъ Мѣщанской улицы, одинъ владѣющій всѣмъ тротуаромъ, когда время перешло за двѣнадцать часовъ ночи.

Жизнь въ Коломиѣ страхъ уединенна: рѣдко покажется карета, кромѣ развѣ той, въ которой ѣздятъ актеры, которая громомъ, звономъ и бря-

каньемъ своимъ одна смущаетъ всеобщую тишину. Тутъ всѣ пешеходы, извозникъ весьма часто безъ сѣдока плетется, таща сѣно для бородатой лошадепки своей. Квартирu можно сыскать за пять рублей въ мѣсяцъ даже съ кофеемъ поутру. Вдовы, получающія пенсію, тутъ самыя аристократическія фамиліи; онѣ ведутъ себя хорошо, метутъ часто свою комнату, толкуютъ съ пріятельницами о дороговизнѣ говядины и капусты; при нихъ часто бываетъ молоденькая дочь, молчаливое, безгласное, иногда миловидное существо, гадкая собачонка и стѣнные часы съ печально-постукивающимъ маятникомъ. Потомъ слѣдуютъ актеры, которымъ жалованье не позволяетъ выѣхать изъ Коломны, народъ свободный, какъ всѣ артисты, живущіе для наслажденія. Они, сидя въ халатахъ, чинятъ пистолетъ, клеятъ изъ кортона всякія вещицы, полезныя для дома, играютъ съ пришедшимъ пріелемъ въ шашки и карты, и такъ проводятъ утро, дѣлая почти то же ввечеру, съ присоединеніемъ кое-когда пунша. Послѣ этихъ тузовъ и аристократства Коломны слѣдуетъ необыкновенная дробь и мелочь. Ихъ такъ же трудно поименовать, какъ исчислить то множество

насъкомыхъ, которое зараждается въ старомъ уку-
сусъ. Тутъ есть старухи, которыя пьлнствуютъ,
старухи, которыя перебиваются непостижимыми
средствами, какъ муравьи таскаютъ съ собою
старое тряпье и бѣлье отъ Калинкина моста до
толкучаго рынка, съ тѣмъ, чтобы продать его
тамъ за пятнадцать копеекъ; словомъ, чисто самый
несчастный осадокъ чловѣчества, которому бы
ни одинъ благотѣльный политическій экономъ
не нашелъ средствъ улучшить состояніе. И для
того привелъ ихъ, чтобы показать вамъ, какъ
часто этотъ народъ находится въ необходимости
искать одной только внезапной, временной по-
мощи, прибѣгать къ займамъ, и тогда поселяют-
ся между ними особаго рода ростовщики, снаб-
жающіе небольшими суммами подъ заклады и
за большіе проценты. Эти небольшіе ростовщи-
ки бывають въ нѣсколько разъ безчувственнѣй
всякихъ большихъ, потому-что возникаютъ сре-
дѣ бѣдности и ярко выказываемыхъ нищенскихъ
лохмотьевъ, которыхъ не видѣтъ богатый ро-
стовщикъ, имѣющій дѣло только съ прѣзжаю-
щими въ каретахъ. И потому уже слишкомъ ра-
но умираетъ въ душахъ ихъ всякое чувство че-
ловѣчества. Между такими ростовщиками былъ

одинъ.... но не мѣшаетъ вамъ сказать, что происшествіе, о которомъ я принялся разсказать, относится къ прошедшему вѣку, именно къ царствованію покойной Государыни Екатерины Второй. Вы можете сами понять, что самый видъ Коломны и жизнь внутри ея должны были значительно измѣниться. Итакъ, между ростовщиками былъ одинъ — существо во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенное, поселившееся уже давно въ этой части города. Онъ ходилъ въ широкомъ азіатскомъ нарядѣ; темная краска лица указывала на южное его происхожденіе; но какой именно былъ онъ націи, индеецъ, грекъ, персіанецъ, — объ этомъ никто не могъ сказать навѣрно. Высокій, почти необыкновенный ростъ, смуглое, тонкое, запыленное лицо и какой-то непостижимо-страшный цвѣтъ его, большіе, необыкновеннаго огня глаза, нависнувшія густыя брови отличали его сильно и рѣзко отъ всѣхъ пепельныхъ жителей столицы. Самое жилище его не похоже было на прочіе маленькіе деревянные домики. Это было каменное строеніе въ родѣ тѣхъ, которыхъ когда-то построили вдоволь генуэзскіе купцы, съ неправильными, неравной величины окнами, съ желѣзными ставнями и засовами.

Этот ростовщикъ отличался отъ другихъ ростовщиковъ уже тѣмъ, что могъ снабдить какою угодно суммою всѣхъ, начиная отъ нищей старухи до расточительнаго придворнаго вельможи. Предъ домомъ его показывались часто самые блестящіе экипажи, изъ оконъ которыхъ иногда глядѣла голова роскошной свѣтской дамы. Молва по обыкновенію разнесла, что желѣзные сундуки его полны безъ счету денегъ, драгоценностей, брилліантовъ и всякихъ залоговъ, но что однако же онъ вовсе не имѣлъ той корысти, какая свойственна другимъ ростовщикамъ. Онъ давалъ деньги охотно, распределяя, казалось, весьма выгодно сроки платежей; но какими-то странными арифметическими выкладками заставлялъ ихъ восходить до непомерныхъ процентовъ. Такъ по-крайней-мѣрѣ говорила молва. Но что страннѣе всего и что не могло не поразить многихъ — это была странная судьба всѣхъ тѣхъ, которые получали отъ него деньги: всѣ они оканчивали жизнь несчастнымъ образомъ. Было ли это просто людское мнѣніе, нелѣпыя суевѣрные толки, или съ умысломъ распускаемые слухи — это осталось неизвѣстно. Но нѣсколько примѣровъ, случившихся въ непродолжительное время

предъ глазами всѣхъ, были живы и разительны. Изъ среды тогдашняго аристократства скоро обратилъ на себя глаза юноша лучшей фамиліи, отличившійся уже въ молодыхъ лѣтахъ на государственномъ поприщѣ, жаркій почитатель всего истиннаго, возвышеннаго, ревнитель всего, что породило искусство и умъ чловѣка, пророчившій въ себѣ мецената. Скоро онъ былъ достойно отличенъ самой Государыней, ввѣрившей ему значительное мѣсто, совершенно согласное съ собственными его требованіями, мѣсто, гдѣ онъ могъ много произвести для наукъ и вообще для добра. Молодой вельможка окружилъ себя художниками, поэтами, учеными. Ему хотѣлось всему дать работу, все поощрить. Онъ предпринялъ на собственный счетъ множество полезныхъ изданій, надавалъ множество заказовъ, объявилъ поощрительные призы, издержалъ на это кучи денегъ и наконецъ разстроился. Но, полный великодушнаго движенія, онъ не хотѣлъ отстать отъ своего дѣла, искалъ вездѣ занять и наконецъ обратился къ известному ростовщику. Сдѣлавши значительный заемъ у него, этотъ чловѣкъ въ непродолжительное время измѣнился совершенно: сталъ гонителемъ, преслѣдователемъ

развивающагося ума и таланта. Во всѣхъ сочиненіяхъ сталъ видѣть дурную сторону, толковалъ криво всякое слово. Тогда на-бѣду случилась французская революція. Это послужило ему вдругъ орудіемъ для всѣхъ возможныхъ подозрѣній. Онъ сталъ видѣть во всемъ какое-то революціонное направленіе, во всемъ ему чудились намеки. Онъ сдѣлался подозрительнымъ до такой степени, что началъ наконецъ подозрѣвать самого себя, сталъ сочинять ужасные, несправедливые доносы, надвѣлалъ тѣмъ несчастныхъ. Само-собою разумѣется, что такіе поступки не могли не достигнуть наконецъ престола. Великодушная Государыня ужаснулась и, полная благородства души, украшающаго вѣщеносцевъ, произнесла слова, которыя хотя не могли перейти къ намъ во всей точности, но глубокій смыслъ ихъ впечатлѣлся въ сердцахъ многихъ. Государыня замѣтила, что не подъ монархическимъ правленіемъ угнетаются высокія, благородныя движенія души, не тамъ презираются и преслѣдуются творенія ума, поэзіи и художества; что напротивъ одни монархи бывали ихъ покровителями; что Шекспиры, Мольеры процвѣтали подъ ихъ великодушной защитой, между-тѣмъ какъ Дантъ

не могъ найти угла въ своей республиканской родинѣ; что истинные гении возникаютъ во время блеска и могущества государей и государствъ, а не во время безобразныхъ политическихъ явленій и терроризмовъ республиканскихъ, которые досель не подарили міру ни одного поэта; что нужно отличать поэтовъ-художниковъ, ибо одни только миръ и прекрасную тишину производятъ они въ душу, а не волненье и ропоть; что ученые, поэты и все производители искусствъ суть перлы и брилліанты въ императорской коронѣ: ими красуется и получаетъ еще бѣльшій блескъ эпоха великаго государя. Словомъ Государыня, произнесшая эти слова, была въ эту минуту божественно-прекрасна. Я помню, что старикъ не могли объ этомъ говорить безъ слезъ. Въ дѣлѣ все приняли участіе. Къ чести нашей народной гордости надобно замѣтить, что въ русскомъ сердцѣ всегда обитаетъ прекрасное чувство взять сторону угнетеннаго. Обманувшій довѣренность вельможа былъ наказанъ примѣрно и отставленъ отъ мѣста. Но наказаніе гораздо ужаснѣйшее читалъ онъ на лицахъ своихъ соотечественниковъ: это было рѣшительное и всеобщее презрѣніе. Нельзя

разсказать, какъ страдала тщеславная душа; гордость, обманутое честолюбіе, разрушившіяся надежды, все соединилось вмѣстѣ, и въ припадкахъ страшнаго безумія и бѣшенства прервалась его жизнь. — Другой разительный примѣръ произошелъ тоже въ виду всѣхъ: изъ красавицъ, которыми не бѣдна была тогда наша сѣверная столица, одна одержала рѣшительное первенство надъ всѣми. Это было какое-то чудное сліяніе нашей сѣверной красоты съ красотой полудня, бриліантъ, какой попадается на свѣтъ рѣдко. Отецъ мой признавался, что никогда онъ не видывалъ во всю жизнь свою ничего подобнаго. Все, казалось, въ ней соединилось: богатство, умъ и душевная прелесть. Искателей была толпа, и въ числѣ ихъ замѣчательнѣе всѣхъ былъ князь Р., благороднѣйшій, лучшій изъ всѣхъ молодыхъ людей, прекраснѣйшій и лицомъ и рыцарскими, великодушными порывами, высокій идеалъ романовъ и женщинъ, Грандисонъ во всѣхъ отношеніяхъ. Князь Р. былъ влюбленъ страстно и безумно; такая же пламенная любовь была ему отвѣтомъ. Но родственникамъ показалась партія неровною. Родовыя вотчины князя уже давно ему не принадлежали; фамилія была

глія готова была заключить миръ, если только Наполеонъ согласится уступить ей колоніи, конхъ и безъ того не могъ онъ удержать, и когда наконецъ, Турція составила жертву политики Наполеоновой, какъ прежде неизмѣнны оставались императоръ Александръ и его политика. Пенадежный на союзъ, ни Англіи, готовою забыть выгоды союзниковъ для собственныхъ выгодъ, ни Австріи, уже не державшей поминать о войнѣ съ Наполеономъ, императоръ Александръ не унижалъ государственнаго достоинства Россіи ни однимъ уклончивымъ поступкомъ, ни однимъ словомъ передъ властителемъ Европы. Грозною тучею на краю небосклона, чреватою бурями и молніями, казалась безмолвная на сѣверѣ своемъ Россія. Занятіе Каттаро, усиленіе Русскаго флота на Адриатическомъ морѣ, Русскія войска на Дибетрѣ — все показывало, что чувство робости недоступно было Александру, и онъ, оставаясь въ прежнемъ убѣжденіи, что только война должна окончить дѣло съ Наполеономъ, не страшился войны. Забывая все прежніе поступки Пруссіи, и подтвердивъ увѣренія въ дружбѣ своей Герцогу Брауншвейгскому, въ бытность его въ Петербургѣ, Александръ постоянно убѣждалъ Пруссію въ необходимости оружіемъ положить предѣлъ властолюбію Наполеона. Тогда только, когда Пруссія, утвердивъ Парижскій трактатъ, продолжала свою нерѣшительность, Императоръ Австрійскій умолялъ очистить отъ Русскихъ войскъ Каттаро, и Англія начала переговоры о мирѣ, истощивъ все способы убѣж-

отравился дотоль благородный и прекрасный характеръ. Онъ сталъ тираномъ и мучителемъ жены своей, и, чего бы никто не могъ предвидѣть, прибѣгнулъ къ самымъ безчеловѣчнымъ поступкамъ, даже побоямъ. Въ одинъ годъ никто не могъ узнать той женщины, которая еще недавно блистала и влекла за собою толпы покорныхъ поклонниковъ. Наконецъ, не въ силахъ будучи выносить долѣе тяжелой судьбы своей, она первая заговорила о разводѣ. Мужъ принялъ въ бышенство при одной мысли о томъ. Въ первомъ движеніи неистовства ворвался онъ къ ней въ комнату съ ножомъ и безъ сомнѣнія закололъ бы ее тутъ же, еслибы его не схватили и не удержали. Въ порывѣ изступленія и отчаянія онъ обратилъ ножъ на себя — и въ ужаснѣйшихъ мукахъ окончилъ жизнь. Кромѣ этихъ двухъ примѣровъ, совершившихся въ глазахъ всего общества, рассказывали множество случившихся въ иныхъ классахъ, которые почти все имѣли ужасный конецъ. Тамъ честный, трезвый человекъ дѣлался пьяницей; тамъ купеческій прикащикъ обворовалъ своего хозяина; тамъ извозникъ, возившій нѣсколько лѣтъ честно, за грошъ зарѣзалъ свидка. Нельзя,

чтобы такія происшествія, рассказываемыя иногда не безъ прибавленій, не навели родъ какого-то невольнаго ужаса на скромныхъ обитателей Коломны. Никто не сомнѣвался о присутствіи нечистой силы въ этомъ человѣкѣ. Говорили, что онъ предлагалъ такія условія, отъ которыхъ дыбомъ поднимались волосы и которыхъ никогда потомъ не посмѣлъ несчастный передавать другому; что деньги его имѣютъ притягающее свойство, раскаляются сами-собою и носятъ какіе-то странные знаки.... словомъ, много было всякихъ нелѣпыхъ толковъ. И замѣчательно, что все это коломенское поселеніе, весь этотъ міръ бѣдныхъ старухъ, мелкихъ чиновниковъ, мелкихъ артистовъ и, словомъ, всей мелюзги, которую мы только поименовали, соглашались лучше терпѣть и выносить послѣднюю крайность, нежели обратиться къ страшному ростовщику; находили даже умершихъ отъ голода старухъ, которыя лучше соглашались умертвить свое тѣло, нежели погубить душу. Встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, невольно чувствовали страхъ. Выходя осторожно пятился и долго еще озирался послѣ того назадъ, слѣдя пропадавшую вдали его непомѣрно высокую фигуру. Въ од-

номъ уже образъ было столько необыкновеннаго, что всякаго заставило бы невольно приписать ему сверхъестественное существованіе. Эти сильныя черты, вѣзанныя такъ глубоко, какъ не случается у человѣка; этотъ горячій, бронзовый цвѣтъ лица; эта непомѣрная гущина бровей, невыносимые, страшные глаза, даже самыя широкія складки его азіятской одежды, — все казалось, какъ-будто говорило, что предъ страстями, двигавшимися въ этомъ тѣлѣ, были блѣдны всѣ страсти другихъ людей. Отецъ мой всякій разъ останавливался неподвижно, когда встрѣчалъ его, и всякій разъ не могъ удержаться, чтобы не произнести: дьяволъ, совершенный дьяволъ! Но надобно васъ поскорѣ познакомить съ моимъ отцомъ, который между-прочимъ есть настоящій сюжетъ этой исторіи. Отецъ мой былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Это былъ художникъ, какихъ мало, художникъ-самоучка, отыскавшій самъ въ душѣ своей, безъ учителей и школы, правила и законы, увлеченный только одною жаждою усовершенствованья и шедшій, по причинамъ, можетъ-быть, неизвѣстнымъ ему самому, одною только указанною изъ души дорогою; одно изъ тѣхъ самородныхъ чудъ,

которыхъ часто современники чествятъ обиднымъ словомъ «невѣжи» и которые не охлаждаются отъ охуленій и собственныхъ неудачъ, получаютъ только новыя рвенія и силы и уже далеко въ душѣ своей уходятъ отъ тѣхъ произведеній, за которыя получили титулъ невѣжъ. Высокимъ внутреннимъ инстинктомъ почуялъ онъ присутствіе мысли въ каждомъ предметѣ; постигнулъ самъ-собою истинное значеніе слова: историческая живопись; постигнулъ, почему простая головка, простой портретъ Рафаэля, Леонардо да Винчи, Тиціана, Корреджіо можно назвать историческою живописью, и почему огромная картина историческаго содержанія все-таки будетъ *tableau de genre*, несмотря на все притязанія художника на историческую живопись. И внутреннее чувство, и собственное убѣжденіе обратили кисть его къ христіанскимъ предметамъ, высшей и послѣдней ступени высокаго. У него не было честолюбія или раздражительности, столь неотлучной отъ характера многихъ художниковъ. Это былъ твердый характеръ, честный, прямой человѣкъ, даже грубый, покрытый снаружи нѣскольکو черствой корою, не безъ нѣкоторой гордости въ душѣ, отзывавшійся о лютомъ и.

дахъ вмѣстѣ и снисходительно и рѣзко. «Что на нихъ глядѣть» обыкновенно говорилъ онъ: «вѣдь я не для нихъ работаю. Не въ гостиную понесу я мои картины. Кто пойметъ меня, поблагодарить. Свѣтскаго человѣка нѣчего винить, что онъ не смыслитъ живописи; зато онъ смыслить въ картахъ, знаетъ толкъ въ хорошемъ винѣ, въ лошадахъ—зачѣмъ знать больше барину? Еще, пожалуй, какъ попробуетъ того, да другаго, да пойдетъ уминчать, тогда и житья отъ него не будетъ! Всякому свое, всякій пусть занимается своимъ. Но мнѣ ужъ лучше тотъ человѣкъ, который говоритъ прямо, что онъ не знаетъ толку, нежели тотъ, который лицемеритъ, говоритъ, будто бы знаетъ то, чего не знаетъ, и только гадить, да портить». Онъ работалъ за небольшую плату, то есть, за плату, которая была нужна ему только для поддержанья семейства и для доставленья возможности трудиться. Кромѣ того, онъ ни въ какомъ случаѣ не отказывался помочь другому и протянуть руку помощи бѣдному художнику; вѣровалъ просто, благочестивой вѣрою предковъ, и оттого, можетъ-быть, на изображенныхъ имъ лицахъ являлось само-собою то высокое выраженье, до

котораго не могли докопаться блестящіе таланты. Наконецъ постоянствомъ своего труда и неуклонностью начертаннаго себѣ пути онъ сталъ даже пріобрѣтать уваженіе со стороны тѣхъ, которые честили его невѣжей и доморощеннымъ самоучкой. Ему давали безпрестанно заказы въ церкви, — и работа у него не переводилась. Одна изъ работъ заняла его сильно. Не помню уже, въ чемъ именно состоялъ сюжетъ ея, знаю только то — на картинѣ нужно было помѣстить духа тьмы. Долго думалъ онъ надъ тѣмъ, какой дать ему оборотъ; ему хотѣлось осуществить въ лицѣ его все тяжелое, гнетущее человѣка. При такихъ размышленіяхъ иногда проносился въ головѣ его образъ таинственнаго ростовщика, и онъ думалъ невольно: «Вотъ бы съ кого мнѣ следовало написать дьявола!» Судите же объ его изумленіи, когда одинъ разъ, работая въ своей мастерской, услышалъ онъ стукъ въ дверь и вслѣдъ затѣмъ прямо вошелъ къ нему ужасный ростовщикъ. Онъ не могъ не почувствовать какой-то внутренней дрожи, которая пробѣжала невольно по его тѣлу.

«Ты художникъ?» сказалъ онъ безъ всякихъ церемоній моему отцу.

«Художникъ» сказалъ отецъ въ недоумѣньи, ожидая, что будетъ далѣе.

«Хорошо. Нарисуй съ меня портретъ. Я, можетъ-быть, скоро умру, дѣтей у меня нѣтъ; но я не хочу умереть совершенно, я хочу жить. Можешь ли ты нарисовать такой портретъ, чтобы былъ совершенно какъ живой?»

Отецъ мой подумалъ: «чего лучше? онъ самъ просится въ дѣволы ко мнѣ на картину». Далъ слово. Они уговорились во времени и цѣнѣ, и на другой же день, схвативши палитру и кисти, отецъ мой уже былъ у него. Высокій дворъ, собаки, желѣзныя двери и затворы, дугообразныя окна, сундуки, покрытые странными коврами и наконецъ самъ необыкновенный хозяинъ, сѣвшій неподвижно передъ нимъ—все это произвело на него странное впечатлѣнiе. Окна какъ нарочно были заставлены и загромождены снизу такъ, что давали свѣтъ только съ одной верхушки. «Чортъ побери, какъ теперь хорошо освѣтилось его лицо!» сказалъ онъ про-себя, и принялся жадно писать, какъ-бы опасаясь, чтобы какъ-нибудь не исчезло счастливое освѣщенiе. «Экая сила!» повторилъ онъ про-себя: «если я хотя вполовину изобразу его такъ, какъ онъ есть

теперь, онъ убьетъ всю мою прежнюю работу; онъ у меня, просто, выскочить изъ полотна, если только хоть немного буду вѣренъ натурѣ. Какія необыкновенныя черты!» повторялъ онъ безпрестанно, усугубляя рвеніе, и уже видѣлъ самъ, какъ стали переходить на полотно нѣкоторыя черты. Но чѣмъ болѣе онъ приближался къ нимъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ какое-то тягостное, тревожное чувство, непонятное себѣ-самому. Однако же, несмотря на то, онъ положилъ себѣ преслѣдовать съ буквальною точностью всякую незамѣтную черту и выраженіе. Прежде всего занялся онъ отдѣлкою глазъ. Въ этихъ глазахъ столько было силы, что, казалось, нельзя бы и помыслить передать ихъ точно, какъ были въ натурѣ. Однакоже, во что бы то ни стало, онъ рѣшился донскаться въ нихъ послѣдней мелкой черты и отбѣнка, постигнуть ихъ тайну... Но какъ-только началъ онъ входить и углубляться въ нихъ кистью, въ душѣ его возродилось такое странное отвращеніе, такая непонятная тягость, что онъ долженъ былъ на нѣсколько времени бросить кисть и потомъ приниматься вновь. Наконецъ уже не могъ онъ болѣе выносить: онъ чувствовалъ, что эти глаза

возникли ему въ душу и производили въ ней тревогу непостижимую. На другой, на третій день это было еще сильнѣе. Ему сдѣлалось страшно. Онъ бросилъ кисть и сказалъ наотрѣзъ, что не можетъ болѣе писать съ него. Надобно было видѣть, какъ измѣнился при этихъ словахъ страшный ростовщикъ. Онъ бросился къ нему въ ноги и молилъ кончить портретъ, говоря, что отъ этого зависить судьба его и существованіе въ мірѣ; что уже онъ тронулъ своею кистью его живыя черты; что если онъ не передастъ ихъ вѣрно, жизнь его сверхъестественною силою удержится въ портретѣ; что онъ чрезъ то не умретъ совершенно; что ему нужно присутствовать въ мірѣ. Отецъ мой почувствовалъ ужасъ отъ такихъ словъ: они ему показались до того странны и страшны, что онъ бросилъ и кисти, и палитру, и бросился опрометью вонъ изъ комнаты. Мысль о томъ тревожила его весь день и всю ночь; а поутру онъ получилъ отъ ростовщика портретъ, который принесла ему какая-то женщина, единственное существо, бывшее у него въ услугахъ, объявившая тутъ же, что хозяинъ не хочетъ портрета, не дастъ за него ничего и присылаетъ назадъ. Ввечеру въ

тотъ же день узналъ онъ, что ростовщикъ умеръ и что собираются уже хоронить его по обрядамъ его религіи. Все это казалось ему неизъяснимо-странно. А между-тѣмъ съ этого времени оказалась въ характеръ его ощутительная перемена: онъ чувствовалъ беспокойное, тревожное состояніе, которому самъ не могъ понять причины, и скоро сдѣлалъ онъ такой поступокъ, котораго бы никто не могъ отъ него ожидать: съ нѣкотораго времени труды одного изъ учениковъ его начали привлекать вниманіе небольшого круга знатоковъ и любителей. Отецъ мой всегда видѣлъ въ немъ талантъ и оказывалъ ему за то свое особенное расположеніе. Вдругъ почувствовалъ онъ къ нему зависть. Всеобщее участіе и толки о немъ сдѣлались ему невыносимы. Наконецъ, къ довершенію досады, узнать онъ, что ученику его предложили написать картину для вновь-отстроенной богатой церкви. Это его взорвало. «Нѣтъ, не дамъ же молокососу восторжествовать!» говорилъ онъ: «рано, братъ, вздумалъ стариковъ сажать въ грязь! Еще, слава Богу, есть у меня силы. Вотъ мы увидимъ, кто кого скорѣе посадить въ грязь». И прямодушный честный въ душѣ человѣкъ употребилъ интриги

и происки, которыми дотолъ всегда гнушался; добился наконецъ того, что на картину объявленъ былъ конкурсъ и другіе художники могли войти также съ своими работами. Послѣ чего заперся онъ въ свою комнату и съ жаромъ принялся за кисть. Казалось, всѣ свои силы, всего себя хотѣлъ онъ сюда собрать. И точно, это вышло одно изъ лучшихъ его произведеній. Никто не сомнѣвался, чтобы не за нимъ осталось первенство. Картины были представлены, и всѣ прочія показались предъ нею какъ ночь предъ днемъ. Какъ вдругъ одинъ изъ присутствовавшихъ членовъ, если не ошибаюсь, духовная особа, сдѣлавъ замѣчаніе, поразившее всѣхъ. «Въ картинѣ художника точно есть много таланта» сказалъ онъ: «но нѣтъ святости въ лицахъ; есть даже, напротивъ того, что-то демонское въ глазахъ, какъ-будто бы рукою художника водило нечистое чувство». Всѣ взглянули и не могли не убѣдиться въ истинѣ этихъ словъ. Отецъ мой бросился впередъ къ своей картинѣ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы повѣрить самому такое обидное замѣчаніе, и съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ всѣмъ почти фигурамъ придалъ глаза ростовщика. Они такъ глядѣли демонски-сокрушительно, что онъ

самъ невольно вздрогнулъ. Картина была отвергнута, и онъ долженъ былъ, къ неописанной своей досадѣ, услышать, что первенство осталось за его ученикомъ. Невозможно было описать того бѣшенства, съ какимъ онъ возвратился домой. Онъ чуть не прибилъ мать мою, разогналъ дѣтей, переломалъ кисти и мольбертъ, схватилъ со стѣны портретъ ростовщика, потребовалъ пожа и велѣлъ разложить огонь въ каминъ, намѣреваясь изрѣзать его въ куски и сжечь. На этомъ движеніи засталъ его вошедшій въ комнату пріятель, живописецъ, какъ и онъ, весельчакъ, всегда довольный собой, не заносившійся никакими отдаленными желаніями, работавшій весело все, что попадалось, и еще веселѣй того принимавшійся за обѣдъ и пирушку.

«Что ты дѣлаешь, что собираешься жечь?» сказалъ онъ и подошелъ къ портрету: «Помилуй, это одно изъ самыхъ лучшихъ твоихъ произведеній. Это ростовщикъ, который недавно умеръ; да, это совершеннѣйшая вещь. Ты ему, просто, попалъ не въ бровь, а въ самые глаза залѣзъ. Такъ въ жизнь никогда не глядели глаза, какъ они глядятъ у тебя».

«А вотъ я посмотрю, какъ они будутъ гля-

дѣтъ въ огнь» сказалъ отецъ, сдѣлавши движеніе швырнуть портретъ въ каминъ.

«Остановись ради Бога!» сказалъ пріятель, удержавъ его: «отдай его ужъ лучше мнѣ, если онъ тебѣ до такой степени колетъ глазъ». Отецъ сначала упорствовалъ, наконецъ согласился, и все-таки, чрезвычайно довольный своимъ приобретениемъ, утащилъ портретъ съ собою.

По уходѣ его, отецъ мой вдругъ почувствовалъ себя спокойнѣе. Точно какъ-будто бы вмѣстѣ съ портретомъ свалилась тяжесть съ его души. Онъ самъ изумился своему злобному чувству, своей зависти и явной переменѣ своего характера. Разсмотрѣвши поступокъ свой, онъ опечалился душою и не безъ внутренней скорби произнесъ: «Нѣтъ, это Богъ наказалъ меня; картина моя по-дѣломъ понесла посрамленіе. Она была замышлена съ тѣмъ, чтобы погубить брата. Демонское чувство зависти водило моею кистью, демонское чувство должно было и отразиться въ ней». Онъ немедленно отправился искать бывшего ученика своего, обнялъ его крѣпко, просилъ у него прощенія и старался, сколько могъ, загладить предъ нимъ вину свою. Работы его вновь потекли по-прежнему безмятеж-

но; но задумчивость стала показываться чаще на его лицѣ. Онъ больше молился, чаще бывалъ молчаливъ и не выражался такъ рѣзко о людяхъ; самая грубая наружность его характера какъ-то умягчилась. Скоро одно обстоятельство еще болѣе потрясло его. Онъ уже давно не видался съ товарищемъ своимъ, выпросившимъ у него портретъ. Уже собирался-было идти его провѣдать, какъ вдругъ онъ самъ вошелъ неожиданно въ его комнату. Послѣ нѣсколькихъ словъ и вопросовъ съ обѣихъ сторонъ, онъ сказалъ: «ну, братъ, не даромъ ты хотѣлъ сжечь портретъ. Чортъ его побери, въ немъ есть что-то страшное.... Я вѣдьмамъ не вѣрю, но воля твоя: въ немъ сидитъ нечистая сила....»

«Какъ?» сказалъ отецъ мой.

«А такъ, что съ-тѣхъ-поръ, какъ повѣсилъ я къ себѣ его въ комнату, почувствовалъ тоску такую... точно какъ-будто бы хотѣлъ кого-то зарѣзать. Въ жизнь мою я не зналъ, что такое бессонница, а теперь испыталъ не только бессонницу, но сны такіе... я и самъ не умѣю сказать, сны ли это или что другое: точно домовой тебя душитъ, и все мерещится проклятый старикъ. Однимъ словомъ, не могу рассказать

тебѣ моего состоянія. Подобнаго со мной никогда не бывало. Я бродилъ какъ шальной всѣ эти дни: чувствовалъ какую-то боязнь, непріятное ожиданье чего-то. Чувствую, что не могу сказать никому веселаго и искренняго слова; точно какъ-будто возлѣ меня сидитъ шпионъ какой-нибудь. И только съ-тѣхъ-поръ, какъ отдалъ портретъ племяннику, который напросился на него, почувствовалъ, что съ меня вдругъ будто какой-то камень свалился съ плечъ: вдругъ почувствовалъ себя веселымъ, какъ видишь. Ну, братъ, состряпалъ ты чорта!»

Во время этого разсказа отецъ мой слушалъ его съ неразвлекаемымъ вниманіемъ, и наконецъ спросилъ: «и портретъ теперь у твоего племянника?»

«Куда у племянника! не выдержалъ» сказалъ весельчакъ: «знать, душа самого ростовщика переселилась въ него: онъ выскакиваетъ изъ рамъ, расхаживаетъ по комнатамъ, и то, что разсказываетъ племянникъ, просто уму непонятно. Я бы принялъ его за сумасшедшаго, еслибы отчасти не испыталъ самъ. Онъ его продалъ какому-то собирателю картинъ, да и тотъ не вынесъ его и тоже кому-то сбылъ съ рукъ».

Этотъ разсказъ произвелъ сильное впечатлѣніе

на моего отца. Онъ задумался не въ-шутку, впалъ въ нпохондрію и наконецъ совершенно увѣрился въ томъ, что кисть его послужила дьявольскимъ орудіемъ, что часть жизни ростовщика перешла въ-самомъ-дѣлѣ какъ-нибудь въ портретъ и тревожитъ теперь людей, внушая бѣсовскія побужденія, совращая художника съ пути, порождая страшныя терзанія зависти и проч. и проч. Три случившіяся вслѣдъ затѣмъ несчастія, три внезапныя смерти: жены, дочери и малолѣтнаго сына, почелъ онъ небесною казною себѣ и рѣшился непременно оставить свѣтъ. Какъ только мишло мнѣ девять лѣтъ, онъ помѣстилъ меня въ академію художествъ и, расплатясь съ своими должниками, удалился въ одну уединенную обитель, гдѣ скоро постригся въ монахи. Тамъ, строгостью жизни, неусыпнымъ соблюденіемъ всѣхъ монастырскихъ правилъ, онъ изумилъ всю братію. Настоятель монастыря, узнавши объ искусствѣ его кисти, требовалъ отъ него написать главный образъ въ церковь. Но смиренный братъ сказалъ наотрѣзъ, что онъ недостойнъ взяться за кисть, что она осквернена, что трудомъ и великими жертвами онъ долженъ прежде очистить свою душу, чтобы удостоиться присту-

пить къ такому дѣлу. Его не хотѣли принуждать. Онъ самъ увеличивалъ для себя, сколько было возможно, строгость монастырской жизни. Наконецъ уже и она становилась ему недостаточною и не довольно строгою. Онъ удалился, съ благословенія настоятеля, въ пустынь, чтобъ быть совершенно одному. Тамъ изъ древесныхъ вѣтвей выстроилъ онъ себѣ келью, питался одними сырыми кореньями, таскалъ на себѣ камни съ мѣста на мѣсто, стоялъ отъ восхода до заката солнечнаго на одномъ и томъ же мѣстѣ съ поднятыми къ небу руками, читая безпрерывно молитвы; словомъ, изыскивалъ, казалось, всевозможныя степени терпѣнья и того неистощимаго самоотверженія, которому примѣры можно развѣ найти въ однихъ житіяхъ святыхъ. Такимъ образомъ долго, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, изнурялъ онъ свое тѣло, подкрѣпляя его въ то же время живительною силою молитвы. Наконецъ въ одинъ день пришелъ онъ въ обитель и сказалъ твердо настоятелю: «теперь я готовъ; если Богу угодно, я совершу свой трудъ». Предметъ, взятый имъ, было Рождество Іисуса. Цѣлый годъ сидѣлъ онъ за нимъ, не выходя изъ своей кельи, едва пи-

тая себя сурогой пищей, молясь безпрестанно. По истеченіи года картина была готова. Это было точно чудо кисти. Надобно знать, что ни братія, ни настоятель не имѣли большихъ свѣдѣній въ живописи, но всѣ были поражены необыкновенной святостью фигуръ. Чувство божественнаго смиренія и кротости въ лицѣ Пречистой Матери, склонившейся надъ Младенцемъ, глубокій разумъ въ очахъ Божественнаго Младенца, какъ-будто уже что-то прозрѣвающихъ вдали, торжественное молчанье пораженныхъ божественнымъ чудомъ царей, повергнувшихся къ ногамъ его и, наконецъ, святая, невыразимая тишина, обнимающая всю картину—все это представало въ такой согласной силѣ и могуществѣ красоты, что впечатлѣніе было магическое. Вся братія поверглась на колѣна предъ новымъ образомъ, и умиленный настоятель произнесъ: «Нѣтъ, нельзя человѣку съ помощью одного человеческого искусства произвести такую картину: святая высшая сила водила твою кистью, и благословеніе небесъ почило на трудъ твой».

Въ это время окончилъ я свое ученье въ академіи, получилъ золотую медаль и вмѣстѣ съ нею радостную надежду на путешествіе въ Ита-

ліно—лучшую мечту двадцатилѣтняго художника. Миѣ оставалось только проститься съ моимъ отцомъ, съ которымъ уже двѣнадцать лѣтъ какъ разстался. Признаюсь, даже самый образъ его давно исчезнулъ изъ моей памяти. Я уже нѣсколько слышался о суровой святости его жизни и заранѣе воображалъ встрѣтить чорствую паружность отшельника, чуждаго всему въ мірѣ, кромѣ своей кельи и молитвы, изнуреннаго, высохшаго отъ вѣчнаго поста и бдѣнья. Но какъ же я изумился, когда предсталъ предо мною прекрасный, почти божественный старецъ! И слѣдовъ изможденія не было замѣтно на его лицѣ: оно сіяло свѣтлостью небеснаго веселія. Бѣлая, какъ снѣгъ, борода и тонкіе, почти воздушные волосы такого же серебристаго цвѣта разсыпались картинно по груди и по складкамъ его черной рясы и падали до самаго вервѣя, которымъ опоясывалась его убогая монашеская одежда; но болѣе всего изумительно было для меня услышать изъ устъ его такія слова и мысли объ искусствѣ, которыя, признаюсь, я долго буду хранить въ душѣ и желалъ бы искренно, чтобы всякій мой собратъ сдѣлалъ то же.

«Я ждалъ тебя, сынъ мой» сказалъ онъ, ког-

да я подошелъ къ его благословенью: «Тебѣ предстоить путь, по которому отнынѣ потечетъ жизнь твоя. Путь твой чистъ: не совратись съ него. У тебя есть талантъ; талантъ есть драгоценнѣйшій даръ Бога — не погуби его. Изслѣдуй, изучай все, что ни видишь, покорн все кисти; но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну созданья. Блаженъ избранныкъ, владѣющій ею. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго; ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души. Намекъ о божественномъ, небесномъ разъ заключенъ для человека въ искусствѣ, и потому одному оно уже выше всего. И во сколько разъ торжественный покой выше всякаго волненія мірскаго; во сколько разъ твореніе выше разрушенія; во сколько разъ ангелъ одной только чистой невинностью свѣтлой души своей выше всѣхъ несмѣтныхъ силъ и гордыхъ страстей сатаны, во столько разъ выше всего, что ни томъ III.

есть на свѣтъ, высокое созданье искусства. Все принеси ему въ жертву и возлюби его всей страстью; не страстью дынущей земнымъ вождельніемъ, но тихой, небесной страстью; безъ нея не властенъ человѣкъ возвыситься отъ земли и не можетъ дать чудныхъ звуковъ успокоенія. Ибо для успокоенія и примиренія всѣхъ нисходятъ въ міръ высокое созданье искусства. Оно не можетъ поселить ропота въ душѣ, но звучащей молитвой стремится вѣчно къ Богу. Но есть минуты, темныя минуты...» Онъ остановился, и я замѣтилъ, что вдругъ омрачился свѣтлый ликъ его, какъ-будто бы на него набѣжало какое-то мгновенное облако. «Есть одно происшествіе въ моей жизни» сказалъ онъ. Допытывать я не могу понять, что былъ тотъ странный образъ, съ котораго я написалъ изображеніе. Это было точно какое-то дьявольское явленіе. Я знаю, свѣтъ отвергаетъ существованіе дьявола, и потому не буду говорить о немъ; но скажу только, что я съ отвращеніемъ писалъ его, я не чувствовалъ въ то время никакой любви къ своей работѣ. Насильно хотѣлъ покорить себя и, бездушно заглушивъ все, быть вѣрнымъ природѣ. Это не было созданье искусства, и потому чувства, ко-

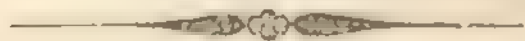
торья объемлютъ всѣхъ при взглядѣ на него, суть уже мятельныя чувства, тревожныя чувства, не чувства художника, ибо художникъ и въ тревогѣ дышитъ покоемъ. Мнѣ говорили, что портретъ этотъ ходитъ по рукамъ и разсѣваетъ томительныя впечатлѣнья, заражая въ художникъ чувство зависти, мрачной ненависти къ брату, злобную жажду производить гоненья и угнетенья. Да хранишь тебя Всевышній отъ сихъ страстей! Иѣтъ ихъ страшнѣе. Лучше вынести всю горечь возможныхъ гоненій, нежели нанести кому-либо одну твою гоненья. Спасай чистоту души своей. Кто заключилъ въ себѣ талантъ, тотъ чище всѣхъ долженъ быть душою. Другому простится многое, но ему не простится. Человѣку, который вышелъ изъ дома въ свѣтлой праздничной одеждѣ, стѣнтъ только быть обрызгнута одной каплей грязи изъ-подъ колеса, и уже весь народъ обступилъ его и указываетъ на него пальцемъ и толкуетъ объ его перяшестве, тогда-какъ тотъ же народъ не замѣчаетъ множества пятенъ на другихъ проходящихъ, одѣтыхъ въ будничныя одежды, ибо на будничныхъ одеждахъ не замѣтны пятна». Онъ благословилъ меня и обнялъ. Никогда въ жизни не былъ я

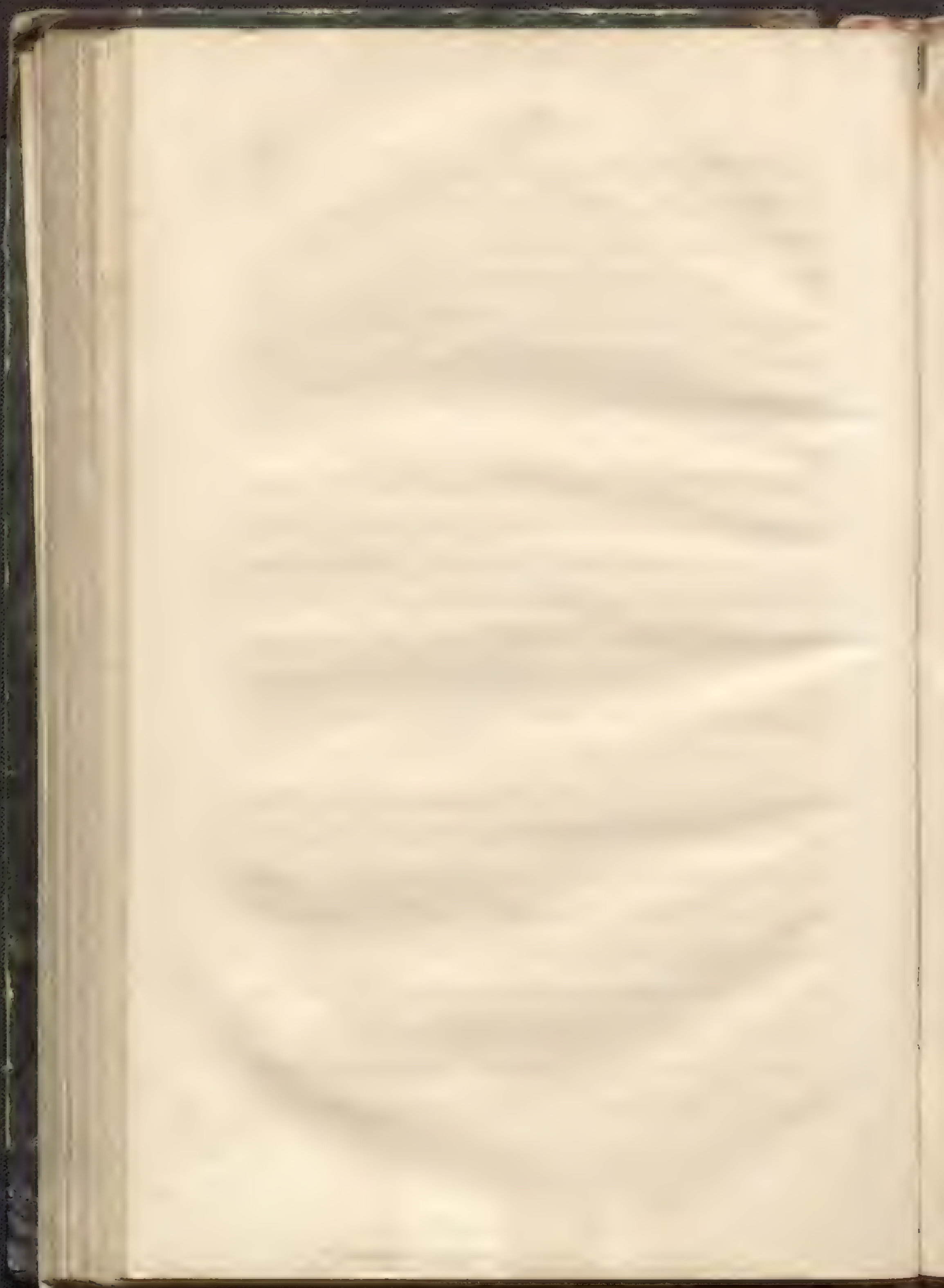
*

такъ возвышенно подвигнуть. Благоговѣнно, болѣе, нежели съ чувствомъ сына, прильнулъ я къ груди его и поцаловалъ въ рассыпавшіеся его серебряные волосы. Слеза блеснула въ его глазахъ. «Исполни, сынъ мой, одну мою просьбу» сказалъ онъ мнѣ уже при самомъ разставаньи: «Можетъ-быть, тебѣ случится увидѣть гдѣ-нибудь тотъ портретъ, о которомъ я говорилъ тебѣ. Ты его узнаешь вдругъ по необыкновеннымъ глазамъ и неестественному ихъ выраженію, — во что бы то ни было, истреби его...» Вы можете судить сами, могъ ли я не обѣщать клятвенно исполнить такую просьбу. Въ продолженіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ не случилось мнѣ встрѣтить ничего такого, что бы хотя сколько-нибудь походило на описаніе, сдѣланное моимъ отцомъ, какъ вдругъ теперь на аукціонѣ...

Здѣсь художникъ, не договоривъ еще своей рѣчи, обратилъ глаза на стѣну съ тѣмъ, чтобы взглянуть еще разъ на портретъ. То же самое движеніе сдѣлала въ одинъ мигъ вся толпа слушавшихъ, ища глазами необыкновеннаго портрета. Но, къ величайшему изумленію, его уже не было на стѣнѣ. Невнятный говоръ и шумъ пробѣжалъ по всей толпѣ, и вслѣдъ за тѣмъ по-

слышались явственно слова: «украденъ». Кто-то успѣлъ уже стащить его, воспользовавшись вниманьемъ слушателей, увлеченныхъ разсказомъ. И долго всѣ присутствовавшіе оставались въ недоумѣніи, не зная, дѣйствительно ли они видѣли эти необыкновенные глаза, или это была, просто, мечта, представшая только на-мигъ глазамъ ихъ, утружденнымъ долгимъ разсматриваніемъ старинныхъ картинъ.

III III III III III.

ШИНЕЛЬ.

Въ департаментъ.... но лучше не называть въ какомъ департаментъ. Ничего нѣтъ сердитѣ всякаго рода департаментовъ, полковъ, канцелярій и, словомъ, всякаго рода должностныхъ сословій. Теперь уже всякой частный человекъ считаетъ въ лицѣ своемъ оскорбленнымъ все общество. Говорятъ, весьма недавно поступила просьба отъ одного капитана-исправника, не помню какого-

то города, въ которой онъ излагаетъ ясно, что гибнуть государственныя постановленія и что священное имя его произносится рѣшительно всуе. А въ доказательство приложилъ къ просьбѣ преогромнѣйшій томъ какого-то романтическаго сочиненія, гдѣ, чрезъ каждыя десять страницъ, является капитанъ-исправникъ, мѣстами даже совершенно въ пьяномъ видѣ. Итакъ, во избѣжаніе всякихъ непріятностей, лучше департаментъ, о которомъ идетъ дѣло, мы назовемъ однимъ департаментомъ. Итакъ, въ одномъ департаментѣ служилъ одинъ чиновникъ, чиновникъ нельзя сказать чтобы очень замѣчательный, низенькаго роста, нѣсколько рябовать, нѣсколько рыжевать, нѣсколько даже на-видѣ подслѣповать, съ небольшою лысиною на лбу, съ морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица что называется гемороидальнымъ.... Что жъ дѣлать, виновать петербургскій климатъ. Что касается до чина (ибо у насъ прежде всего нужно объявить чинъ), то онъ былъ тѣмъ, что называютъ вѣчный титулярный совѣтникъ, надъ которымъ, какъ извѣстно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имѣющіе похвальное обыкновенье налегать на тѣхъ, кото-

рые не могут кусаться. Фамилія чиновника была Башмачкинъ. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла отъ башмака; но когда, въ какое время и какимъ образомъ произошла она отъ башмака, ничего этого неизвѣстно. И отецъ и дѣдъ и даже шуринъ и всѣ совершенно Башмачкины ходили въ сапогахъ, пермѣняя только раза три въ годъ подметки. Имя его было: Акакій Акакіевичъ. Можетъ-быть, читателю оно покажется нѣсколько страннымъ и выисканнымъ, но можно увѣрить, что его никакъ не искали, а что сами-еобою случились такія обстоятельства, что никакъ нельзя было дать другого имени, и это произошло именно вотъ какъ: родился Акакій Акакіевичъ противъ ночи, если только не измѣняетъ память, на 23 марта. Покойница матушка чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, какъ слѣдуетъ, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати противъ дверей, а по правую руку стоялъ кумъ, превосходнѣйшій человекъ, Иванъ Ивановичъ Ерошкинъ, служившій столоначальникомъ въ сенатѣ, и кума, жена квартальнаго офицера, женщина рѣдкихъ добродѣтелей, Арина Семеновна Бѣлобрюшкова. Родильницъ предоставили на вы-

боръ любое изъ трехъ, какое она хочетъ выбрать: Моккія, Соссія, или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата. «Нѣтъ, подумала покойница, имена-то все такія». Чтобы угодить ей, развернули календарь въ другомъ мѣстѣ; вышли опять три имени: Трифилій, Дула и Варахасій. «Вотъ это наказаніе» проговорила старуха: «какія все имена, я право никогда и не слыхивала такихъ. Пусть бы еще Варадаты или Варухъ, а то Трефилій и Варахасій». Еще перевернули страницу — вышли: Павсикахій и Вахтисій. «Ну ужъ я вижу» сказала старуха: «что, видно, его такая судьба. Ужъ если такъ, пусть лучше будетъ онъ называться какъ и отецъ его. Отецъ былъ Акакій, такъ пусть и сынъ будетъ Акакій». Такимъ образомъ и произошелъ Акакій Акакіевичъ. Ребенка окрестили; при чемъ онъ заплакалъ и сдѣлалъ такую гримасу, какъ будто бы предчувствовалъ, что будетъ титулярный совѣтникъ. Итакъ вотъ какимъ образомъ произошло все это. Мы привели потому это, чтобы читатель могъ самъ видѣть, что это случилось совершенно по необходимости и другаго имени дать было никакъ невозможно. Когда и въ какое время онъ поступилъ въ департаментъ и кто опредѣлилъ его,

этого никто не могъ припомнить. Сколько ни перемѣнялось директоровъ и всякихъ начальниковъ, его видѣли все на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи, въ той же самой должности, тѣмъ же чиновникомъ для писма; такъ что потомъ увѣрились, что онъ, видно, такъ и родился на свѣтъ уже совершенно готовымъ, въ вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ. Въ департаментѣ не оказывалось къ нему никакого уваженія. Сторожа не только не вставали съ мѣстъ, когда онъ проходилъ, но даже не глядѣли на него, какъ-будто бы черезъ пріемную пролетѣла простая муха. Начальники поступали съ нимъ какъ-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощникъ столоначальника прямо совалъ ему подъ носъ бумаги, не сказавъ даже: «перепишите», или: «вотъ интересное, хорошенькое дѣльце», или что-нибудь пріятное, какъ употребляется въ благовоспитанныхъ службахъ. И онъ бралъ, посмотрѣвъ только на бумагу, не глядя кто ему подложилъ и имѣлъ ли на то право. Онъ бралъ, и тутъ же пристраивался писать ее. Молодые чиновники подсмѣивались и острились надъ нимъ во сколько хватало канцелярскаго остроумія, рассказывали тутъ же предъ нимъ

разныя составленныя про него исторіи, про его хозяйку, семидесятилѣтнюю старуху, говорили, что она бьетъ его, спрашивали, когда будетъ ихъ свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снѣгомъ. Но ни одного слова не отвѣчалъ на это Акакій Акакіевичъ, какъ будто бы никого и не было передъ нимъ; это не имѣло даже вліянія на занятія его: среди всѣхъ этихъ докукъ онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ письмѣ. Только если ужъ слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подъ руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ: «оставьте меня, зачѣмъ вы меня обижаете». И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ онъ были произнесены. Въ немъ слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человекъ, недавно опредѣлившійся, который, по примѣру другихъ, позволилъ-было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился какъ будто произженный, и съ-тѣхъ-поръ какъ будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей.

И долго потомъ среди самыхъ веселыхъ минутъ представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысинкою на лбу, съ своими проникающими словами: «оставьте меня, зачѣмъ вы меня обижаете» — и въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: «я братъ твой». И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человекъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человекѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости, и Боже! даже въ томъ человекѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ....

Врядъ-ли гдѣ можно было найти человека, который такъ жилъ бы въ своей должности. Мало сказать: онъ служилъ ревностно, нѣтъ, онъ служилъ съ любовью. Тамъ, въ этомъ переписываньи, ему видѣлся какъ-то свой разнообразный и пріятный міръ. Наслажденіе выражалось на лицѣ его; нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то былъ самъ не свой: и подсмѣивалъ, и подмигивалъ, и помогалъ губами, такъ-что въ лицѣ его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Еслибы соразмѣрно его рве-

нію, давали ему награды, онъ, къ изумленію своему, можетъ-быть, даже попалъ бы въ статскіе совѣтники; но выслужилъ онъ, какъ выражались остряки, его товарищи: пряжку въ петлицу, да нажилъ геморой въ поясницу. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы не было къ нему никакого вниманія. Одинъ директоръ, будучи добрый человекъ и желая вознаградить его за долгую службу, приказалъ дать ему что-нибудь поважнѣе, чѣмъ обыкновенное переписыванье; именно изъ готоваго уже дѣла велѣно было ему сдѣлать какое-то отношеніе въ другое присутственное мѣсто; дѣло состояло только въ томъ, чтобы переменить заглавный титулъ, да переменить кое-гдѣ глаголы изъ перваго лица въ третье. Это задало ему такую работу, что онъ вспотѣлъ совершенно, теръ лобъ и наконецъ сказалъ: «нѣтъ, лучше дайте, я перепишу что-нибудь». Съ-тѣхъ-поръ оставили его навсегда переписывать. Въ этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Онъ не думалъ вовсе о своемъ платьѣ: вицмундиръ у него былъ не зеленый, а какого-то рыжевато-мучнаго цвѣта. Воротничокъ на немъ былъ узенькій, низенькій, такъ-что шея его, несмотря на

то, что не была длинна, выходя изъ воротника, казалась необыкновенно длинною, какъ у тѣхъ гипсовыхъ котенковъ, болтающихъ головами, которыхъ носятъ на головахъ цѣлыми десятками русскіе иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало къ его вицмундиру: или сѣнца кусочекъ, или какая-нибудь ниточка; къ-тому же онъ имѣлъ особенное искусство, ходя по улицѣ, поспѣвать подъ окно именно въ то самое время, когда изъ него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вѣчно уносилъ на своей шляпѣ арбузные и дынные корки и тому подобный вздоръ. Ни одинъ разъ въ жизни не обратилъ онъ вниманія на то, что дѣлается и происходитъ всякой день на улицѣ, на что, какъ извѣстно, всегда посмотреть его же братъ, молодой чиновникъ, простирающій до того проникательность своего бойкаго взгляда, что замѣтитъ даже, у кого на другой сторонѣ тротуара отпоролась внизу панталонъ стремянки,—что вызываетъ всегда лукавую усмѣшку на лицѣ его. Но Акакій Акакіевичъ если и глядѣлъ на что, то видѣлъ на всемъ свои чистыя, ровнымъ почеркомъ выписанныя строки, и только развѣ если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помѣщалась ему на

томъ ш.

плечо и напускала поздрями цѣлый вѣтеръ въ щеку, тогда только замѣчалъ онъ, что онъ не на серединѣ строки, а скорѣе на серединѣ улицы. Приходя домой, онъ садился тотъ же часъ за столъ, хлебалъ на-скоро свои щи и тѣхъ кусокъ говядины съ лукомъ, вовсе не замѣчая ихъ вкуса, тѣхъ все это съ мухами и со всѣмъ тѣмъ, что ни посылалъ Богъ на ту пору. Замѣтивши, что желудокъ начиналъ пучиться, вставалъ изъ-за стола, вынималъ баночку съ чернилами и переписывалъ бумаги, принесенныя на домъ. Если же такихъ не случалось, онъ снималъ нарочно, для собственнаго удовольствія, копію для себя особенно, если бумага была замѣчательна не по красотѣ слога, но по адресу къ какому-нибудь новому или важному лицу.

Даже въ тѣ часы, когда совершенно потухаетъ петербургское сѣрое небо и весь чиновный народъ навѣлся и отождѣлалъ кто какъ могъ, сообразно съ получаемымъ жалованьемъ и собственной прихотью, когда все уже отдохнуло послѣ департаментскаго скриньня перьями, бѣготни, своихъ и чужихъ необходимыхъ занятій и всего того, что задастъ себѣ добровольно, больше даже чѣмъ нужно, неутомимый человекъ, когда

чиновники спѣшатъ предать наслажденію остав-
шееся время: кто побойчѣе, несется въ театръ;
кто на улицу, опредѣляя его на разсматриванье
кое-какихъ шляпеноекъ; кто на вечеръ истратитъ
его въ комплиментахъ какой-нибудь смазливой
дѣвушкѣ, звѣздѣ небольшого чиновнаго круга;
кто, и это случается чаще всего, идетъ, просто,
къ своему брату въ четвертый или третій этажъ,
въ двѣ небольшія комнаты съ передней или кух-
ней и кое-какими модными претензіями, лампой
или иной вещицей, стоившей многихъ пожер-
твованій, отказовъ отъ обѣдовъ, гуляній; словомъ,
даже въ то время, когда всѣ чиновники разсы-
ваются по маленькимъ квартиркамъ своихъ пріа-
телей поиграть въ штурмовой вистъ, прихлебыва-
вая чай изъ стакановъ съ копеечными сухарями,
затягиваясь дымомъ изъ длинныхъ чубуковъ, раз-
сказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню,
занесшуюся изъ высшего общества, отъ котораго
никогда ни въ какомъ состояніи не можетъ отка-
заться русской человѣкъ, или даже, когда не о
чемъ говорить, пересказывая вѣчный анекдотъ о
комендантѣ, которому пришлось сказать, что под-
рубленъ хвостъ у лошади фальконетова монумента;
— словомъ, даже тогда, когда все стремится раз-

влечься, Акакій Акакіевичъ не предавался никакому развлеченію. Ни кто не могъ сказать, чтобы когда-нибудь видѣлъ его на какомъ-нибудь вечерѣ. Панисавшись въ-сласть, онъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ: что-то Богъ пошлетъ переносывать завтра. Такъ протекала мирная жизнь человека, который съ четырьмястами жалованья умѣлъ быть довольнымъ своимъ жребіемъ, и дотекла бы, можетъ-быть, до глубокой старости, еслибы не было разныхъ бѣдствій, разсыпанныхъ на жизненной дорогѣ не только титулярнымъ, но даже тайнымъ, дѣйствительнымъ, надворнымъ и всякимъ совѣтникамъ, даже и тѣмъ, которые не даютъ никому совѣтовъ, ни отъ кого не берутъ ихъ сами.

Есть въ Петербургѣ сильный врагъ всѣхъ, получающихъ 400 рублей въ годъ жалованья, или около того. Врагъ этотъ не кто другой, какъ нашъ сѣверный морозъ, хотя впрочемъ и говорятъ, что онъ очень здоровъ. Въ девятомъ часу утра, именно въ тотъ часъ, когда улицы покрываются идущими въ департаментъ, начинается онъ давать такіе сильные и колючіе щелчки безъ разбору по всѣмъ носамъ, что бѣдные чиновники рѣшительно не знаютъ, куда дѣвать ихъ. Въ

это время, когда даже у занимающихъ высшія должности болить отъ морозу лобъ, и слезы выступаютъ въ глазахъ, бѣдные титулярные советники иногда бываютъ беззащитны. Все спасеніе состоитъ въ томъ, чтобы въ тощенькой шинелинникъ перебѣжать какъ можно скорѣе пять-шесть улицъ и потомъ потопаться хорошенько ногами въ швейцарской, пока не оттаютъ такимъ образомъ всѣ замерзнувшія на дорогѣ способности и дарованія къ должностнымъ отправлениямъ. Акакій Акакіевичъ съ нѣкотораго времени началъ чувствовать, что его какъ-то особенно сильно стало пропекать въ спину и плечо, несмотря на то, что онъ старался перебѣжать какъ можно скорѣе законное пространство. Онъ подумалъ наконецъ, не заключается ли какихъ грѣховъ въ его шинели. Разсмотрѣвъ ее хорошенько у себя дома, онъ открылъ, что въ двухъ, трехъ мѣстахъ, именно на спинѣ и на плечахъ она сдѣлалась точная серпика; сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка расплзлась. Надобно знать, что шинель Акакія Акакіевича служила тоже предметомъ насмѣшекъ чиновникамъ; отъ нея отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотомъ. Въ-

самомъ-дѣлѣ она имѣла какое-то страшное устройство: воротникъ ея уменьшался съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, ибо служилъ на подтачиванье другихъ частей ея. Подтачиванье не показывало искусства портнаго и выходило точно мышковато и некрасиво. Увидѣвши въ чемъ дѣло, Акакій Акакіевичъ рѣшилъ, что шинель нужно будетъ снести къ Петровичу, портному, жившему гдѣ-то въ четвертомъ этажѣ по черной лѣстницѣ, который, несмотря на свой кривой глазъ и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьихъ и всякихъ другихъ панталонъ и фраговъ, разумеется, когда бывалъ въ трезвомъ состояніи и не питалъ въ головѣ какого-нибудь другаго предпріятія. Объ этомъ портномъ конечно не слѣдовало бы много говорить, но такъ какъ уже заведено, чтобы въ повѣсти характеръ всякаго лица былъ совершенно означенъ, то нечего дѣлать, подавайте намъ и Петровича сюда. Сначала онъ назывался просто Григорій и былъ крѣпостнымъ человекомъ у какого-то барина; Петровичемъ онъ началъ называться съ-тѣхъ-поръ, какъ получилъ отпускную и сталъ попивать довольно сильно по всякимъ праздникамъ, сначала по большимъ,

а потомъ, безъ разбору, по всѣмъ церковнымъ, гдѣ только стоялъ въ календарѣ крестикъ. Съ этой стороны онъ былъ вѣренъ дѣдовскимъ обычаямъ и, споря съ женой, называлъ ее мірскою женщиной и пѣвкой. Такъ-какъ мы уже заикнулись про жену, то нужно будетъ и о ней сказать слова два; но, къ-сожалѣнію, о ней немного было извѣстно, развѣ только то, что у Петровича есть жена, носить даже чепчикъ, а не платокъ; по красотою, какъ кажется, она не могла похвастаться; по-крайней-мѣрѣ при встрѣчѣ съ нею одни только гвардейскіе солдаты заглядывали ей подъ чепчикъ, моргнувши усомъ и испустивши какой-то особый голосъ.

Взбираясь по лѣстницѣ, ведущей къ Петровичу, которая, надобно отдать справедливость, была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тѣмъ спиртуознымъ запахомъ, который ѣсть глаза и, какъ извѣстно, присутствуетъ неотлучно на всѣхъ чорныхъ лѣстницахъ петербургскихъ домовъ, — взбираясь по лѣстницѣ, Акакій Акакіевичъ уже подумывалъ о томъ, сколько запросить Петровичъ и мысленно положилъ не давать больше двухъ рублей. Дверь была открыта, потому-что хозяйка, готовя какую-то ры-

бу, напустила столько дыму въ кухню, что нельзя было видѣть даже и самыхъ таракановъ. Акакій Акакіевичъ прошелъ черезъ кухню, незамѣченный даже самою хозяйкою, и вступилъ наконецъ въ комнату, гдѣ увидѣлъ Петровича, сидѣвшаго на широкомъ деревянномъ некрашенномъ столѣ и подвернувшаго подъ себя ноги свои какъ турецкій паша. Ноги, по обычаю портныхъ, сидящихъ за работою, были нагишомъ. И прежде всего бросился въ глаза большой палецъ, очень извѣстный Акакію Акакіевичу, съ какимъ-то изуродованнымъ ногтемъ, толстымъ и крепкимъ, какъ у черепахи черепъ. На шеѣ у Петровича висѣлъ мотокъ шолку и нитокъ, а на коленяхъ была какая-то ветошь. Онъ уже минуты съ три продѣвалъ нитку въ игльное ухо, не попадалъ и потому очень сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча въ полголоса: «нелзеть, варварка; уѣла ты меня, шельма этакая!» Акакію Акакіевичу было непріятно, что онъ пришелъ именно въ ту минуту, когда Петровичъ сердился: онъ любилъ что-либо заказывать Петровичу тогда, когда послѣдній былъ уже нѣсколько подъ-кураженъ или, какъ выражалась жена его: осадился сивухой, одноглазый чортъ.

Въ такомъ состояніи Петровичъ обыкновенно очень охотно уступалъ и соглашался, всякой разъ даже кланялся и благодарилъ. Потомъ, правда, приходила жена, плачась, что мужъ-де былъ пьянъ и потому дешево взялся; но гривенникъ, бывало, одинъ прибавишь, и дѣло въ шляпѣ. Теперь же Петровичъ былъ, казалось, въ трезвомъ состояніи, а потому крутъ, несговорчивъ и охотникъ заламливать чортъ знаетъ какія цѣны. Акакій Акакіевичъ смекнулъ это и хотѣлъ-было уже, какъ говорится, на понятный дворъ, но ужъ дѣло было начато. Петровичъ прищурилъ на него очень пристально свой единственный глазъ, и Акакій Акакіевичъ невольно выговорилъ: «Здравствуй, Петровичъ?» «Здравствовать желаю, судырь» сказалъ Петровичъ и покосилъ свой глазъ на руки Акакія Акакіевича, желая высмотрѣть, какого рода добычу тотъ несъ.

«А я вотъ къ тебѣ, Петровичъ, того....» Нужно знать, что Акакій Акакіевичъ изъяснялся большею частью предлогами, нарѣчіями и наконецъ такими частицами, которыя рѣшительно не имѣютъ никакого значенія. Если же дѣло было очень затруднительно, то онъ даже имѣлъ обыкновеніе совсѣмъ не оканчивать фразы, такъ-

что весьма часто начавши рѣчь словами: «это право совершенно того....» а потомъ уже и ничего не было, и самъ онъ позабывалъ, думая, что все уже выговорилъ.

«Что жъ такое?» — сказалъ Петровичъ, и осмотрѣлъ въ то же время своимъ единственнымъ глазомъ весь вицмундиръ его, начиная съ воротника до рукавовъ, спинки, фалды и петлей, что все было ему очень знакомо, потому-что было собственной его работы. Таковъ ужъ обычай у портныхъ; это первое, что онъ сдѣлаетъ при встрѣчѣ.

«А я вотъ того, Петровичъ.... шинель-то, сукно.... вотъ видишь, вездѣ въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ крѣпкое, оно немножко запылилось и, кажется, какъ будто старое, а оно новое, да вотъ только въ одномъ мѣстѣ немного того.... на спинѣ, да еще вотъ на плечѣ одномъ немного поистерлось, да вотъ на этомъ плечѣ немножко — видишь, вотъ и все. И работы немного...»

Петровичъ взялъ капоть, разложилъ его сначала на столъ, разсматривалъ долго, покачалъ головою и полѣзъ рукою на окно за круглой табакеркой съ портретомъ какого-то генерала, какого именно, неизвѣстно, потому-что мѣсто

гдѣ находилось лицо, было проткнуто пальцемъ и потомъ наклеено четверугольнымъ лоскуточкомъ бумажки. Понюхавъ табаку, Петровичъ растопырилъ канотъ на рукахъ и разсмотрѣлъ его противъ свѣта и опять покачалъ головою. Потомъ обратилъ его подкладкой вверхъ и вновь покачалъ, вновь снялъ крышку съ генераломъ, заклеенымъ бумажкой, и натащивши въ носъ табаку, закрылъ, спряталъ табакерку и наконецъ сказалъ:

«Нѣтъ, нельзя поправить: худой гардеробъ!»

У Акакія Акакіевича при этихъ словахъ ёкнуло сердце. «Отчего же нельзя, Петровичъ?» сказалъ онъ почти умоляющимъ голосомъ ребенка: «вѣдь только всего что на плечахъ поистерлось, вѣдь у тебя есть же какіе-нибудь кусочки....»

«Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся» сказалъ Петровичъ: «да нашить-то нельзя: дѣло совсѣмъ гнилое, тронешь иглой—а вотъ ужъ оно и ползетъ».

«Пусть ползетъ, а ты тотчасъ заплаточку».

«Да заплаточки не на чемъ положить, укрѣпиться ей не за что, поддержка больно велика. Только слава что сукно, а подуи вѣтеръ, такъ разлетится».

«Ну да ужъ прикръти. Какъ же этакъ право того!...»

«Нѣтъ» сказалъ Петровичъ рѣшительно: «ничего нельзя сдѣлать. Дѣло совсѣмъ плохое. Ужъ вы лучше, какъ придетъ зимнее холодное время, надѣвайте изъ нея себѣ опучекъ, потому что чулокъ не грѣетъ. Это нѣмцы выдумали, чтобы побольше себѣ денегъ забирать; (Петровичъ любилъ при случаѣ кольнуть нѣмцевъ); а шинель ужъ видно вамъ придется новую дѣлать».

При словѣ «новую» у Акакія Акакіевича затуманило въ глазахъ, и все, что ни было въ комнатѣ, такъ и пошло предъ нимъ путаться. Онъ видѣлъ ясно одного только генерала съ заклееннымъ бумажкой лицомъ, находившагося на крышкѣ негровичевой табакерки. «Какъ же новую?» сказалъ онъ, все еще какъ-будто находясь во снѣ: «вѣдь у меня и денегъ на это нѣтъ».

«Да, новую» сказалъ съ варварскимъ спокойствіемъ Петровичъ.

«Ну, а еслибы пришлось новую, какъ бы она того....»

«То есть, что́ будетъ стоить?»

«Да».

«Да три полсотни слишкомъ надо будетъ приложить» — сказалъ Петровичъ и сжалъ при этомъ значительно губы. Онъ очень любилъ сильные эффекты, любилъ вдругъ какъ-нибудь озадачить совершенно и потомъ поглядѣть искоса, какую озадаченный сдѣлаетъ рожу послѣ такихъ словъ.

«Полтора ста рублей за шинель!» — вскрикнулъ бѣдный Акакій Акакіевичъ, вскрикнулъ, можетъ-быть, въ первый разъ отъ-роду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

«Да-съ» сказалъ Петровичъ: «да еще какая шинель. Если положить на воротникъ кунцу, да пустить капшонъ на шолковой подкладкѣ, такъ и въ двѣсти войдетъ.

«Петровичъ, пожалуйста» — говорилъ Акакій Акакіевичъ умоляющимъ голосомъ, не слыша и не стараясь слышать сказанныхъ Петровичемъ словъ и всѣхъ его эффектовъ: «какъ-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила».

«Да нѣтъ, это выйдетъ: и работу убивать и деньги попусту тратить» — сказалъ Петровичъ, и Акакій Акакіевичъ послѣ такихъ словъ вышелъ, совершенно уничтоженный. А Петровичъ, по уходѣ его, долго еще стоялъ, значительно

сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволенъ, что и себя не уронилъ, да и портнаго искусства тоже не выдалъ.

Вышедъ на улицу, Акакій Акакіевичъ былъ какъ во снѣ. «Этаково-то дѣло этакое» говорилъ онъ самъ — себѣ: «я право и не думалъ, чтобы оно вышло того....» а потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавилъ: «такъ вотъ какъ! наконецъ вотъ что вышло, а я право совсѣмъ и предполагать не могъ, чтобы оно было этакъ». За снѣмъ послѣдовало опять долгое молчаніе, послѣ котораго онъ произнесъ: «такъ этакъ-то! вотъ какое ужъ точно никакъ неожиданное, того.... этого бы никакъ.... этакое-то обстоятельство!» Сказавши это, онъ вмѣсто того, чтобы идти домой, пошелъ совершенно въ противную сторону, самъ того не подозревая. Дорогою задѣлъ его всѣмъ печистымъ своимъ бокомъ трубочистъ и вычернилъ все плечо ему; цѣлая шапка извести высыпалась на него съ верхушки строившагося дома. Онъ ничего этого не замѣтилъ, и потомъ уже, когда натолкнулся на будничка, который, поставя около себя свою алебарду, натряхивалъ изъ рожка на мозолистый кулакъ табаку, тогда только немного очнулся,

и то потому, что будочникъ сказалъ: «чего лѣзешь въ самое рыло, развѣ нѣтъ тебѣ трухтуара?» Это заставило его оглянуться и поворотить домой. Здѣсь только онъ началъ собирать мысли, увидѣлъ въ ясномъ и настоящемъ видѣ свое положеніе, сталъ разговаривать съ собою уже не отрывисто, но разсудительно и откровенно, какъ съ благоразумнымъ пріятелемъ, съ которымъ можно поговорить о дѣлѣ самомъ сердечномъ и близкомъ. «Ну нѣтъ» сказалъ Акакій Акакіевичъ: «теперь съ Петровичемъ нельзя толковать: онъ теперь того, жена, видно, какъ-нибудь поколотила его. А вотъ я лучше приду къ нему въ воскресной день утромъ: онъ послѣ кануна субботы будетъ косить глазомъ и заспавшись, такъ ему нужно будетъ опохмѣлиться, а жена денегъ не дастъ, а въ это время я ему гривеничекъ и того, въ руку, онъ и будетъ сговорчивѣе и шинель тогда и того....» Такъ разсудилъ самъ съ собою Акакій Акакіевичъ, ободривъ себя и дождался перваго воскресенья, и увидѣвъ издали, что жена Петровича куда-то выходила изъ дому, онъ прямо къ нему. Петровичъ точно послѣ субботы сильно косилъ глазомъ, голову держалъ къ полу и былъ совсѣмъ заспавшись;

но при всемъ томъ какъ только узналъ, въ чемъ дѣло, точно какъ будто его чортъ толкнулъ. «Нельзя» сказалъ: «извольте заказать новую». Акакій Акакіевичъ тутъ-то и всунулъ ему гривенничекъ. «Благодарствую, судырь, подкрѣплюсь маленьчко за ваше здоровье» сказалъ Петровицъ: «а ужъ объ шинели не извольте беспокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель ужъ я вамъ сошью на славу, ужъ на этомъ стоимъ».

Акакій Акакіевичъ еще-было на счетъ починки, но Петровицъ не дослышалъ и сказалъ: «ужъ новую я вамъ сошью безпремѣнно, въ этомъ извольте положиться, старанье приложимъ. Можно будетъ даже такъ, какъ пошла мода, воротникъ будетъ застегиваться на серебряныя лапки подъ аликке».

Тутъ-то увидѣлъ Акакій Акакіевичъ, что безъ новой шинели нельзя обойтись и поиникъ совершенно духомъ. Какъ же въ-самомъ-дѣлѣ, на что, на какія деньги ее сдѣлать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награжденіе къ празднику, но эти деньги давно уже размѣщены и распредѣлены впередъ. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику

старый долгъ за приставку новыхъ головокъ къ старымъ голенищамъ, да слѣдовало заказать швеѣ три рубахи, да нтуки двѣ того бѣлья, которое неприлично называть въ печатномъ сло-гѣ, словомъ: всѣ деньги совершенно должны были разойтись, и еслибы даже директоръ былъ такъ милостивъ, что, вмѣсто сорока рублей на-градныхъ, опредѣлилъ бы сорокъ-пять или пять-десять, то все-таки останется какой-нибудь са-мый вздоръ, который въ инисельномъ капиталѣ будетъ капля въ морѣ. Хотя конечно онъ зналъ, что за Петровичемъ водилась блажь заломить вдругъ, чортъ знаетъ какую непомѣрную цѣну, такъ-что ужъ, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: «что ты, съ ума сходишь, дуракъ такой! Въ другой разъ ни за что́ возьметъ работать, а теперь разнесла его не-легкая запросить такую цѣну, какой и самъ не стоитъ». Хотя, конечно, онъ зналъ, что Петро-вичъ и за восемьдесятъ рублей возьмется сдѣлать; однако все же, откуда взять эти восемьдесятъ руб-лей? Еще половину можно бы найти: половина бы отыскалась, можетъ быть, даже немножко и больше; но гдѣ взять другую половину?... Но прежде читателю должно узнать, гдѣ взялась пер-томъ ш.

вая половина. Акакій Акакіевичъ имѣлъ обыкновеніе со всякаго истрачиваемаго рубля откладывать по грошу въ небольшой ящичекъ запертой на ключъ, съ прорѣзанныю въ крышкѣ дырочкой для бросанія туда денегъ. По истеченіи всякаго полугода онъ ревизовалъ накопившуюся мѣдную сумму и замѣнялъ ее мелкимъ серебромъ. Такъ продолжалъ онъ съ давнихъ поръ, и такимъ образомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ оказалось накопившейся суммы больше, чѣмъ на сорокъ рублей. Итакъ половина была въ рукахъ; но гдѣ же взять другую половину? гдѣ взять другіе сорокъ рублей? Акакій Акакіевичъ думалъ-думалъ и рѣшилъ, что нужно будетъ уменьшить обыкновенныя издержки, хотя по-крайней-мѣрѣ въ продолженіе одного года: изгнать употребленіе чаю по вечерамъ, не зажигать по вечерамъ свѣчи, а если что понадобится дѣлать, идти въ комнату къ хозяйкѣ и работать при ея свѣчкѣ; ходя по улицамъ, ступать какъ можно легче и осторожниѣе по камнямъ и плитамъ, почти на цыпочкахъ, чтобы такимъ образомъ не истереть скоровременно подметокъ; какъ можно рѣже отдавать прачкѣ мыть бѣлье, а чтобы не запашивалось, то всякой разъ, при-

ходя домой, скидать его и оставаться въ одномъ только демикотоновомъ халатѣ, очень давнемъ и щадимомъ даже самымъ временемъ. Надобно сказать правду, что сначала ему было нѣсколько трудно привыкать къ такимъ ограниченіямъ, но потомъ както привыклось и пошло на-ладъ; даже онъ совершенно пріучился голодать по вечерамъ; но зато онъ питался духовно, нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели. Съ этихъ поръ какъ-будто самое существованіе его сдѣлалось както полнѣе, какъ-будто бы онъ женился, какъ-будто какой-то другой человекъ присутствовалъ съ нимъ, какъ-будто онъ былъ не одинъ, а какая-то пріятная подруга жизни согласилась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную дорогу,—и подруга эта была не кто другая, какъ та же шинель на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ безъ износу. Онъ сдѣлался както живѣе, даже тверже характеромъ, какъ человекъ, который уже опредѣлилъ и поставилъ себѣ цѣль. Съ лица и съ поступковъ его исчезло само-собою сомнѣніе, нерѣшительность, словомъ—всѣ колеблющіяся и неопредѣленныя черты. Огонь порою показывался въ глазахъ его, въ головѣ даже мелькали самыя дерзкія и от-

важныя мысли: не положить ли точно куницу на воротникъ. Размышленія объ этомъ чуть не навели на него разсѣянности. Одинъ разъ, переписывая бумагу, онъ чуть-было даже не сдѣлалъ ошибки, такъ-что почти вслухъ вскрикнулъ: «ухъ!» и перекрестился. Въ продолженіе каждаго мѣсяца онъ, хотя одинъ разъ, навѣдывался къ Петровичу, чтобы поговорить о шинели, гдѣ лучше купить сукна, и какого цвѣта, и въ какую цѣну, и хотя нѣсколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что наконецъ придетъ же время, когда все это купится и когда шинель будетъ сдѣлана. Дѣло пошло даже скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Противу всякаго чаянія, директоръ назначилъ Акакію Акакіевичу не сорокъ или сорокъ-пять, а цѣлыхъ шестьдесятъ рублей: ужъ предчувствовалъ ли онъ, что Акакію Акакіевичу нужна шинель, или само-собой такъ случилось, но только у него чрезъ это очутилось лишнихъ двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ходъ дѣла. Еще какихъ-нибудь два-три мѣсяца небольшого голоданья — и у Акакія Акакіевича набралось точно около восьмидесяти рублей. Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться. Въ

первый же день онъ отправился вмѣстѣ съ Петровичемъ въ лавки. Купили сукна очень хорошаго—и немудрено, потому-что объ этомъ думали еще за полгода прежде и рѣдкой мѣсяцъ не заходили въ лавки примѣняться къ цѣнамъ; зато самъ Петровичъ сказалъ, что лучше сукна и не бываетъ. На подкладку выбрали коленкору, но такого добротнаго и плотнаго, который, по словамъ Петровича, былъ еще лучше шолку и даже на-видъ казистѣй и глянцовитѣй. Куницы не купили, потому-что была точно дорога, а вмѣсто ея выбрали конку лучшую, какая только нашлась въ лавкѣ, кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу. Петровичъ провозился за шинелью всего двѣ недѣли, потому-что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше. За работу Петровичъ взялъ двѣнадцать рублей—меньше никакъ нельзя было: все было рѣшительно шито на шелку, двойнымъ мелкимъ швомъ, и по всякому шву. Петровичъ потомъ проходилъ собственными зубами, вытѣсняя ими разныя фигуры. Это было.... трудно сказать въ который именно день, но, вѣроятно, въ день самый торжественнѣйшій въ жизни Акакія Акакіевича, когда Петровичъ принесъ наконецъ

шинель. Онъ принесъ ее поутру, передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ нужно было идти въ департаментъ. Никогда бы въ другое время не пришлась такъ кстати шинель, потому что начинались уже довольно крѣпкіе морозы и, казалось, грозили еще болѣе усилиться. Петровичъ явился съ шинелью, какъ слѣдуетъ хорошему портному. Въ лицѣ его показалось выраженіе такое значительное, какого Акакій Акакіевичъ никогда еще не видалъ. Казалось, онъ чувствовалъ въ полной мѣрѣ, что сдѣлалъ не малое дѣло и что вдругъ показалъ въ себѣ бездну, раздѣляющую портныхъ, которые подставляютъ только подкладки и переправляютъ, отъ тѣхъ, которые шьютъ за-ново. Онъ вынулъ шинель изъ носоваго платка, въ которомъ ее принесъ; платокъ былъ только-что отъ прачки; онъ уже потомъ свернулъ его и положилъ въ карманъ для употребленія. Вынувши шинель, онъ весьма гордо посмотрѣлъ и держа въ обѣихъ рукахъ, набросилъ весьма ловко на плеча Акакію Акакіевичу; потомъ потянулъ и осадилъ ее сзади рукой къ низу; потомъ драпировалъ ею Акакія Акакіевича нѣсколько на-распашку. Акакій Акакіевичъ, какъ человекъ въ лѣтахъ, хотѣлъ по-

пробовать въ рукава, Петровичъ помогъ надѣтъ и въ рукава—вышло, что и въ рукава была хороша. Словомъ оказалось, что шинель была совершенно и какъ разъ впору. Петровичъ не упустилъ при семъ случаѣ сказать, что онъ такъ только, потому, что живетъ безъ вывѣски на небольшой улицѣ и притомъ давно знаетъ Акакія Акакіевича, потому взялъ такъ дешево; а на Невскомъ проспектъ съ него бы взяли за одну только работу семьдесятъ-пять рублей. Акакій Акакіевичъ объ этомъ не хотѣлъ разсуждать съ Петровичемъ, да и боялся всѣхъ сильныхъ суммъ, какими Петровичъ любилъ занускать ныль. Онъ расплатился съ нимъ, поблагодарилъ и вышелъ тутъ же въ новой шинели въ департаментъ. Петровичъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и, оставаясь на улицѣ, долго еще смотрѣлъ издали на шинель, и потомъ пошелъ нарочно въ-сторону, чтобы, обогнувши кривымъ переулкомъ, забѣжать вновь на улицу и посмотреть еще разъ на свою шинель съ другой стороны, то есть прямо въ лицо. Между-тѣмъ, Акакій Акакіевичъ шелъ въ самомъ праздничномъ расположеніи всѣхъ чувствъ. Онъ чувствовалъ всякой мигъ минуты, что на плечахъ его новая шинель, и нѣсколько разъ даже

усмѣхнулся отъ внутренняго удовольствія. Въ-самомъ-дѣлѣ двѣ выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги онъ не примѣтилъ вовсе и очутился вдругъ въ департаментъ; въ швейцарской онъ скинулъ шинель, осмотрѣлъ ее кругомъ и поручилъ въ особенный надзоръ швейцару. Незвѣстно, какимъ образомъ въ департаментъ всѣ вдругъ узнали, что у Акакія Акакіевича новая шинель, и что уже капота болѣе не существуетъ. Всѣ въ ту же минуту выбѣжали въ швейцарскую смотреть новую шинель Акакія Акакіевича. Начали поздравлять его, привѣтствовать, такъ-что тотъ сначала только улыбался, а потомъ сдѣлалось ему даже стыдно. Когда же всѣ, приступивъ къ нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть новую шинель, и что по-крайней-мѣрѣ онъ долженъ задать имъ всѣмъ вечеръ, Акакій Акакіевичъ потерялся совершенно, не зналъ какъ ему быть, что такое отвѣчать и какъ отговориться. Онъ уже минутъ черезъ нѣсколько, весь покраснѣвшій, началъ-было увѣрять довольно простодушно, что это совсѣмъ не новая шинель, что это такъ, что это старая шинель. Наконецъ одинъ изъ чиновниковъ, какой-то даже помощникъ столоначальника, вѣроятно, для

того, чтобы показать, что онъ ни чуть не гордецъ и знаетъ даже съ нисшими себя, сказалъ: «такъ и быть, я вмѣсто Акакія Акакіевича даю вечеръ и прошу ко мнѣ сегодня на чай: я же, какъ нарочно, сегодня именинникъ». Чиновники, натурально, тутъ же поздравили помощника столначальника и приняли съ охотою предложеніе. Акакій Акакіевичъ началъ-было отговариваться, но всѣ стали говорить, что неучтиво, что просто стыдъ и срамъ, и онъ ужъ никакъ не могъ отказаться. Впрочемъ, ему потомъ сдѣлалось пріятно, когда вспомнилъ, что онъ будетъ имѣть чрезъ то случай пройтись даже и ввечеру въ новой шинели. Этотъ весь день былъ для Акакія Акакіевича точно самый большой торжественный праздникъ. Онъ возвратился домой въ самомъ счастливомъ расположеніи духа, скинулъ шинель и повѣсилъ ее бережно на стѣну, наобовавшись еще разъ сукномъ и подкладкой, и потомъ нарочно вытащилъ, для сравненія, прежній капотъ свой, совершенно разошійся. Онъ взглянулъ на него, и самъ даже засмѣялся: такая была далекая разница! И долго еще потомъ за обѣдомъ онъ все усмѣхался, какъ только приходило ему на умъ положеніе, въ кото-

ромъ находился капоть. Пообѣдалъ онъ весело и послѣ обѣда ужъ ничего не писалъ, никакихъ бумагъ, а такъ немножко посибаритствовалъ на постели, пока не потемнѣло. Потомъ, не затягивая дѣла, одѣлся, надѣлъ на плеча шинель и вышелъ на улицу. Гдѣ именно жилъ пригласившій чиновникъ, къ сожалѣнію, не можемъ сказать: память начинаетъ намъ сильно измѣнять, и все, что ни есть въ Петербургѣ, всѣ улицы и дома слились и смѣшались такъ въ головѣ, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь въ порядочномъ видѣ. Какъ бы то ни было, но вѣрно по-крайней-мѣрѣ то, что чиновникъ жилъ въ лучшей части города, стало быть, очень не близко отъ Акакія Акакіевича. Сначала надо было Акакію Акакіевичу пройти кое-какія пустышныя улицы съ тощимъ освѣщеніемъ, но по мѣрѣ приближенія къ квартирѣ чиновника, улицы становились живѣе, населеннѣй и сильнѣе освѣщены. Пѣшеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы красиво одѣтыя, на мущинахъ попадались бровые воротники, рѣже встрѣчались ваньки съ деревянными рѣшотчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками—напро-

тивъ, все попадались лихачи въ малиновыхъ бархатныхъ шапкахъ, съ лакированными санками съ медвѣжьими одылами, и пролетали улицу, визжа колесами по снѣгу, кареты съ убранными козлами. Акакій Акакіевичъ глядѣлъ на все это, какъ на новость. Онъ уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ по вечерамъ на улицу. Остановился съ любопытствомъ передъ освѣщеннымъ окошкомъ магазина. Посмотрѣть на картину, гдѣ изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала съ себя башмакъ, обнаживши такимъ образомъ всю ногу очень не дурную; а за спиной ея, изъ дверей другой комнаты, выставилъ голову какой-то мужчина съ бакенбардами и красивой испаньолкой подъ губой. Акакій Акакіевичъ покачивалъ головой и усмѣхнулся, и потомъ пошелъ своею дорогою. Почему онъ усмѣхнулся, потому ли, что встрѣтилъ вещь вовсе незнакомую, но о которой однако же все-таки у каждого сохраняется какое-то чутье, или подумалъ онъ, подобно многимъ другимъ чиновникамъ, слѣдующее: «ну ужъ эти французы! что и говорить, ужъ ежели захотятъ что-нибудь того, такъ ужъ точно того....» А можетъ-быть, даже и этого не подумалъ — вѣдь нельзя же залѣзть въ душу

человѣку и узнать все, что онъ ни думаетъ. Наконецъ достигнулъ онъ дома, въ которомъ квартировалъ помощникъ столоначальника. Помощникъ столоначальника жилъ на большую ногу: на лѣстницѣ свѣтилъ фонарь, квартира была во второмъ этажѣ. Вошедши въ переднюю, Акакій Акакіевичъ увидѣлъ на полу цѣлые ряды калошъ. Между ними, посреди комнаты, стоялъ самоваръ, шумя и пенуская клубами паръ. На стѣнахъ висѣли все шинели, да плащи, между которыми нѣкоторые были даже съ бобровыми воротниками или съ бархатными отворотами. За стѣной былъ слышенъ шумъ и говоръ, которые вдругъ сдѣлались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышелъ лакей съ подносомъ, уставленным опорожненными стаканами, сливочникомъ и корзиною сухарей. Видно, что ужъ чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чаю. Акакій Акакіевичъ, повѣсивши самъ шинель свою, вошелъ въ комнату, и передъ нимъ мелькнули въ одно время свѣчи, чиновники, трубки, столы для картъ, и смутно поразили слухъ его: бѣглый, со всѣхъ сторонъ подымавшійся разговоръ и шумъ передвигаемыхъ стульевъ. Онъ остановился весьма неловко среди комнаты, нища и стараясь

придумать, что ему сдѣлать. Но его уже замѣтили, приняли съ крикомъ и всѣ пошли тотъ же часъ въ переднюю и вновь осмотрѣли его шинель. Акакій Акакіевичъ хотя было отчасти и сконфузился, но будучи человѣкомъ чистосердечнымъ, не могъ не порадоваться, видя, какъ всѣ похвалили шинель. Потомъ, разумѣется, всѣ бросили и его и шинель, и обратились, какъ водится, къ столамъ, назначеннымъ для виста. Все это: шумъ, говоръ и толпа людей, все это было какъ-то чудно Акакію Акакіевичу. Онъ, просто, не зналъ, какъ ему быть, куда дѣть руки, ноги и всю фигуру свою; наконецъ подсѣлъ онъ къ играющимъ, смотрѣлъ въ карты, засматривалъ тому и другому въ лица и чрезъ нѣсколько времени началъ зѣвать, чувствовать, что скучно, тѣмъ болѣе, что ужъ давно наступило то время, въ которое онъ, по обыкновенію, ложился спать. Онъ хотѣлъ проститься съ хозяиномъ, но его не пустили, говоря, что непременно надо выпить, въ честь обновки, по бокалу шампанскаго. Черезъ часъ подали ужинъ, состоявшій изъ винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерскихъ пирожковъ и шампанскаго. Акакія Акакіевича заставили выпить два бокала,

послѣ которыхъ онъ почувствовалъ, что въ комнатѣ сдѣлалось веселѣе, однако жъ никакъ не могъ позабыть, что уже двѣнадцать часовъ и что давно пора домой. Чтобы какъ-нибудь не вздумалъ удерживать хозяинъ, онъ вышелъ потихоньку изъ комнаты, отыскалъ въ передней шинель, которую не безъ сожалѣнія увидѣлъ лежавшею на полу, стряхнулъ ее, снялъ съ нея всякую пушинку, надѣлъ на плеча и опустился по лѣстницѣ на улицу. На улицѣ все еще было свѣтло. Кое-какія мелочныя лавчонки, эти безсмысленные клубы дворовыхъ и всякихъ людей, были отперты, другія же, которыя были заперты, показывали однако жъ длинную струю свѣта во всю дверную щель, означавшую, что они не лишены еще общества и, вѣроятно, дворовыя служанки или слуги еще доканчиваютъ свои толки и разговоры, повергая своихъ господъ въ совершенное недоумѣніе насчетъ своего мѣстопробыванія. Акакій Акакіевичъ шолъ въ веселомъ расположеніи духа, даже подбѣжалъ—было вдругъ, неизвестно почему, за какою-то дамою, которая, какъ молнія, прошла мимо и у которой всякая часть тѣла была исполнена необыкновеннаго движенія. Но однакожъ онъ тутъ же оста-

новился и пошелъ опять по-прежнему очень тихо, подивясь даже самъ неизвѣстно откуда взявшейся рыси. Скоро потянулись передъ нимъ тѣ пустынные улицы, которыя даже и днемъ не такъ веселы, а тѣмъ болѣе вечеромъ. Теперь онъ сдѣлался еще глуше и уединеннѣе: фонари стали мелькать рѣже—масла, какъ видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; нигдѣ ни души; сверкалъ только одинъ свѣтъ по улицамъ, да печально чернѣли съ закрытыми ставнями заснувшія низенькія лачужки. Онъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ перерывалась улица безконечною площадью съ едва видимыми на другой сторонѣ ея домами, которая глядѣла страшною пустынею.

Вдали, Богъ знаетъ гдѣ, мелькалъ огонекъ въ какой-то будкѣ, которая казалась стоявшею на краю свѣта. Веселость Акакія Акакіевича какъ-то здѣсь значительно уменьшилась. Онъ вступилъ на площадь не безъ какой-то невольной боязни, точно какъ-будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Онъ оглянулся назадъ и по сторонамъ: точное море вокругъ него. «Нѣтъ, лучше и не глядѣть» подумалъ и шолъ, закрывъ глаза, и когда открылъ ихъ, чтобы уз-

нать, близко ли конецъ площади, увидѣлъ вдругъ, что передъ нимъ стоятъ почти передъ носомъ какіе-то люди съ усами, какіе именно, ужъ этого онъ не могъ даже различить. У него затуманило въ глазахъ и забилося въ груди. «А вѣдь шинель-то моя!» сказалъ одинъ изъ нихъ громовымъ голосомъ, схвативши его за воротникъ. Акакій Акакіевичъ хотѣлъ-было уже закричать «караулъ», какъ другой приставилъ ему къ самому рту кулакъ, величиною въ чиновничью голову, примолвивъ: «а вотъ только крикни!» Акакій Акакіевичъ чувствовалъ только, какъ сняли съ него шинель, дали ему пинка коленомъ, и онъ упалъ навзничъ въ снѣгъ и ничего ужъ больше не чувствовалъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ опомнился и поднялся на ноги, но ужъ никого не было. Онъ чувствовалъ, что въ полѣ холодно, и шинели нѣтъ, сталъ кричать, но голосъ, казалось, и не думалъ долетать до концовъ площади. Отчаянный, не уставая кричать, пустился онъ бѣжать черезъ площадь прямо къ будкѣ, подлѣ которой стоялъ будочникъ и, опершись на свою алебарду, глядѣлъ, кажется, съ любопытствомъ, желая знать, какого чорта бѣжить къ нему издали и кричить человѣкъ. Ака-

кій Акакіевичъ, прибѣжавъ къ нему, началъ задыхающимся голосомъ кричать, что онъ спитъ и ни за чѣмъ не смотритъ, не видитъ, какъ грабятъ человека. Будочникъ отвѣчалъ, что онъ не видалъ никого, что видѣлъ, какъ остановили его среди площади какіе-то два человека, да думалъ, что то были его пріятели; а что пусть онъ вмѣсто того, чтобы понапрасну браниться, сходитъ завтра къ надзирателю, такъ надзиратель отыщетъ, кто взялъ шинель. Акакій Акакіевичъ прибѣжалъ домой въ совершенномъ безпорядкѣ: волосы, которые еще водились у него въ небольшомъ количествѣ на вискахъ и затылкѣ, совершенно растрепались; бокъ и грудь и всѣ панталоны были въ снѣгу. Старуха, хозяйка квартиры его, услышавъ страшный стукъ въ дверь, поспѣшно вскочила съ постели и съ банникомъ на одной только ногѣ побѣжала отворять дверь, придерживая на груди своей, изъ скромности, рукою рубашку; но, отворивъ, отступила назадъ, увидя въ такомъ видѣ Акакія Акакіевича. Когда же рассказалъ онъ, въ чемъ дѣло, она всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо къ частному, что квартальный надуетъ, пообщается и станетъ водить; а лучше всего идти прямо

къ частному, что онъ даже ей знакомъ, потому-
что Анна, чухонка, служившая прежде у нея въ
кухаркахъ, опредѣлилась теперь къ частному въ
няньки, что она часто видитъ его самого, какъ
онъ проѣзжаетъ мимо ихъ дома и что онъ бы-
ваетъ такъ же всякое воскресенье въ церкви,
молится, а въ то же время весело смотритъ на
всѣхъ, и что, стало-быть, по всему видно, дол-
женъ быть добрый человекъ. Выслушавъ такое
рѣшеніе, Акакій Акакіевичъ печальный побрелъ
въ свою комнату, и какъ онъ провелъ тамъ ночь,
предоставляется судить тому, кто можетъ сколь-
ко-нибудь представить себѣ положеніе друга-
го. Поутру рано отправился онъ къ частному;
но сказали, что спитъ; онъ пришолъ въ десять
—сказали опять: спитъ; онъ пришолъ въ один-
надцать часовъ — сказали: да итъ частнаго до-
ма; онъ въ обѣденное время—но писаря въ при-
хожей никакъ не хотѣли пустить его и хотѣли
непремѣнно узнать, за какимъ дѣломъ и кака
надобность привела и что такое случилось. Такъ-
что наконецъ Акакій Акакіевичъ разъ въ жизни
захотѣлъ показать характеръ и сказалъ на-отрѣзъ,
что ему нужно лично видѣть самого частнаго,
что они не смѣютъ его не допустить, что онъ

пришолъ изъ департамента за казеннымъ дѣломъ, а что вотъ какъ онъ на нихъ пожалуется, такъ вотъ тогда они увидать. Противъ этого писаря ничего не посмѣли сказать, и одинъ изъ нихъ пошолъ вызвать частнаго. Частный принялъ какъ-то чрезвычайно странно разсказъ о грабительствѣ шинели. Въмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на главный пунктъ дѣла, онъ сталъ разспрашивать Акакія Акакіевича: да почему онъ такъ поздно возвращался, да не заходилъ ли онъ и не былъ ли въ какомъ непорядочномъ домѣ, такъ-что Акакій Акакіевичъ сконфузился совершенно и вышелъ отъ него, самъ не зная, возьмется ли надлежащій ходъ дѣло о шинели, или нѣтъ. Весь этотъ день онъ не былъ въ присутствіи (единственный случай въ его жизни). На другой день онъ явился весь блѣдный и въ старомъ капотѣ своемъ, который сдѣлался еще плачевнѣе. Повѣствованіе о грабежѣ шинели, несмотря на то, что нашлись такіе чиновники, которые не пропустили даже и тутъ посмѣяться надъ Акакіемъ Акакіевичемъ, однако же многихъ тронуло. Рѣшились тутъ же сдѣлать для него складчину, но собрали самую бездѣлицу, потому-что чиновники и безъ того уже много истратились,

подписавшись на директорскій портретъ и на одну какую-то книгу, по предложенію начальника отдѣленія, который былъ пріятелемъ сочинителю, — итакъ сумма оказалась самая бездѣльная. Одинъ кто-то, движимый состраданіемъ, рѣшился по-крайней-мѣрѣ помочь Акакію Акакіевичу добрымъ совѣтомъ, сказавши, чтобъ онъ пошолъ не къ квартальному, потому-что хоть и можетъ случиться, что квартальный, желая заслужить одобреніе начальства, отыщетъ какимъ-нибудь образомъ шинель; но шинель все-таки останется въ полиціи, если онъ не представитъ законныхъ доказательствъ, что она принадлежитъ ему; а лучше всего, чтобы онъ обратился къ одному *значительному лицу*, что *значительное лицо*, спешась и снесясь, съ кѣмъ слѣдуетъ, можетъ заставить успѣшнѣе идти дѣло. Нечего дѣлать, Акакій Акакіевичъ рѣшился идти къ *значительному лицу*. Какая именно и въ чемъ состояла должность *значительнаго лица*, это осталось до сихъ-поръ неизвѣстнымъ. Нужно знать, что одно *значительное лицо* недавно сдѣлался *значительнымъ лицомъ*, а до того времени онъ былъ *незначительнымъ лицомъ*. Впрочемъ мѣсто его и теперь не почиталось *значительнымъ* въ-сравне-

ни съ другими еще значительнѣйшими. Но всегда найдется такой кругъ людей, для которыхъ незначительное въ глазахъ прочихъ есть уже значительное. Впрочемъ онъ старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завелъ, чтобы низшіе чиновники встрѣчали его еще на лестницѣ, когда онъ приходилъ въ должность; чтобы къ нему являться прямо никто не смѣлъ, а чтобъ шло все порядкомъ строжайшимъ: коллежскій регистраторъ докладывалъ бы губернскому секретарю, губернской секретарь—титularному, или какому приходилось другому, и чтобы уже такимъ образомъ доходило дѣло до него. Такъ ужъ на святой Руси все заражено подражаніемъ, всякой дразнить и корчить своего начальника. Говорятъ даже, какой-то титулярный совѣтникъ, когда сдѣлали его правителемъ какой-то отдѣльной небольшой канцеляріи, тотчасъ же отгородилъ себѣ особенную комнату, назвавши ее «комнатой присутствія» и поставилъ у дверей какихъ-то капельдинеровъ съ красными воротниками, въ галунахъ, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя «въ комнату присутствія» на силу могъ уставиться обыкновенный кнѣзьменныи

столь. Приемы и обычаи *значительнаго лица* были солидны и величественны, но не многосложны. Главнымъ основаніемъ его системы была строгость. «Строгость, строгость и — строгость» говаривалъ онъ обыкновенно, и при последнемъ словѣ обыкновенно смотрѣлъ очень значительно въ лицо тому, которому говорилъ. Хотя впрочемъ этому и не было никакой причины, потому-что десятокъ чиновниковъ, составлявшихъ весь правительственный механизмъ канцеляріи, и безъ того былъ въ надлежащемъ страхѣ, завидя его издали, оставлялъ уже дѣло и ожидалъ, стоя въ-вытяжку, пока начальникъ пройдетъ черезъ комнату. Обыкновенный разговоръ его съ иншими отзывался строгостью и состоялъ почти изъ трехъ фразъ: «какъ вы смѣете? знаете ли вы, съ кѣмъ говорите? понимаете ли, кто стоитъ передъ вами?» впрочемъ онъ былъ въ душѣ добрый человѣкъ, хорошъ съ товарищами, услужливъ; но генеральскій чинъ совершенно сбилъ его съ толку. Получивши генеральскій чинъ, онъ както спутался, сбился съ пути и совершенно не зналъ, какъ ему быть. Если ему случалось быть съ равными себѣ, онъ былъ еще человѣкъ, какъ слѣдуетъ, человѣкъ очень порядочный, во

многихъ отношеніяхъ даже не глупый человѣкъ; но какъ-только случалось ему быть въ обществѣ, гдѣ были люди хоть однимъ чиномъ пониже его, тамъ онъ былъ просто хоть изъ рукъ вонъ: молчалъ, и положеніе его возбуждало жалость тѣмъ болѣе, что онъ самъ даже чувствовалъ, что могъ бы провести время несравненно лучше. Въ глазахъ его иногда видно было сильное желаніе присоеди- ниться къ какому-нибудь интересному разговору и кру- жку, но останавливала его мысль: не будетъ ли это ужъ очень много съ его стороны, не будетъ ли фамиліарно, и не уронитъ ли онъ чрезъ то своего значенія. И въ-слѣдствіе такихъ рассу- жденій онъ оставался вѣчно въ одномъ и томъ же молчаливомъ состояніи, произнося только изрѣд- ка какіе-то односложные звуки, и пріобрѣлъ та- кимъ образомъ титулъ скучнѣйшаго человѣка. Къ такому-то *значительному лицу* явился нашъ Акакій Акакіевичъ и явился въ время самое не- благопріятное, весьма некстати для себя, хотя впрочемъ кстати для значительнаго лица. Значи- тельное лицо находился въ своемъ кабинетѣ и разговаривалъ очень-очень весело съ однимъ не- давно пріѣхавшимъ стариннымъ знакомымъ и то- варищемъ дѣтства, съ которымъ нѣсколько лѣтъ

не видался. Въ это время доложили ему, что пришолъ какой-то Башмачкинъ. Онъ спросилъ отрывисто: «кто такой?» ему отвѣчали: «какой-то чиновникъ». — «А! можетъ подождать, теперь не время» — сказалъ значительный человекъ. Здѣсь надобно сказать, что значительный человекъ совершенно пригнулъ: ему было время, они давно уже съ пріятелемъ переговорили обо всемъ и уже давно перекладывали разговоръ весьма длинными молчаньями, слегка только потренивая другъ друга по ляпкѣ и приговаривая: «такъ-то, Иванъ Абрамовичъ!» — «такъ-то, Степанъ Варламовичъ!» но при всемъ томъ однако же велѣлъ онъ чиновнику подождать, чтобы показать пріятелю, человеку давно не служившему и зажившемуся дома въ деревнѣ, сколько времени чиновники дожидаются у него въ передней. Наконецъ наговорившись, а еще болѣе намолчавшись въдоволь и выкуривши сигарку въ весьма покойныхъ креслахъ съ откидными спинками, онъ наконецъ какъ-будто вдругъ вспомнилъ и сказалъ секретарю, остановившемуся у дверей съ бумагами для доклада: «да, вѣдь тамъ стоитъ, кажется, чиновникъ; скажите ему, что онъ можетъ войти». Увидѣвши смиренный видъ Акакія Ака-

кіевича и его старенькій вицмундиръ, онъ оборотился къ нему вдругъ и сказалъ: «что вамъ угодно?» голосомъ отрывистымъ и твердымъ, которому нарочно учился заранѣ у себя въ комнатѣ, въ уединеніи и передъ зеркаломъ, еще за недѣлю до полученія нынѣшняго своего мѣста и генеральскаго чина. Акакій Акакіевичъ уже заблаговременно почувствовалъ надлежащую робость, нѣсколько смутился, и какъ могъ, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснилъ съ прибавленіемъ даже чаще, чѣмъ въ другое время частицъ «того», что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограбленъ безчеловѣчнымъ образомъ, и что онъ обращается къ нему, чтобъ онъ ходатайствомъ своимъ какъ-нибудь того, списался бы съ г. оберъ-полиціймейстеромъ, или другимъ къмъ, и отыскалъ шинель. Генералу, неизвѣстно почему, показалось такое обхожденіе фамиліарнымъ. «Что вы, милостивый государь» продолжалъ онъ отрывисто: «не знаете порядка? куда вы зашли? не знаете, какъ водятся дѣла? Объ этомъ вы бы должны были прежде подать просьбу въ канцелярію; она пошла бы къ столоначальнику, къ начальнику отдѣленія,

потомъ передана была бы секретарю, а секретарь доставилъ бы ее уже мнѣ....»

«Но, ваше превосходительство» сказалъ Акакій Акакіевичъ, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствія духа, какая только въ немъ была, и чувствуя въ то же время, что онъ вспотѣлъ ужаснымъ образомъ: «я, ваше превосходительство, осмѣлился утрудить потому, что секретари того.... ненадежный народъ....»

«Что, что, что?» сказалъ значительное лицо: «откуда вы набрались такого духу? откуда вы мыслей такихъ набрались? что за буйство такое распространилось между молодыми людьми противъ начальниковъ и высшихъ!» Значительное лицо кажется не замѣтилъ, что Акакію Акакіевичу забралось уже за пятьдесятъ лѣтъ. Стало-быть, если бы онъ и могъ назваться молодымъ человекомъ, то развѣ только относительно, то есть въ отношеніи къ тому, кому уже было семьдесятъ лѣтъ. «Знаете ли вы, кому это говорите? понимаете ли вы, кто стоитъ передъ вами? понимаете ли вы это, понимаете ли это? я васъ спрашиваю?» Тутъ онъ топнулъ ногою, возведя голосъ до такой сильной ноты, что даже и не Акакію Акакіевичу сдѣлалось бы страшно. Ака-

кій Акакiевичъ такъ и обмеръ, пошатнулся, затрясся всѣмъ тѣломъ и никакъ не могъ стоять: если бы не подбѣжали тутъ же сторожа поддержать его, онъ бы шлепнулся на полъ; его вынесли почти безъ движенiя. А значительное лицо, довольный тѣмъ, что эффектъ превзошелъ даже ожиданiе и совершенно упоенный мыслью, что слово его можетъ лишить даже чувствъ чело-вѣка, искоса взглянулъ на прiятеля, чтобы узнать, какъ онъ на это смотритъ, и не безъ удовольствiя увидѣлъ, что прiятель его находился въ самомъ неопредѣленномъ состоянiи и начиналъ даже съ своей стороны самъ чувствовать страхъ.

Какъ сошелъ съ лѣстницы, какъ вышелъ на улицу, ничего ужъ этого не помнилъ Акакiй Акакiевичъ. Онъ не слышалъ ни рукъ, ни ногъ. Въ жизнь свою онъ не былъ еще такъ сильно распеченъ генераломъ, да еще и чужимъ. Онъ шолъ по выюгъ, свистѣвшей въ улицахъ, разинувъ ротъ, сбиваясь съ тротуаровъ; вѣтеръ, по петербургскому обычаю, дулъ на него со всѣхъ четырехъ сторонъ, изъ всѣхъ переулковъ. Вмигъ надуло ему въ горло жабу, и добрался онъ домой, не въ силахъ будучи сказать ни одного

слова; весь распухъ и слегъ въ постель. Такъ сильно иногда бываетъ надлежащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоществованію петербургскаго климата, болѣзнь пошла быстрее, чѣмъ можно было ожидать, и когда явился докторъ, то онъ, пощупавши пульсъ, ничего не нашелъ сдѣлать, какъ только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался безъ благодѣтельной помощи медицины; а впрочемъ тутъ же объявлялъ ему чрезъ полтора сутокъ непремѣнный капуть. Послѣ чего обратился къ хозяйкѣ и сказалъ: «А вы, матушка, и времени даромъ не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гробъ, потому-что дубовый будетъ для него дорогъ». Слышалъ ли Акакій Акакіевичъ эти произнесенныя роковыя для него слова, а если и слышалъ, произвели ли онъ на него потрясающее дѣйствіе, пожалѣлъ ли онъ о горемычной своей жизни, — ничего этого неизвѣстно, потому-что онъ находился все время въ бреду и жару. Явленія, одно другаго страннѣе, представлялись ему безпрестанно: то видѣлъ онъ Петровича и заказывалъ ему сдѣлать шинель съ какими-то запад-

или для воровъ, которые чудились ему безпре-
станно подъ кроватю, и онъ поминутно при-
зывалъ хозяйку вытащить у него одного вора
даже изъ-подъ одѣяла; то спрашивая, зачѣмъ
виситъ передъ нимъ старый капотъ его, что у
него есть новая шинель; то чудилось ему, что
онъ стоитъ передъ генераломъ, выслушивая над-
лежащее распеканье и приговариваетъ: виновать,
ваше превосходительство; то, наконецъ, даже
сквернохульничалъ, произнося самыя страшныя
слова, такъ-что старушка-хозяйка даже крести-
лась, отъ-роду не слыжавъ отъ него ничего по-
добнаго, тѣмъ болѣе, что слова эти слѣдовали
непосредственно за словомъ «ваше превосходи-
тельство». Далѣе онъ говорилъ совершенную без-
смыслицу, такъ-что ничего нельзя было понять,
можно было только видѣть, что беспорядочныя
слова и мысли ворочались около одной и той
же шинели. Наконецъ бѣдный Акакій Акакіе-
вичъ испустилъ духъ. Ни комнаты, ни вещей
его не опечатывали, потому-что, во-первыхъ, не
было наследниковъ, а во-вторыхъ, оставалось
очень не много наследства, именно: пучокъ гу-
синыхъ перьевъ, дѣсть бѣлой казенной бумаги,
три пары носковъ, двѣ-три пуговицы, оторвав-

нілся отъ панталонъ, и уже извѣстный читателю канотъ. Кому все это досталось, Богъ знаетъ, объ этомъ, признаюсь, даже не интересовался рассказывающій сію повѣсть. Акакія Акакіевича свезли и похоронили. И Петербургъ остался безъ Акакія Акакіевича, какъ-будто бы въ немъ его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманіе и естествонаблюдателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее въ микроскопъ; существо, переносившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все же таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій намигъ бѣдную жизнь, и на которое также потомъ нестерпимо обрушилось несчастье, какъ обрушивается оно на главы сильныхъ міра сего!... Нѣсколько дней послѣ его смерти посланъ былъ къ нему на квартиру изъ департамента сторожъ, съ приказаніемъ немедленно явиться: начальникъ-де требуетъ; но сторожъ долженъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ, давши

отчетъ, что не можетъ больше прійти, и на запросъ: «почему?» выразился словами: «да такъ, ужъ онъ умеръ, четвертаго дня похоронили». Такимъ образомъ узнали въ департаментъ о смерти Акакія Акакіевича, и на другой день уже на его мѣстѣ сидѣлъ новый чиновникъ, гораздо выше ростомъ и выставившій буквы уже не такимъ прямымъ почеркомъ, а гораздо наклонѣе и косье.

Но кто бы могъ вообразить, что здѣсь еще не все объ Акакіи Акакіевичѣ, что суждено ему на нѣсколько дней прожить шумно послѣ своей смерти, какъ-бы въ награду за непримѣченную никѣмъ жизнь. Но такъ случилось, и бѣдная исторія наша неожиданно принимаетъ фантастическое окончаніе. По Петербургу пронеслись вдругъ слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше сталъ показываться по ночамъ мертвецъ въ видѣ чиновника, ищущаго какой-то утешенной шинели и подъ видомъ сташенной шинели сдвигавшій со всѣхъ плечъ, не разбирая чина и званія, всякія шинели: на кошкахъ, на бобрахъ, на ватѣ, епотовыхъ, лисьи, медвѣжьихъ шубы, словомъ, всякаго рода мѣха и кожи, какія только придумали люди для прикрытія собствен-

ной. Одинъ изъ департаментскихъ чиновниковъ видѣлъ своими глазами мертвеца и узналъ въ немъ тотчасъ Акакія Акакіевича; но это внушило ему однакоже такой страхъ, что онъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ, и оттого не могъ хорошенько разсмотрѣть, а видѣлъ только, какъ тотъ издали погрозилъ ему пальцемъ. Со всѣхъ сторонъ поступали безпрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярныхъ, но даже и надворныхъ совѣтниковъ подвержены совершенной простудѣ по причинѣ частаго сдергиванья шинелей. Въ полиціи сдѣлано было распоряженіе поймать мертвеца, во что бы то ни стало, живаго или мертваго, и наказать его, въ примѣръ другимъ, жесточайшимъ образомъ; и въ томъ едва было даже, не успѣли. Именно будочникъ какого-то квартала въ Кирюшкиномъ переулкѣ схватилъ-было уже совершенно мертвеца за-воротъ на самомъ мѣстѣ злодѣянія, на покушеніи сдернуть фризovou шинель съ какого-то отставнаго музыканта, свиставшаго въ свое время на флейтѣ. Схвативши его за-воротъ, онъ вызвалъ своимъ крикомъ двухъ другихъ товарищей, которымъ поручилъ держать его, а самъ поѣлъ только на одну мину-

ту за сапогъ, чтобы вытащить оттуда тавлинку съ табакомъ, освѣжить на-время шесть разъ на вѣку примороженный носъ свой; но табакъ вѣрно былъ такого рода, котораго не могъ вынести даже и мертвецъ. Не успѣвъ будочникъ, закрывши пальцемъ свою правую ноздрю, потянуть лѣвою полгорсти, какъ мертвецъ чихнулъ такъ сильно, что совершенно забрызгалъ имъ всѣмъ троимъ глаза. Покамѣстъ они поднесли кулаки протереть ихъ, мертвеца и слѣдъ пропалъ, такъ-что они не знали даже, былъ ли онъ точно въ ихъ рукахъ. Съ-этихъ-поръ будочники получили такой страхъ къ мертвецамъ, что даже опасались хватать и живыхъ, и только издали покрикивали: «эй ты, ступай своею дорогою!» и мертвецъ-чиновникъ сталъ показываться даже за Каликинымъ мостомъ, наводя немалый страхъ на всѣхъ робкихъ людей. Но мы однако же совершенно оставили одно значительное лицо, которое по-настоящему едва ли не былъ причиною фантастическаго направленія впрочемъ совершенно истинной исторіи. Прежде всего долгъ справедливости требуетъ сказать, что одно значительное лицо скоро по уходѣ бѣднаго распеченнаго въ-пухъ Акакія Акакіевича, почувствовалъ что-то въ ротѣ ш.

дѣ сожалѣнія. Состраданіе было ему не чуждо; его сердцу были доступны многія добрыя движенія, несмотря на то, что чинъ весьма часто мѣшалъ имъ обнаруживаться. Какъ только вышелъ изъ его кабинета пріѣзжій пріятель, онъ даже задумался о бѣдномъ Акакіи Акакіевичѣ. И съ-этихъ-поръ почти всякій день представлялся ему блѣдный Акакій Акакіевичъ, не выдержавшій должностнаго распеканья. Мысль о немъ до такой степени тревожила его, что, недѣлю спустя, онъ рѣшился даже послать къ нему чиновника узнать, что онъ и какъ, и нельзя ли въ-самомъ-дѣлѣ чѣмъ помочь ему; и когда донесли ему, что Акакій Акакіевичъ умеръ скоропостижно въ горячкѣ, онъ остался даже пораженнымъ, слышалъ упрёки совѣсти и весь день былъ не въ-духъ. Желая сколько-нибудь развлечься и позабыть непріятное впечатлѣніе, онъ отправился на-вечеръ къ одному изъ пріятелей своихъ, у котораго нашолъ порядочное общество, а что всего лучше, всѣ тамъ были почти одного и того же чина, такъ-что онъ совершенно ничѣмъ не могъ быть связанъ. Это имѣло удивительное дѣйствіе на душевное его расположеніе. Онъ развернулся, сдѣлался пріятенъ въ разговоръ, любезенъ,

словомъ, провелъ вечеръ очень пріятно. За ужиномъ выпилъ онъ стакана два шампанскаго — средство, какъ извѣстно, не дурно дѣйствующее въ-разсужденіи веселости. Шампанское сообщило ему расположеніе къ разнымъ экстренностямъ, а именно: онъ рѣшилъ не ѣхать еще домой, а захватить къ одной знакомой дамѣ Каролинѣ Ивановнѣ, дамѣ, кажется, нѣмецкаго происхожденія, къ которой онъ чувствовалъ совершенно пріятельскія отношенія. Надобно сказать, что значительное лицо было уже человекъ не молодой, хорошій супругъ, почтенный отецъ семейства. Два сына, изъ которыхъ одинъ служилъ уже въ канцеляріи, и миловидная шестнадцатилѣтняя дочь съ нѣсколь-ко выгнутымъ, но хорошенькимъ носикомъ, приходили всякій день цаловать его руку, приговаривая: bon jour papa. Супруга его, еще женщина свѣжая и даже ни чуть недурная, давала ему прежде поцаловать свою руку, и потомъ переверотивши ее на другую сторону, цаловала его руку. Но значительное лицо, совершенно впрочемъ довольный домашними семейными нѣжностями, нашолъ приличнымъ имѣть для дружескихъ отношеній пріятельницу въ другой части города. Эта пріятельница была ни чуть

*

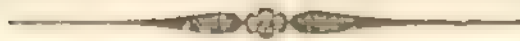
не лучше и не моложе жены его; но такія ужъ задачи бывають на свѣтѣ, и судить объ нихъ не наше дѣло. Итакъ значительное лицо сошелъ съ лѣстницы, сталъ въ сани и сказалъ кучеру: «къ Каролину Иванови» а самъ, закутавшись весьма роскошно въ теплую шинель, оставался въ томъ пріятномъ положеніи, лучше котораго и не выдумаешь для русскаго человека, то есть когда самъ ни о чемъ не думаешь, а между-тѣмъ мысли сами лѣзутъ въ голову одна другой пріятнѣе, не давая даже труда гоняться за ними и искать ихъ. Полный удовольствія, онъ слегка припоминалъ все веселыя мѣста проведеннаго вечера, все слова, заставившія хохотать небольшой кругъ, многія изъ нихъ онъ даже повторялъ въ-полголоса и нашолъ, что онъ все такъ же смѣшны, какъ и прежде, а потому не мудрено, что и самъ посмѣивался отъ души. Нзрѣдка мѣшалъ ему однако же порывистый вѣтеръ, который, выхватившись вдругъ, Богъ знаетъ откуда и нивѣсть отъ какой причины, такъ и рѣзалъ въ лицо, подбрасывая ему туда клочки снѣга, хлопуча, какъ парусъ, шинельный воротникъ, или вдругъ съ неестественною силою набрасывая ему его на голову и доставляя такимъ образомъ вѣчныя хлопоты изъ него выкарабкиваться.

Вдругъ почувствовалъ значительное лицо, что его ухватилъ кто-то весьма крѣпко за воротникъ. Обернувшись, онъ замѣтилъ человека небольшого роста въ старомъ поношенномъ вицмундирѣ, и не безъ ужаса узналъ въ немъ Акакія Акакіевича. Лицо чиновника было блѣдно, какъ снѣгъ, и глядѣло совершеннымъ мертвецомъ. Но ужасъ значительнаго лица превзошелъ всѣ границы, когда онъ увидѣлъ, что ротъ мертвеца прикрылся и, пахнувши на него страшно могилою, произнесъ такія рѣчи: «А! такъ вотъ ты наконецъ! наконецъ я тебя того, поймалъ за воротникъ! твоей-то шинели мнѣ и нужно! не похлопоталъ объ моей, да еще и распекъ—отдавай же теперь свою!» Блѣдное *значительное* лицо чуть не умеръ. Какъ ни былъ онъ характеренъ въ канцеляріи и вообще передъ нисшими, и хотя, взглянувши на одинъ мужественный видъ его и фигуру, всякій говорилъ: «у, какой характеръ!» но здѣсь онъ, подобно весьма многимъ имѣющимъ богатырскую наружность, почувствовалъ такой страхъ, что не безъ причины даже сталъ опасаться насчетъ какого-нибудь болѣзненнаго припадка. Онъ самъ даже скинулъ поскорѣе съ плечъ шинель свою и закричалъ кучеру не своимъ голосомъ:

«пошолъ во весь духъ домой!» Кучеръ, услышавши голосъ, который произносится обыкновенно въ рѣшительныя минуты и даже сопровождается кое-чѣмъ гораздо дѣйствительнѣйшимъ, упряталъ на всякій случай голову свою въ плечи, замахнулся кнутомъ и помчался, какъ стрѣла. Минуть въ шесть съ небольшимъ, значительное лицо уже былъ предъ подъѣздомъ своего дома. Блѣдный, перепуганный и безъ шинели, вмѣсто того, чтобы къ Каролинѣ Ивановнѣ, онъ пріѣхалъ къ себѣ, доплелся кое-какъ до своей комнаты и провелъ ночь весьма въ большомъ безпорядкѣ, такъ-что на другой день поутру за чаемъ дочь ему сказала прямо: «ты сегодня совсѣмъ блѣденъ, папа». Но папа молчалъ и никому ни слова о томъ, что съ нимъ случилось, и гдѣ онъ былъ, и куда хотѣлъ ѣхать. Это происшествіе сдѣлало на него сильное впечатлѣніе. Онъ даже гораздо рѣже сталъ говорить подчиненнымъ: «какъ вы смѣете, понимаете ли, кто передъ вами»; если же и произносилъ, то ужъ не прежде, какъ выслушавши сперва, въ чемъ дѣло. Но еще болѣе замѣчательно то, что съ-этихъ-поръ совершенно прекратилось появленіе чиновника-мертвеца: видно генеральская шинель приилась ему совершенно,

по плечамъ, по-крайней-мѣрѣ уже не было нигдѣ слышно такихъ случаевъ, чтобы сдергивали съ кого шинели. Впрочемъ многіе дѣятельные и заботливые люди никакъ не хотѣли успокоиться и поговаривали, что въ дальнихъ частяхъ города все еще показывался чиновникъ-мертвецъ. И точно, одинъ коломенскій будочникъ видѣлъ собственными глазами, какъ показалось изъ-за одного дома привидѣніе; но будучи по природѣ своей нѣсколько безсиленъ, такъ-что одинъ разъ обыкновенный взрослый поросенокъ, кинувшись изъ какого-то частнаго дома, сшибъ его съ ногъ, къ величайшему смѣху стоявшихъ вокругъ извозниковъ, съ которыхъ онъ вытребовалъ за такую издѣвку по грошу на табакъ, — итакъ будучи безсиленъ, онъ не посмѣлъ остановить его, а такъ шолъ за нимъ въ темнотѣ до-тѣхъ-поръ, пока наконецъ привидѣніе вдругъ оглянулось и, остановясь, спросило: «тебѣ чего хочется?» и показало такой кулакъ, какого и у живыхъ не найдешь. Будочникъ сказалъ: «ничего» да и поворотилъ тотъ же часъ назадъ. Привидѣніе однако же было уже гораздо выше ростомъ, носило пресогромные усы, и направивъ шаги, какъ

казалось, къ Обухову мосту скрылось совершенно въ ночной темнотѣ.

КОЛЯСА.

1707-1711

КОЛЯСКА.

Городъ Б. очень повеселѣлъ, когда началъ въ немъ стоять *** кавалерійскій полкъ; а до того времени было въ немъ страхъ скучно. Когда, бывало, проѣзжаешь его и взглянешь на низенькіе мазаные домики, которые смотрятъ на улицу до невѣроятности кисло, то.... невозможно выразить, что дѣлается тогда на сердцѣ: тоска такая, какъ-будто бы или проигрался, или от-

пустилъ некстати какую-нибудь глупость, однимъ словомъ: не хорошо. Глина на домахъ обвалилась отъ дождя, и стѣны, вмѣсто бѣлыхъ, сдѣлались пѣгими; крыши бѣльшею частію крыты тростникомъ. Какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ, садики, для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить. На улицахъ ни души не встрѣтишь, развѣ только пѣтухъ перейдетъ чрезъ мостовую, мягкую, какъ подушка, отъ лежащей на четверть пыли, которая при малѣйшемъ дождѣ превращается въ грязь, и тогда улицы городка Б. наполняются тѣми дородными животными, которыхъ тамошній городничій называетъ французами. Выставивъ серьезныя морды изъ своихъ вашиъ, онѣ поднимаютъ такое хрюканье, что проѣзжающему остается только погонять лошадей поскорѣе. Впрочемъ, проѣзжающаго трудно встрѣтить въ городкѣ Б. Рѣдко, очень рѣдко какой-нибудь помещикъ, имѣющій одиннадцать душъ крестьянъ, въ панковомъ сюртукѣ, тарабанить по мостовой въ какой-то полубричкѣ и полутележкѣ, выглядывая изъ за-наваленыхъ мучныхъ мѣшковъ и пристегивая гнѣдую кобылу, вельдъ за которою бѣжитъ жеребенокъ. Самая рыночная площадь

имѣеть нѣсколько печальный видъ: домъ портнаго выходитъ чрезвычайно глупо не всѣмъ фасадомъ, но угломъ; противъ него строится лѣтъ пятнадцать какое-то каменное строеніе о двухъ окнахъ, далѣе стоитъ самъ-по-себѣ модный досчатый дворъ, выкрашенный строю краскою подъ цвѣтъ грязи, который на образецъ другимъ строеніямъ воздвигъ городничій во время своей молодости, когда не имѣлъ еще обыкновенія спать тотчасъ послѣ обѣда и пить на-ночь какой-то декоктъ, заправленный сухимъ крыжовникомъ. Въ другихъ мѣстахъ все почти плетень; посреди площади самыя маленькія лавочки; въ нихъ всегда можно замѣтить связку баранковъ, бабу въ красномъ платкѣ, пудъ мыла, нѣсколько фунтовъ горькаго миндаля, дробь для стрѣлянія, демикотонъ и двухъ купеческихъ прикащиковъ, во всякое время играющихъ у дверей въ свайку. Но какъ началъ стоять въ уѣздномъ городкѣ Б. кавалерійскій полкъ, все перемѣнилось: улицы запестрѣли, оживились, словомъ, приняли совершенно другой видъ; низенькіе домики часто видѣли проходящаго мимо ловкаго, статнаго офицера съ султаномъ на головѣ, шедшаго къ товарищу поговорить о производствѣ, объ отлич-

нѣйшемъ табакъ, а иногда поставить на карточку дрожки, которыя можно было назвать полковыми, потому-что онѣ, не выходя изъ полку, успѣвали обходить всѣхъ: сего-дня катался на нихъ майоръ, завтра онѣ появлялись въ поручиковой конюшнѣ, а чрезъ недѣлю, смотри, опять майорскій деньщикъ подмазываетъ ихъ саломъ. Деревянный плетень между домами весь былъ усыпанъ висѣвшими на солнцѣ солдатскими фуражками; сѣрая шинель торчала непременно гдѣ-нибудь на воротахъ; въ переулкахъ попадались солдаты съ такими жесткими усами, какъ сапожныя щетки. Усы эти были видны во всѣхъ мѣстахъ; соберутся ли на рынокъ съ ковшиками мѣщанки, изъ-за плечъ ихъ, вѣрно, выглядываютъ усы. Офицеры оживили общество, которое до того времени состояло только изъ судьи, жившаго въ одномъ домѣ съ какою-то діаконицею, и городничаго, разсудительнаго человѣка, но спавшаго рѣшительно весь день: отъ обѣда до вечера и отъ вечера до обѣда. Общество сдѣлалось еще многочисленнѣе и занимательнѣе, когда переведена была сюда квартира бригаднаго генерала. Окружныя помѣщики, о существованіи которыхъ никто бы до того времени не дога-

дался, начали прїѣзжать почаще въ уѣздный городокъ, чтобы видѣться съ господами офицерами, а иногда поиграть въ банчикъ, который уже чрезвычайно темно грезился въ головѣ ихъ, захлопотанной посѣвами, женскими порученіями и зайцами. Очень жаль, что не могу припомнить, по какому обстоятельству случилось бригадному генералу давать большой обѣдъ; заготовленіе къ нему было сдѣлано огромное: стукъ поварскихъ ножей на генеральской кухнѣ былъ слышенъ еще близъ городской заставы. Весь совершенно рынокъ былъ забранъ для обѣда, такъ-что судья съ своею діаконицею долженъ былъ ѣсть одинъ только лепешки изъ гречневой муки, да крахмальный кисель. Небольшой дворикъ генеральской квартиры былъ весь уставленъ дрожками и колясками. Общество состояло изъ мужчинъ: офицеровъ и нѣкоторыхъ окружныхъ помѣщиковъ. Изъ помѣщиковъ болѣе всѣхъ былъ замѣчателенъ Пиногоръ Пиногоровичъ Чертокуцкій, одинъ изъ главныхъ аристократовъ Б . . . уѣзда, болѣе всѣхъ шумѣвшій на выборахъ и прїѣзжавшій туда въ щегольскомъ экипажѣ. Онъ служилъ прежде въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ и былъ однимъ изъ числа значительныхъ и

видныхъ офицеровъ; по-крайней-мѣрѣ его вида-ли на многихъ балахъ и собраніяхъ, гдѣ только кочевалъ ихъ полкъ; впрочемъ объ этомъ можно спросить у дѣвицъ Тамбовской и Симбирской губерній. Весьма можетъ быть, что онъ распустилъ бы и въ прочихъ губерніяхъ выгодную для себя славу, если бы не вышелъ въ отставку по одному случаю, который обыкновенно называется «непріятною исторіею»: онъ ли далъ кому-то въ старые годы оплеуху, или ему дали ее, объ этомъ навѣрное не помню, дѣло только въ томъ, что его попросили выйти въ отставку. Впрочемъ онъ этихъ ни чуть не уронилъ своего вѣсу: носилъ фракъ съ высокою таліей на манеръ военнаго мундира, на сапогахъ шпоры и подъ носомъ усы, потому-что безъ того дворяне могли бы подумать, что онъ служилъ въ пѣхотѣ, которую онъ презрительно называлъ иногда пѣхтурой, а иногда пѣхонтаріей. Онъ бывалъ на всѣхъ многолюдныхъ ярмаркахъ, куда внутренность Россіи, состоящая изъ мамокъ, дѣтей, дочекъ и толстыхъ помѣщиковъ, наѣзжала веселиться бричками, таратайками, тарантасами и такими каретами, какія и во снѣ никому не спались. Онъ пронохивалъ носомъ, гдѣ стоялъ ка-

валерійскій полкъ, и всегда прѣзжалъ видѣться съ господами офицерами. Очень ловко выскакивалъ передъ ними изъ своей легенькой колясочки, или дрожекъ, и чрезвычайно скоро знакомился. Въ прошлые выборы далъ онъ дворянству прекрасный обѣдъ, на которомъ объявилъ, что если только его выберутъ предводителемъ, то онъ поставитъ дворянъ на самую лучшую ногу. Вообще велъ себя по-барски, какъ выражаются въ уѣздахъ и губерніяхъ; женился на довольно хорошенькой; взялъ за нею двѣсти душъ приданого и нѣсколько тысячъ капитала. Капиталъ былъ тотчасъ употребленъ на шестерку дѣйствительно отличныхъ лошадей, вызолоченные замки къ дверямъ, ручную обезьяну для дома и француза-дворецкаго. Двѣсти же душъ вмѣстѣ съ двумя стами его собственныхъ были заложены въ ломбардъ, для какихъ-то коммерческихъ оборотовъ. Словомъ, онъ былъ помѣщикъ, какъ слѣдуетъ.... изрядный помѣщикъ. — Кроме его, на обѣдѣ у генерала было нѣсколько и другихъ помѣщиковъ, но объ нихъ нечего говорить. Остальные были всѣ военные того же полка и два штабъ-офицера: полковникъ и довольно толстый майоръ. Самъ генералъ былъ дюжъ и тучень,

томъ III. 21

впрочемъ хорошій начальникъ, какъ отзывались о немъ офицеры. Говорилъ онъ довольно густымъ значительнымъ басомъ. Обѣдъ былъ чрезвычайный: осетрина, бѣлуга, стерляди, дрофы, спаржа, перепелки, куропатки, грибы доказывали, что поваръ еще со вчерашняго дня не бралъ въ ротъ горячаго, и четыре солдата съ ножами въ рукахъ работали на-помощь ему всю ночь фрикесе и желе. Бездна бутылокъ, длинныхъ съ лафитомъ, короткошейныхъ съ мадерою, прекрасный лѣтній день, окна, открытыя напролетъ, тарелки со льдомъ на столъ, растрепанная маншинка у владельцев окладистаго фрака, перекрестный разговоръ, покрываемый генеральскимъ голосомъ и заливаемый шампанскимъ, — все отвѣчало одно другому. После обѣда все встали съ пріятною тяжестью въ желудкахъ и, закуривъ трубки съ длинными и короткими чубуками, вышли съ чашками кофе въ рукахъ на крыльцо.

«Вотъ ее можно теперь посмотреть», сказалъ генералъ: «пожалуста, любезнѣйшій» примолвилъ онъ, обращаясь къ своему адъютанту, довольно ловкому молодому человѣку пріятной наружности: «прикажи, чтобы привели сюда гнѣдую кобылу! вотъ вы увидите сами». Тутъ ге-

генералъ потянулъ изъ трубки и выпустилъ дымъ:
«она еще не слишкомъ въ холъ: проклятый го-
родничка, итъ порядочной конюшни. Лошадь,
пуфъ, пуфъ, очень порядочная».

«И давно, ваше превосходительство, пуфъ, пуфъ,
изволите имѣть ее?» сказалъ Чертокуцкій.

«Пуфъ, пуфъ, пуфъ, пу... пуфъ, не такъ дав-
но; всего только два года, какъ она взята мною
съ завода».

«И получить ее изволили объѣзженную, или
уже здѣсь изволили объѣздить?»

«Пуфъ, пуфъ, пу, пу, пу, ...у...у...фъ,
здѣсь» сказавши это, генералъ весь исчезъ въ
дымъ.

Между-тѣмъ изъ конюшни выпрыгнуть сол-
даты, слышался стукъ копытъ, наконецъ по-
казался другой въ бѣломъ балахонѣ съ черны-
ми огромными усами, ведя за узду вздрагивав-
шую и пугавшуюся лошадь, которая вдругъ,
поднявъ голову, чуть не подняла вверхъ присѣв-
шаго къ землѣ солдата вмѣстѣ съ его усами.
«Ну жъ, ну! Аграфена Ивановна!» говорилъ онъ,
подводя ее подъ крыльцо.

Кобыла называлась Аграфена Ивановна: крѣп-
кая и дикая, какъ южная красавица, она гряну-

ла копытами въ деревянное крыльцо и вдругъ остановилась.

Генералъ, опустивши трубку, началъ смотрѣть съ довольнымъ видомъ на Аграфену Ивановну. Самъ полковникъ, сошедши съ крыльца, взялъ Аграфену Ивановну за морду. Самъ майоръ потрепалъ Аграфену Ивановну по ногѣ, прочіе пощолкали языкомъ.

Чертокуцкій сошелъ съ крыльца и зашелъ ей взадъ. Солдатъ, вытянувшись и держа узду, глядѣлъ прямо посѣтителемъ въ глаза, будто бы хотѣлъ вскочить въ нихъ.

«Очень, очень хорошая!» сказалъ Чертокуцкій: «статистая лошадь! а позвольте, ваше превосходительство, узнать, какъ она ходитъ?»

«Шагъ у нея хорошъ; только.... чортъ его знаетъ....этотъ дуракъ фельдшеръ далъ ей какихъ-то пилюль, и вотъ уже два дня все чихаетъ».

«Очень, очень хороша! А имѣете ли, ваше превосходительство, соотвѣтствующій экипажъ?»

«Экипажъ?... Да вѣдь это верховая лошадь».

«Я это знаю; но я спросилъ, ваше превосходительство, для того, чтобы узнать, имѣете ли и къ другимъ лошадямъ соотвѣтствующій экипажъ?»

«Ну, экипажей у меня не слишкомъ достаточно. Мнѣ, признаться вамъ сказать, давно хочется имѣть нынѣшнюю коляску. Я писалъ объ этомъ къ брату моему, который теперь въ Петербургѣ, да не знаю, пришлетъ ли онъ, или нѣтъ».

«Мнѣ кажется, ваше превосходительство замѣтилъ полковникъ: «нѣтъ лучше коляски, какъ вѣнская».

«Вы справедливо думаете, пухъ, пухъ, пухъ».

«У меня, ваше превосходительство, есть чрезвычайная коляска настоящей вѣнской работы».

«Какая? та, въ которой вы пріѣхали?»

«О нѣтъ; это такъ, разъѣздная, собственно для моихъ поѣздокъ, но та.... это удивительно, легка, какъ перышко, а когда вы сидите въ нее, то просто какъ бы, съ позволенія вашего превосходительства, нянька васъ въ люлькѣ качала?»

«Стало-быть покойна?»

«Очень, очень покойна; подушки, рессоры, это все, какъ-будто на картинкѣ нарисовано».

«Это хорошо».

«А ужъ укладиста какъ! то есть, я, ваше превосходительство, и не видывалъ еще такой. Ко-

гда я служилъ, то у меня въ ящики помѣщалось десять бутылокъ рому и двадцать фунтовъ табаку, кромѣ того со мною еще было около шести мундировъ, бѣлье и два чубука, ваше превосходительство, самые длинныя, а въ карманы можно цѣлаго быка помѣстить».

«Это хорошо».

«Я, ваше превосходительство, заплатилъ за нее четыре тысячи».

«Судя по цѣнѣ, должна быть хороша; и вы купили ее сами?»

«Нѣтъ, ваше превосходительство, она досталась по случаю. Ее купилъ мой другъ, рѣдкій человекъ, товарищъ моего дѣтства, съ которымъ бы вы сошлись совершенно; мы съ нимъ, что твое, что мое—все равно. Я выигралъ ее у него въ карты. Не угодно ли, ваше превосходительство, сдѣлать мнѣ честь пожаловать завтра ко мнѣ отобѣдать, и коляску вмѣстѣ посмотрите».

«Я не знаю, что вамъ на это сказать. Мнѣ одному какъ-то.... Развѣ ужъ позволите вмѣстѣ съ господами офицерами».

«И господъ офицеровъ прошу покорнѣйше. Господа! я почту себя за большую честь имѣть удовольствіе видѣть васъ въ своемъ домѣ».

Полковникъ, майоръ и прочіе офицеры отблагодарили учтивымъ поклономъ.

«Я, ваше превосходительство, самъ того мнѣнія, что если покупать вещь, то непременно хорошую; а если дурную, то нечего и заводить. Вотъ у меня, когда сдѣлаете мнѣ честь завтра пожаловать, я покажу кое-какія статьи, которыя я самъ завелъ по хозяйственной части».

Генералъ посмотрѣлъ и выпустилъ изо рту дымъ.

Чертокуцкій былъ чрезвычайно доволенъ, что пригласилъ къ себѣ господъ офицеровъ; онъ ранѣе заказывалъ въ головъ своей паштеты и соусы, посматривалъ очень весело на господъ офицеровъ, которые также съ своей стороны какъ-то удвоили къ нему свое расположеніе, что было замѣтно изъ глазъ ихъ и небольшихъ тѣлодвиженій въ родѣ полупоклоновъ. Чертокуцкій выступаетъ впередъ както развязнѣе, и голосъ его принялъ расслабленіе: выраженіе голоса, обремененнаго удовольствіемъ.

«Тамъ, ваше превосходительство, познакомитесь съ хозяйкой дома».

«Мнѣ очень пріятно» сказалъ генералъ, поглаживая усы.

Ожеро велѣно атаковать. Сентъ-Пьеръ и Мюратъ должны были поддерживать его. Едва всколебались ряды, при кликахъ: *Vive l'Empereur*, небо, до того покрытое снѣговыми тучами, закрутилось порывомъ страшной мятели. Снѣгъ повалилъ ключьями; вихрь несся и вертелъ его, такъ, что въ двухъ шагахъ ничего нельзя было видѣть. Когда пролетѣла мгновенная мятель, битва явила весьма невыгодное положеніе Французовъ. Мятель остановила движеніе впередъ Сентъ-Пьера и Мюрата, но Ожеро велъ свои полки безостановочно, сбился съ направленія, уклонился влево и попалъ прямо на батарею въ центрѣ. Семдесятъ пушекъ встрѣтили его тучею картечи. Французы вздрогнули, отшатнулись, но сдвинувшись правѣе, Ожеро принялъ былъ на штыки Дохтуровымъ и Эссеномъ, когда съ лѣва страшно билъ его Русскія пушки, а справа повелъ кавалерійскія атаки князь Голицынъ. Положеніе было гибельно, но Ожеро хотѣлъ лучше погибнуть, нежели уступить. Солдаты, одушевленные имъ, бились на смерть. Дежарденъ палъ со всею своею дивизіею. За нимъ легла дивизія Гёделе, по нѣмъ было тяжело раненъ. Ожеро также раненъ. Наполеонъ велѣлъ спѣшить на выручку Сентъ-Пьеру, Бессьеру и Мюрату. Пока, подъ защитою Сентъ-Пьера, отступалъ въ безпорядкѣ Ожеро, запальчиво понесся Мюратъ съ 12-ю тысячами всадниковъ. Все уступило ему. Русскіе ряды были прорваны, но Мюратъ не замѣчалъ, что его никто не поддерживаетъ, и что Русскіе смыкаются сзади его. Онъ

игравшіе, сидѣвшіе на диванахъ въ сторонѣ, вели свой разговоръ. Въ одномъ углу штабъ-ротмистръ, подложивши себѣ подъ бокъ подушку, съ трубкою въ зубахъ, рассказывалъ довольно свободно и плавно любовныя свои приключенія и овладѣлъ совершенно вниманіемъ собравшагося около него кружка. Одинъ чрезвычайно толстый помѣщикъ съ короткими руками, нѣсколько похожими на два выросшіе картофеля, слушалъ съ необыкновенно-сладкою миною, и только по временамъ силится заустить коротенькую свою руку за широкую спину, чтобъ вытащить оттуда табакерку. Въ другомъ углу завязался довольно жаркій споръ объ эскадронномъ ученіи, и Чертокуцкій, который въ это время уже вмѣсто дамы два раза сбросилъ валета, вмѣшивался вдругъ въ чужой разговоръ и кричалъ изъ своего угла: «въ которомъ году?» или «какого полка?» не замѣчая, что иногда вопросъ совершенно не приходился къ дѣлу. Наконецъ за нѣсколько минутъ до ужина, вистъ прекратился, но онъ продолжался еще на словахъ, и казалось, головы всѣхъ были полны вистомъ. Чертокуцкій очень помнилъ, что выигралъ много, но руками не взялъ ничего, и вставши изъ-за стола, долго

стоялъ въ положеніи чловѣка, у котораго нѣтъ въ карманѣ носоваго платка. Между-тѣмъ подали ужинъ. Само-собою разумѣется, что въ винахъ не было недостатка, и что Чертокуцкій почти невольно долженъ былъ иногда наливать въ стаканъ себѣ, потому-что направо и налево стояли у него бутылки.

Разговоръ затянулся за столомъ предлинный, но впрочемъ както странно онъ былъ веденъ: одинъ полковникъ, служившій еще въ кампанію 1812 года, разсказалъ такую баталію, какой никогда не было, и потомъ, совершенно не извѣстно по какимъ причинамъ, взялъ пробку отъ графина и воткнулъ ее въ пирожное. Словомъ, когда начали развѣзжаться, уже было три часа, и кучера должны были нѣсколькихъ особъ взять въ охапку, какъ бы узелки съ покупкою, и Чертокуцкій, несмотря на весь аристократизмъ свой, сидя въ коляскѣ, такъ низко кланялся и съ такимъ размахомъ головы, что, пріѣхавши домой, привезъ въ усахъ своихъ два рѣпейника.

Въ домѣ все совершенно спало; кучеръ едва могъ сыскать камердинера, который проводилъ господина чрезъ гостиную, сдалъ горничной дѣвушкѣ, за которою кое-какъ Чертокуцкій до-

брався до спальни и улегся возлѣ своей молоденькой и хорошенькой жены, лежавшей прелестнѣйшимъ образомъ, въ бѣломъ, какъ снѣгъ, спальномъ платьѣ. Движеніе, произведенное паденіемъ ея супруга на кровать, разбудило ее.

Протянувшись, поднявши рѣсницы и три раза быстро замуривши глаза, она открыла ихъ съ полусердитою улыбкою; но видя, что снѣ рѣшительно не хочетъ оказать на этотъ разъ никакой ласки, съ досады поворотилась на другую сторону, и положивъ свѣжую свою щеку на руку, скоро послѣ него заснула.

Было уже такое время, которое по деревнямъ не называется рано, когда проснулась молодая хозяйка подлѣ храпѣвшаго супруга. Вспомнивши, что онъ возвратился вчера домой въ четвертомъ часу ночи, она пожалѣла будить его, и надѣвъ спальные башмачки, которые супругъ ея вынесалъ изъ Петербурга, въ бѣлой кофточкѣ, драпировавшейся на ней, какъ льющаяся вода, она вышла въ свою уборную, умылась свѣжею, какъ сама, водою и подошла къ туалету. Взглянувши на себя раза два, она увидѣла, что сегодня очень недурна. Это, по-видимому незначительное обстоятельство заставило ее просидѣть передъ зерка-

ломъ ровно два часа лишнихъ. Наконецъ она одѣлась очень мило и вышла освѣжиться въ садъ. Какъ нарочно, время было тогда прекрасное, какимъ можетъ только похвалиться лѣтній южный день. Солнце, вступивши на полдень, жарило всею силою лучей; но подъ темными густыми аллеями гулять было прохладно, и цветы, пригрѣтые солнцемъ, утroyали свой запахъ. Хорошенькая хозяйка вовсе позабыла о томъ, что уже двѣнадцать часовъ, а супругъ ея спить. Уже доходило до слуха ея послѣобѣденное храпѣнье двухъ кучеровъ и одного форейтора, спавшихъ въ конюшнѣ, находившейся за садомъ. Но она все сидѣла въ густой аллеѣ, изъ которой былъ открытъ видъ на большую дорогу, и разсѣянно глядѣла на безлюдную ея пустышность, какъ вдругъ показавшаяся вдали пыль привлекла ея вниманіе. Всмотрѣвшись, она скоро увидѣла нѣсколько экипажей. Впереди ѣхала открытая двумѣстная легенькая колясочка; въ ней сидѣлъ генералъ съ толстыми, блестящими на солнцѣ эполетами и рядомъ съ нимъ полковникъ. За ней слѣдовала другая четверомѣстная; въ ней сидѣлъ майоръ съ генеральскимъ адъютантомъ и еще двумя насупротивъ сидѣв-

ними офицерами; за коляской слѣдовали извѣстныя всѣмъ полковыя дрожки, которыми владѣлъ на этотъ разъ тучный майоръ; за дрожками четверомѣстный бонвояжъ, въ которомъ сидѣли четыре офицера и пятый на рукахъ; за бонвояжемъ рисовались три офицера на прекрасныхъ гнѣдыхъ лошадяхъ въ темныхъ яблокахъ.

«Неужели это къ намъ?» подумала хозяйка дома: «ахъ, Боже мой! въ-самомъ-дѣлѣ они поворотили на мостъ!» Она вскрикнула, всплеснула руками и побѣжала чрезъ клумбы и цвѣты прямо въ спальню своего мужа. Онъ спалъ мертвецки.

«Вставай, вставай! вставай скорѣе!» кричала она, дергая его за руку.

«А?» проговорилъ, потягиваясь Чертокуцкій, не раскрывая глазъ.

«Вставай, пульпультикъ! слышишь ли? гости!»

«Гости? какіе гости?» сказавши это, онъ испустилъ небольшое мычаніе, какое издаетъ теленокъ, когда щетъ мордою сосцовъ своей матери. «Мм»... ворчалъ онъ: «протяни, моньмуля, свою шейку! я тебя поцалую».

«Душенька, вставай ради Бога скорѣй. Гене-

ралъ съ офицерами! Ахъ, Боже мой, у тебя въ усахъ репейникъ».

«Генералъ? А, такъ онъ уже ѣдетъ? Да, что же это, чортъ возьми, меня никто не разбудилъ. А обѣдъ, чтожъ обѣдъ, все ли тамъ, какъ слѣдуетъ, готово?»

«Какой обѣдъ?»

«А я развѣ не заказывалъ».

«Ты? ты пріѣхалъ въ четыре часа ночи, и сколько я ни спрашивала тебя, ты ничего не сказалъ мнѣ. Я тебя, пульпультикъ, потому не будила, что мнѣ жаль тебя стало: ты ничего не спалъ»... Последнія слова сказала она чрезвычайно томнымъ и умоляющимъ голосомъ.

«Чертокуцкій, вытаращивъ глаза, минуту лежалъ на постели, какъ громомъ пораженный; наконецъ вскочилъ онъ въ одной рубашкѣ съ постели, позабывши, что это вовсе неприлично.

«Ахъ, я лошадь!» сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу: «я звалъ ихъ на обѣдъ. Что дѣлать? далеко ли они?»

«Я не знаю... они должны сію минуту уже быть».

«Душенька... спрячься!... Эй, кто тамъ! ты, дѣвчонка! ступай, чего дура боишься, пріѣдутъ

офицеры сію минуту: ты скажи, что барина нѣтъ дома, скажи, что и не будетъ совсѣмъ, что еще съ утра выѣхалъ, слышишь? и дворовымъ всѣмъ объяви, ступай скорѣе!»

Сказавши это, онъ схватилъ на-соро халатъ и побѣжалъ спрятаться въ экипажный сарай, полагая тамъ положеніе свое совершенно безопаснымъ. Но ставши въ углу сарая, онъ увидѣлъ, что и здѣсь можно было его какъ-нибудь видѣть. «А вотъ это будетъ лучше» мелькнуло въ его головѣ, и онъ въ одну минуту отбросилъ ступени близстоящей коляски, вскочилъ туда, закрылъ за собою дверцы, для бѣльшей безопасности закрылся фартукомъ и кожею, и притихъ совершенно, согнувшись въ своемъ халатѣ.

Между-тѣмъ экипажи подъѣхали къ крыльцу.

«Вышелъ генералъ и встряхнулся; за нимъ полковникъ, поправляя руками султанъ на своей шляпѣ; потомъ соскочилъ съ дрожекъ толстый майоръ, держа подъ-мышкою саблю; потомъ выпрыгнули изъ бонволяжа тоненькіе подпоручики съ сидѣвшимъ на рукахъ прапорщикомъ, наконецъ сошли съ сѣделъ рисовавшіеся на лошадяхъ офицеры.

«Барина нѣтъ дома» сказалъ, выходя на крыльцо лакей.

«Какъ нѣтъ? стало-быть, онъ однакожъ будетъ къ обѣду?»

«Никакъ нѣтъ. Они уѣхали на весь день. Завтра развѣ около этого только времени будутъ».

«Вотъ тебѣ на!» сказалъ генералъ: «какъ же это?...»

«Признаюсь, это штука» сказалъ полковникъ, смѣясь.

«Да нѣтъ, какъ же этакъ дѣлать?» продолжалъ генералъ съ неудовольствіемъ: «Фить... Чортъ... Ну не можешь принять, зачѣмъ напращиваться?»

«Я, ваше превосходительство, не понимаю, какъ можно это дѣлать» сказалъ одинъ молодой офицеръ.

«Что?» сказалъ генералъ, имѣвшій обыкновеніе всегда произносить эту вопросительную частицу, когда говорилъ съ оберъ-офицеромъ.

«Я говорилъ, ваше превосходительство, какъ можно поступать такимъ образомъ».

«Натурально... Ну не случилось что ли — дай знать по-крайней-мѣрѣ, или не проси.»

«Чтожъ, ваше превосходительство, нечего дѣ-
лать, поѣдемте назадъ!» сказалъ полковникъ.

«Разумѣется, другаго средства нѣтъ. Впрочемъ
коляску мы можемъ посмотреть и безъ него. Онъ,
вѣрно, ее не взялъ съ собою. Эй, кто тамъ? по-
дойди, братецъ, сюда!»

«Чего изволите?»

«Ты конюхъ?»

«Конюхъ, ваше превосходительство».

«Покажи-ка намъ новую коляску, которую не-
давно досталъ баринъ».

«А вотъ пожалуйста въ сарай».

Генералъ отправился вмѣстѣ съ офицерами въ
сарай.

«Вотъ извольте, я ее немного выкачу, здѣсь
темненько».

«Довольно, довольно, хорошо!»

Генералъ и офицеры обошли вокругъ коляску
и тщательно осмотрѣли колеса и рессоры.

«Ну, ничего нѣтъ особеннаго» сказалъ гене-
ралъ: «коляска самая обыкновенная».

«Самая неказистая» сказалъ полковникъ: «совер-
шенно нѣтъ ничего хорошаго».

«Мнѣ кажется, ваше превосходительство, она
томъ III.

совсѣмъ не стоитъ четырехъ тысячъ» сказалъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ.

«Что?»

«Я говорю, ваше превосходительство, что, мнѣ кажется, она не стоитъ четырехъ тысячъ».

«Какое четырехъ тысячъ! она и двухъ не стоитъ. Просто, ничего нѣтъ. Развѣ внутри есть что-нибудь особенное... Пожалуста, любезный, отстегни кожу»...

И глазамъ офицеровъ предсталъ Чертокуцкій, сидящій въ халатѣ и согнувшійся необыкновеннымъ образомъ.

«А, вы здѣсь!»... сказалъ изумившійся генералъ.

Сказавши это, генералъ тутъ же захлопнулъ дверцы, закрылъ опять Чертокуцкаго фартукомъ и уѣхалъ вѣсть съ господами офицерами.

ЗАПИСКИ СУМАШЕДШАГО.

THE END OF THE WORLD

ЗАПИСКИ СУМАВЕДЦАГО.

=

Октября 3.

Сегодняшняго дня случилось необыкновенное приключеніе. Я всталъ поутру довольно поздно, и когда Мавра принесла мнѣ вычищенные сапоги, я спросилъ: «какой часъ?» услышавши, что уже давно было десять, я поспѣшилъ поскорѣе одѣться. Признаюсь, я бы совсѣмъ не пошелъ въ департаментъ, зная заранѣе, какую кислую мину сдѣлаетъ нашъ начальникъ отдѣленія.

Онъ уже давно мнѣ говорить: «что это у тебя, братецъ, въ головѣ всегда еролашъ такой? ты иной разъ мечешься, какъ угорьный, дѣло подчасъ такъ спутаешь, что самъ сатана не разберетъ, въ титулѣ поставишь маленькую букву, не выставишь ни числа, ни нумера». Проклятая цапля! онъ, вѣрно, завидуетъ, что я сижу въ директорскомъ кабинетѣ и очиниваю перья для его превосходительства. Словомъ, я не пошолъ бы въ департаментъ, еслибы не надежда видѣться съ казначеемъ и авось-либо выпросить у этого жида хоть сколько-нибудь изъ жалованья впередъ. Вотъ еще созданіе! Чтобы онъ выдалъ когда-нибудь впередъ за мѣсяцъ деньги — Господи Боже мой! да скорѣе страшный судъ придетъ. Проси, хоть тресни, хоть будь въ разнуздѣ — не выдастъ, съдой чортъ. А на квартирѣ собственная кухарка бьетъ его по щекамъ; это всему свѣту извѣстно. Я не понимаю выгодъ служить въ департаментъ: никакихъ совершенно ресурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи, гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ, смотришь, иной прижался въ самомъ уголку и пописываетъ. Фрачинка на немъ гадкій, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, ка-

кую онъ дачу нанимаетъ! Фарфоровой вызолоченной чашки и не носи къ нему: это, говоритъ, докторскій подарокъ, а ему давай пару рыжиковъ, или дрожки, или бобра рублей въ триста. Съ виду такой тихенькій, говоритъ такъ деликатно: «одолжите ножичка починить перышко», а тамъ обчистить такъ, что только одну рубашку оставить на проситель. Правда, у насъ зато служба благородная, чистота во всемъ такая, какой во-вѣки не видѣть губернскому правленію: столы изъ краснаго дерева, и всѣ начальники на вы. Да, признаюсь, еслибы не благородство службы, я бы давно оставилъ департаментъ.

Я надѣлъ старую шинель и взялъ зонтикъ, потому-что шолъ проливной дождикъ. На улицахъ не было никого; одни только бабы, накрывшись полами, да русскіе купцы подъ зонтиками, да кучера попадались мнѣ на глаза. Изъ благородныхъ, только нашъ братъ, чиновникъ плелся. Я увидѣлъ его на перекресткѣ. Я, какъ увидѣлъ его, тотчасъ сказалъ себѣ: «эге! нѣтъ, голубчикъ, ты не въ департаментъ идешь, ты спѣшишь вонъ за тою, что бѣжить впереди и глядишь на ся ножки». Что это за бестія нашъ братъ

чиновникъ! Ейбогу не уступить никакому офицеру: пройди какая-нибудь въ шляпкѣ, непременно зацѣпить. Когда я думалъ это, увидѣлъ подъѣхавшую карету къ магазину, мимо котораго я проходилъ. Я сейчасъ узналъ ее: это была карета нашего директора. Но ему не зачѣмъ въ магазинъ, я подумалъ: вѣрно, это его дочка. Я прижался къ стѣнкѣ. Лакей отворилъ дверцы, и она выпорхнула изъ кареты, какъ птичка. Какъ взглянула она направо и налево, какъ мелькнула своими бровями и глазами.... Господи, Боже мой! пропалъ я, пропалъ совсѣмъ. И зачѣмъ ей выѣзжать въ такую дождевую пору. Утверждай теперь, что у женщинъ не велика страсть ко всѣмъ этимъ тряпкамъ. Она не узнала меня, да и я самъ нарочно старался закутаться какъ можно болѣе, потому-что на мнѣ была шинель очень запачканная и притомъ стараго фасону; теперь плащи носятъ съ длинными воротниками, а на мнѣ были коротенькіе, одинъ на другомъ; да и сукно совсѣмъ не дегатированное. Собачонка ея, не успѣвши вскочить въ дверь магазина, осталась на улицѣ. Я знаю эту собачонку. Ее зовутъ: Меджи. Не успѣлъ я пробыть минуту, какъ вдругъ слышу тоненькій голосокъ: «здрав-

ствуй, Меджи!» вотъ тебѣ на! кто это говоритъ! Я осмотрѣлся и увидѣлъ подъ зонтикомъ шедшихъ двухъ дамъ: одну старушку, другую молоденькую; но онѣ уже прошли, а возлѣ меня опять раздалось: «грѣхъ тебѣ, Меджи!» Что за чортъ! я увидѣлъ, что Меджи обнюхивалась съ собачонкою, шедшею за дамами. «Эге!» сказалъ я самъ-себѣ: «да полно не пьянъ ли я?» только это, кажется, со мною рѣдко случается. «Нѣтъ, Фидель, ты напрасно думаешь» я видѣлъ самъ, что произнесла Меджи: «я была, авъ! авъ! я была, авъ, авъ, авъ! очень больна». Ахъ ты жъ собачонка! Признаюсь, я очень удивился, услышавъ ее говорящую по-человѣчески. Но послѣ, когда я сообразилъ все это хорошенько, то пересталъ удивляться. Дѣйствительно на свѣтъ уже случилось множество подобныхъ примѣровъ. Говорятъ, въ Англіи выплыла рыба, которая сказала два слова на такомъ странномъ языкѣ, что ученые уже три года стараются опредѣлить и еще до-сихъ-поръ ничего не открыли. Я читалъ тоже въ газетахъ о двухъ коровахъ, которыя пришли въ лавку и спросили себѣ фунтъ чаю. Но, признаюсь, я гораздо болѣе удивился, когда Меджи сказала: «я писала къ тебѣ, Фи-

дель; вѣрно, Полканъ не принесъ письма моего!»
Да чтобъ я не получилъ жалованья! Я еще въ жизни не слыхалъ, чтобы собака могла писать. Это меня удивило. Признаюсь, съ недавняго времени я начинаю иногда слышать и видѣть такія вещи, которыхъ никто еще не видывалъ и не слыхивалъ. «Пойду-ка я», сказалъ я самъ-себѣ: «за этой собачонкою и узнаю, что она, и что такое думаетъ. Я развернулъ свой зонтикъ и отправился за двумя дамами. Перешли въ Гороховую, поворотили въ Мѣщанскую, оттуда въ Столярную, наконецъ къ Кокушкину мосту и остановились передъ большимъ домомъ. Этотъ домъ я знаю, сказалъ я самъ-себѣ. Это домъ Звѣркова. Эка машина! Какого въ немъ народа не живетъ: сколько кухарокъ, сколько пріѣзжихъ! а нашей брати, чиновниковъ, какъ собакъ, одинъ на другомъ сидитъ. Тамъ есть и у меня одинъ пріятель, который хорошо играетъ на трубѣ. Дамы вошли въ пятый этажъ. Хорошо, подумалъ я, теперь не пойду, а замѣчу мѣсто и при первомъ случаѣ непременно воспользоваться.

Октября 4.

Сегодня среда, и потому я былъ у нашего начальника въ кабинетъ. Я нарочно пришолъ пораньше и, засѣвши, перечинилъ весь перья. Нашъ директоръ долженъ быть очень умный человекъ. Весь кабинетъ его уставленъ шкафами съ книгами. Я читалъ названіе нѣкоторыхъ: все учоность, такая учоность, что нашему брату и пристуну нѣтъ: все или на французскомъ, или на нѣмецкомъ. А постотрѣть въ лицо ему: фу, какая важность сіяетъ въ глазахъ! Я еще никогда не слышалъ, чтобы онъ сказалъ лишнее слово. Только развѣ, когда подашь бумаги, спросить: «каково на дворъ?» — «Сыро, ваше превосходительство!» Да, не нашему брату чета! государственный человекъ. Я замѣчаю однако же, что онъ меня особенно любить. Если бы и дочка.... эхъ канальство!... ничего, ничего, молчаніе! — Читалъ Пчолку. Эка глупый народъ французы! взялъ бы ейбогу, ихъ всѣхъ, да и перепоролъ розгами! Тамъ же читалъ очень пріятное изображеніе бала, описанное курскимъ помѣщикомъ. Курскіе помѣщики хорошо пишутъ. Послѣ этого замѣтилъ я, что уже было половину пер-

ваго, а Нашъ не выходилъ изъ своей спальни. Но около половины втораго случилось происшествіе, котораго никакое перо не опишетъ. Отворилась дверь, я думалъ, что директоръ, и вскочилъ со стула съ бумагами; но это была она, она сама! святители! какъ она была одѣта! платье на ней было бѣлое, какъ лебедь: фу какое пышное! а какъ глянула: солнце! ейбогу, солнце! Она поклонилась и сказала: «папа здѣсь не было?» Ай, ай, ай! какой голосъ! канарейка, право канарейка! «Ваше превосходительство!» хотѣлъ я было сказать: «не прикажите казнить, а если уже хотите казнить, то казните вашею генеральскою рукою». Да, чортъ возьми, какъ-то языкъ не поворотился, и я сказалъ только: «никакъ нѣтъ-съ». Она поглядѣла на меня, на книги, и уронила платокъ. Я кинулся со всѣхъ ногъ, поскользнулся на проклятомъ паркетъ и чуть-чуть не расклевалъ носа, однако жъ удержался и поднялъ платокъ. Святые! какой платокъ! тончайшій батистовый — амбра, совершенная амбра! такъ и дышитъ отъ него генеральствомъ. Она поблагодарила и чуть-чуть усмѣхнулась, такъ-что сахарныя губки ея почти не тронулись, и послѣ этого ушла. Я еще часъ сидѣлъ, какъ

вдругъ пришолъ лакей и сказалъ: «ступайте, Аксентій Ивановичъ, домой, баринъ уже уѣхалъ изъ дому». Я терпѣть не могу лакейскаго круга: всегда развалится въ передней и хоть бы головою потрудился кивнуть. Этого мало: одинъ разъ одна изъ этихъ бестій вздумала меня, не вставая съ мѣста, потчивать табачкомъ. Да знаешь ли ты глупый холопъ, что я чиновникъ, я благороднаго происхожденія? Однакожъ я взялъ шляпу и надѣлъ самъ на себя шинель, потому-что эти господа никогда не подадутъ, и вышелъ. Дома бѣльшею частію лежалъ на кровати. Потомъ переписалъ очень хорошіе стихи: «Душеньки часокъ не видя, Думалъ, годъ ужъ не видалъ; Жизнь мою возненавидя, Лѣзя ли жить мнѣ, я сказалъ». Должно быть Пушкина сочиненіе. Вечеру, закутавшись въ шинель, ходилъ къ подъѣзду съ превосходительства и поджидалъ долго, не выйдетъ ли свѣтъ въ карету, чтобы посмотреть еще разикъ, — но нѣтъ, не выходила.

—
Ноября 6.

Разбѣсилъ начальникъ отдѣленія. Когда я пришолъ въ департаментъ, онъ подозвалъ меня къ

себѣ и началъ мнѣ говорить такъ: «Ну скажи пожалуйста, что ты дѣлаешь?»—«Какъ что? Я ничего не дѣлаю?»—отвѣчалъ я. «Ну размысли хорошенько! вѣдь тебѣ уже за сорокъ лѣтъ—пора бы ума набраться. Что ты воображаешь себѣ? Ты думаешь, я не знаю всѣхъ твоихъ проказъ? Вѣдь ты волочись за директорскою дочерью! Ну посмотри на себя, подумай только, что ты? вѣдь ты нуль, болѣе ничего. Вѣдь у тебя нѣтъ ни гроша за душою. Взгляни хоть въ зеркало на свое лицо: куда тебѣ думать о томъ?» Чортъ возьми, что у него лицо похоже нѣсколько на антекарскій пузырьрекъ, да на головѣ клочокъ волосъ, завитой хохолкомъ, да держитъ ее кверху, да примазываетъ ее какою-то розеткою, такъ уже думаетъ, что ему только одному все можно. Понимаю, понимаю, отчего онъ злится на меня: ему завидно; онъ увидѣлъ, можетъ-быть, предпочтительно мнѣ оказываемые знаки благорасположенности. Да я плюю на него! Велика важность надворный совѣтникъ! вывѣсилъ золотую цѣпочку къ часамъ, заказываетъ сапоги по тридцати рублей—да чортъ его поberi! я развѣ изъ какихъ-нибудь разночинцевъ, изъ портныхъ, или изъ унтеръ-офицерскихъ дѣтей? Я дворянинъ.

Чтожъ, и я могу дослужиться. Мнѣ еще сорокъ два года — время такое, въ которое понастоящему только-что начинается служба. Погоди, пріятель! будемъ и мы полковникомъ, а можетъ-быть, если Богъ дастъ, чѣмъ-нибудь и побольше. Заведемъ и мы себѣ репутацію еще и получше твоей. Чтожъ ты себѣ забралъ въ голову, что кромѣ тебя уже нѣтъ вовсе порядочнаго человека. Дай-ка мнѣ ручевскій фракъ, сшитый по модѣ, да повяжи я себѣ такой же, какъ ты, галстукъ, — тебѣ тогда не стать мнѣ и въ подметки. Достатковъ нѣтъ — вотъ бѣда.

—
Июля 8.

Былъ въ театрѣ. Играли русскаго дурака Филатку. Очень смѣялся. Былъ еще какой-то водевилъ съ забавными стишками на стряпчихъ, особенно на одного коллежскаго регистратора, весьма вольно написанные, такъ-что я дивился, какъ пропустила ценсура, а о кунцахъ прямо говорить, что они обманываютъ народъ, и что сынки ихъ дебошничаютъ и лѣзутъ въ дворяне.

Про журналистовъ тоже очень забавный куплетъ: что они любятъ все бранить, и что авторъ просить отъ публики защиты. Очень забавныя піесы пишутъ нынче сочинители. Я люблю бывать въ театрѣ. Какъ только грошъ заведется въ карманъ — никакъ не утерплю не пойти. А вотъ изъ нашей брати, чиновниковъ, есть такія свиньи: рѣшительно не пойдетъ, мужикъ, въ театръ; развѣ уже дамъ ему билетъ даромъ. Пѣла одна актриса очень хорошо. Я вспомнилъ о той... эхъ канальство!... ничего, ничего... молчаніе!...

Ноября 9.

Въ восемь часовъ отправился въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія показалъ такой видъ, какъ-будто бы онъ не замѣтилъ моего прихода. Я тоже съ своей стороны, какъ-будто бы между нами ничего не было. Пересматривалъ и свѣрялъ бумаги. Вышелъ въ четыре часа. Проходилъ мимо директорской квартиры, но никого не было видно. Послѣ обѣда большею частію лежалъ на кровати.

Ноября 11.

Сегодня сидѣлъ въ кабинетъ нашего директора починилъ для него двадцать-три пера, и для ея, ай! ай... для ея превосходительства четыре пера. Онъ очень любить, чтобы стояло побольше перьевъ. У! долженъ быть голова! Все молчать, а въ головѣ, я думаю, все обсуживаетъ. Желалось бы мнѣ узнать, о чемъ онъ больше всего думаетъ, что такое затѣвается въ этой головѣ. Хотѣлось бы мнѣ разсмотрѣть поближе жизнь этихъ господъ, всѣ эти экивоки и придворныя штуки, какъ они, что они дѣлаютъ въ своемъ кругу—вотъ что бы мнѣ хотѣлось узнать! Я думалъ нѣсколько разъ завести разговоръ съ его превосходительствомъ, только, чортъ возьми, никакъ не слушается языкъ: скажешь только: холодно, или тепло на дворѣ, а больше рѣшительно ничего не выговоришь. Хотѣлось бы мнѣ заглянуть въ гостиную, куда видишь только иногда отворенную дверь, за гостиною еще въ одну комнату. Эхъ какое богатое убранство! какіе зеркала и фарфоры. Хотѣлось бы заглянуть туда, на ту половину, гдѣ ея превосходительство, вотъ куда хотѣлось бы мнѣ! Въ будуаръ, какъ тамъ стоятъ всѣ эти батомъ и.

ночки, сткляночки, цвѣты такіе, что и дохнуть на нихъ страшно; какъ лежить тамъ разбросанное ея платье, больше похожее на воздухъ, чѣмъ на платье. Хотѣлось бы заглянуть въ спальню... тамъ-то я думаю чудеса, тамъ-то, я думаю, рай! Посмотрѣть бы ту скамеечку, на которую она становить, вставая съ постели свою ножку, какъ надѣвается на эту ножку бѣлый, какъ снѣгъ, чулочекъ.... ай! ай! ай! ничего, ничего... молчаніе!...

Сегодня однакожъ меня какъ-бы свѣтомъ озарило: я вспомнилъ тотъ разговоръ двухъ собачонокъ, который слышалъ я на Невскомъ проспектъ. Хорошо, подумалъ я самъ-себѣ: я теперь узнаю все. Надо захватить перенеску, которую вели между собою эти дрянныя собачонки. Тамъ я вѣрно кое-что узнаю. Признаюсь, я даже позвалъ-было къ себѣ одинъ разъ Меджи и сказать: «послушай, Меджи, вотъ мы теперь одни, я, когда хочешь, и дверь запру, такъ-что никто не будетъ видѣть, разскажи мнѣ все, что знаешь про барышню, что она и какъ? я тебѣ побожусь, что никому не открою». Но хитрая собачонка поджала хвостъ, съежилась вдвое и вышла тихо въ дверь, какъ-будто бы ничего не

слышала. Я давно подозревалъ, что собака гораздо умнѣе чловѣка; я даже былъ увѣренъ, что она можетъ говорить, но что въ ней есть только какое-то упрямство. Она чрезвычайный политикъ: все замѣчаетъ, всѣ шаги чловѣка. Итъ, во что бы то ни стало, я завтра же отправлюсь въ домъ Звѣркова, допрошу Фидель, и если удастся, перехвачу всѣ письма, которыя писала къ ней Меджи.

Ноября 12.

Въ два часа по полудни отправился съ тѣмъ, чтобы непременно увидѣть Фидель и допросить ее. Я терпѣть не могу канусты, запахъ которой валитъ изъ всѣхъ мелочныхъ лавокъ въ Мѣщанской; къ-тому же, изъ-подворотъ каждаго дома несетъ такой адъ, что я, заткнувъ носъ, бѣжалъ во всю прыть. Да и подлые ремесленники напускаютъ копотъ и дыму изъ своихъ мастерскихъ такое множество, что рѣшительно невозможно здѣсь прогуливаться. Когда я пробрался въ шестой этажъ и зазвонилъ въ колокольчикъ, вышла дѣвчонка несовсѣмъ дурная собою съ ма-

*

ленькими веснушками. Я узналъ ее: это была та самая, которая шла вмѣстѣ со старушкою. Она немножко покраснѣлась, и я тотчасъ смекнулъ: «ты, голубушка, жениха хочешь». — «Что вамъ угодно?» сказала она: «Мнѣ нужно поговорить съ вашей собачонкой». Дѣвчонка была глупа! я сейчасъ узналъ, что глупа! Собачонка въ это время прибѣжала съ лаемъ; я хотѣлъ ее схватить, но, мерзкая, чуть не схватила меня зубами за носъ. Я увидалъ однакоже въ углу ея лукошко. Э, вотъ этого то мнѣ и нужно! Я подошелъ къ нему, перерылъ солому въ деревянной коробкѣ и, къ необыкновенному удовольствію своему, вытащилъ небольшую связку маленькихъ бумажекъ. Скверная собачонка, увидѣвши это, сначала укусила меня за икру, а потомъ, когда пронюхала, что я взялъ бумаги, начала визжать и ластиться; но я сказалъ: «нѣтъ, голубушка, прощай» и бросился бѣжать. Я думаю, что дѣвчонка приняла меня за сумашедшаго, потому-что испугалась чрезвычайно. Пришедши домой, я хотѣлъ-было тотъ же часъ приняться за работу и разобрать эти письма, потому-что при свѣчахъ нѣсколько дурно вижу. Но Мавра вздумала мыть полъ. Эти глупыя чухонки всегда некстати чи-

сто.лотны. И потому я пошолъ прохаживаться и обдумывать это происшествіе. Теперь-то наконецъ я узнаю всѣ дѣла, помышленія, всѣ эти пружины и доберусь наконецъ до всего: эти письма мнѣ все откроютъ. Собаки народъ умный, онѣ знаютъ всѣ политическія отношенія и потому, вѣрно, тамъ будетъ все: портретъ и всѣ дѣла этого мужа. Тамъ будетъ что-нибудь и о той, которая.... ничего, молчаніе! Къ-вечеру я пришолъ домой. Бѣльшею частию лежалъ на кровати.

Полбѣра 13.

А ну, посмотримъ: письмо довольно чоткое; однако же въ почеркѣ все есть какъ-будто что-то собачье. Прочитаемъ.

Милая Фидель! я все не могу привыкнуть къ твоему мѣщанскому имени. Какъ-будто бы уже не могли дать тебѣ лучшаго? Фидель, Роза—какой пошлый тонъ, однакожъ все это въ-сторону. Я очень рада, что мы вздумали писать другъ къ другу.

Письмо писано очень правильно. Пунктуація, и даже буква лъ вездѣ на своемъ мѣстѣ. Да этакъ,

просто не напущенъ и нашъ начальникъ отдѣленія, хотя онъ и толкуетъ, что гдѣ-то учился въ университетъ. Посмотримъ далѣе:

Мнѣ кажется, что раздѣлять мысли, чувства и впечатлѣнія съ другимъ есть одно изъ первыхъ благъ на свѣтѣ.

Гм! мысль почерпнута изъ одного сочиненія, переведеннаго съ нѣмецкаго; названія не припомню.

Я говорю это по опыту, хотя и не бѣгала по свѣту далѣе воротъ нашего дома. Моя ли жизнь не протекаетъ въ удовольствіи? Моя барышня, которую папа называетъ Софи, любитъ меня безъ памяти.

Ай, ай!... ничего!... Молчаніе!...

Папа тоже очень часто ласкаетъ. Я пью чай и кофе со сливками. Ахъ, ma chere, я должна тебѣ сказать, что я вовсе не вижу удовольствія въ большихъ оглоданныхъ костяхъ, которыя жретъ на кухнѣ нашъ Полканъ. Кости хороши только отъ дичи и притомъ тогда, когда еще никто не высосалъ изъ нихъ мозгъ. Очень хорошо мѣшать нѣсколько соусовъ вмѣстѣ, но только безъ каперсовъ и безъ зелени; но я не знаю ничего хуже обыкновенія давать собакамъ скатанные изъ хлѣба шарики. Какой-нибудь сидящій за столомъ господинъ,

который въ рукахъ своихъ держалъ всякую дрянь, паче-
нетъ мять этими руками хлѣбъ, подзоветъ тебя и су-
нетъ тебѣ въ зубы шарикъ. Отказаться какъ-то неучти-
во, ну и ѣшь; съ отвращеніемъ, а ѣшь...

Чортъ знаетъ что такое. Экой вздоръ! Какъ-
будто бы не было предмета получше, о чемъ
писать. Посмотримъ, на другой страницѣ не бу-
детъ ли чего подѣлнѣе.

Я съ большою охотою готова тебя увѣдомлять о всѣхъ
бывающихъ у насъ происшествіяхъ. Я уже тебѣ кое-что
говорила о главномъ господинѣ, котораго Софи называетъ
папа. Это очень странный человекъ.

А! вотъ наконецъ! Да, я зналъ: у нихъ поли-
тическій взглядъ на всѣ предметы. Посмотримъ,
что папа:

...очень странный человекъ. Онъ больше молчитъ.
Говоритъ очень рѣдко; но недѣлю назадъ безпрестанно
говорилъ самъ съ собою: «получу, или не получу?»
Возьметъ въ одну руку бумажку, другую сложитъ пу-
стую и говоритъ: «получу, или не получу?» Одинъ разъ
онъ обратился и ко мнѣ съ вопросомъ: «какъ ты ду-
маешь, Меджи, получу или не получу? я ровно ничего
не могла понять, пошухала его сапогъ и ушла прочь. По-
томъ, та сhere, чрезъ недѣлю папа пришелъ въ боль-

шой радости. Все утро ходили къ нему господа въ мундирахъ и съ чѣмъ-то поздравляли. За столомъ онъ былъ такъ веселъ, какъ я еще никогда не видала.

А! такъ онъ честолюбецъ! это нужно взять къ свѣдѣнію.

Прощай, ma chere! я бѣгу и прочее... и прочее... Завтра окончу письмо. Ну здравствуй! я теперь снова съ тобою. Сегодня барышня моя Софи....

А! ну, посмотримъ, что Софи. Эхъ канальство!... Ничего, ничего.... будемъ продолжать.

....барышня моя Софи была въ чрезвычайной суматохѣ. Она собиралась на балъ, и я обрадовалась, что въ отсутствіе ея могу писать къ тебѣ. Моя Софи всегда чрезвычайно рада ѣхать на балъ, хотя при одѣваніи всегда почти сердится. Я никакъ не понимаю, ma chere, удовольствія ѣхать на балъ. Софи прѣзжаетъ съ балу домой въ шесть часовъ утра, и я всегда почти угадываю, по ея блѣдному и тощому виду, что ей, бѣдняжкѣ, не давали тамъ ѣсть. Я признаюсь, никогда бы не могла такъ жить. Если бы мнѣ не дали соуса съ рябчикомъ, или жаркого куриныхъ крылышекъ, то.... я не знаю, что бы со мною было. Хорошъ также соусъ съ кашкою; а морковь, или рѣпа, или артишоки никогда не будутъ хороши....

Чрезвычайно неровный слогъ; тотчасъ видно, что не человекъ писалъ. Начнетъ такъ, какъ слѣдуетъ, а кончитъ собачиною. Посмотримъ-ка еще въ одно письмо. Что-то длинновато. Гм! и числа не выставлено.

Ахъ, милая! какъ ощутительно приближеніе весны. Сердце мое бьется, какъ-будто все чего-то ожидаетъ. Въ ушахъ у меня вѣчный шумъ, такъ-что я часто, подививши пожку, стою нѣсколько минутъ, прислушивался къ дверямъ. Я тебѣ открою, что у меня много куртизановъ. Я часто, сидя на окнѣ, разсматриваю ихъ. Ахъ, если бъ ты знала какіе между ними есть уроды. Ипой преаляповатый дворняга, глупъ страшно, на лицѣ написана глупость, преважно идетъ по улицѣ и воображаетъ, что онъ презнатная особа, думаетъ, что такъ на него и заглядятся всѣ. Ничуть; я даже и вниманія не обратила, такъ какъ бы и не видала его. А какой страшный дога останавливается передъ моимъ окномъ! Если бы онъ сталъ на заднія лапы, чего, грубіяня, онъ вѣрно не умѣетъ, то онъ бы былъ цѣлою головою выше папа моей Софи, который тоже довольно высокаго роста и толстъ собою. Этотъ болванъ, должно быть, наглець преужасный. Я поворчала на него, но ему и пуждушки мало—хотя бы поморщился! высунулъ свой языкъ, повѣсилъ огромныя уши и глядитъ въ окно — такой мужикъ! но, неужели ты думаешь, та chere, что сердце

мое равнодушно ко всѣмъ искаміямъ, — ахъ, нѣтъ.... Если бы ты видѣла одного кавалера, перелѣзающаго черезъ заборъ сосѣдняго дома, именемъ Трезора, ахъ, та chere, какая у него мордочка!

Тьфу къ чорту!... экая дрянь!... и какъ можно наполнять письма такими глупостями. Минь подавайте человѣка; я требую пищи, той, которая бы питала и услаждала мою душу; а вмѣсто того этакіе пустяки.... перевернемъ черезъ страницу, не будетъ ли лучше:

... Софи сидѣла за столикомъ и что-то шила. Я глядѣла въ окно, потому-что я люблю разсматривать прохожихъ. Какъ вдругъ вошелъ лакей и сказалъ: «Тепловъ». — «Проси» закричала Софи и бросилась обнимать меня. «Ахъ, Меджи, Меджи! еслибъ ты знала кто это: брюнетъ, камеръ-юнкеръ, а глаза какіе! черные и свѣтлые, какъ огонь?» и Софи убажала къ себѣ. Минуту спустя вошелъ молодой камеръ-юнкеръ, съ черными бакенбардами; подошелъ къ зеркалу, поправилъ волосы и осмотрѣлъ комнату. И поворчала и сѣла на свое мѣсто. Софи скоро вышла и весело поклонилась на его шарканье; а я себѣ такъ, какъ-будто не замѣчая ничего, продолжала глядѣть въ окошко: однакожь голову наклонила нѣсколько на-бокъ и старалась, услышать о чемъ они говорятъ. Ахъ, та chere, о какомъ вздорѣ они говорили! они го-

ворили о томъ, какъ одна дама въ танцахъ вмѣсто одной какой-то фигуры сдѣлала другую. Также что какой-то Бобовъ былъ очень похожъ въ своемъ жабо на анета, и чуть-было не упалъ. Что какая-то Индина воображаетъ, что у нея голубые глаза, между-тѣмъ какъ они зеленые — и тому подобное. Я не знаю, та сего, что она нашла въ своемъ Тепловѣ. Отчего она такъ имъ восхищается?...

Мнѣ самому кажется, здѣсь что-нибудь да не такъ. Не можетъ быть, чтобы ее могъ такъ обворожить Тепловъ. Посмотримъ далѣе:

Мнѣ кажется, если этотъ камеръ-юнкеръ правится, то скоро будетъ правиться и тотъ чиновникъ, который сидитъ у папа въ кабинетѣ. Ахъ, та сего, еслибъ ты знала какой это уродъ. Совершенная черепаха въ мѣшкѣ....

Какой же бы это чиновникъ?

Фамилія его пристрапная. Онъ всегда сидитъ и чинитъ перья. Волоса на головѣ его очень похожи на сѣно. Папа всегда посылаетъ его вмѣсто слуги....

Мнѣ кажется, что эта мерзкая собачонка мѣтеть на меня. Гдѣ жъ у меня волоса, какъ сѣно?

Софи никакъ не можетъ удержаться отъ смѣху, когда глядитъ на него.

Врешь ты, проклятая собачонка! экой мерзкій языкъ! какъ-будто я не знаю, что это дѣло зависти; какъ-будто я не знаю, чьи здѣсь штуки? Это штуки начальника отдѣленія. Вѣдь поклялся же человѣкъ непримиримою ненавистію — и вотъ вредитъ, да и вредитъ, на каждомъ шагу вредитъ! Посмотримъ однако же еще одно письмо. Тамъ, можетъ-быть, дѣло раскроется самособою.

Ma chere Фидель, ты извини меня, что такъ давно не писала. Я была въ совершенномъ упоеніи. Подлинно справедливо сказалъ какой-то писатель, что любовь есть вторая жизнь. Притомъ же у насъ въ домѣ теперь большія перемѣны. Камеръ-юнкеръ теперь у насъ каждый день. Софи влюблена въ него до безумія. Папа очень веселъ. Я даже слышала отъ нашего Григорія, который мететъ полъ и всегда почти разговариваетъ самъ съ собою, что скоро будетъ свадьба; потому-что папа хочетъ непременно видѣть Софи или за генераломъ, или за камеръ-юнкеромъ, или за военнымъ полковникомъ....

Чортъ возьми! я не могу болѣе читать.... Все или камеръ-юнкеръ, или генералъ. Желалъ бы я самъ сдѣлаться генераломъ, не для того, чтобы получить руку и прочее, нѣтъ, хотѣлъ бы быть генераломъ для того только, чтобы увидѣть, какъ они будутъ увиваться и дѣлать всѣ эти разныя придворныя штуки и экивоки, и потомъ сказать имъ, что я плюю на васъ обоихъ. Чортъ побери. Досадно! я изорвалъ въ клочки письма глупой собачонки.

Декабря 3,

Не можетъ быть. Враки! свадьбы не бывать! что жъ изъ того, что онъ камеръ-юнкеръ! Вѣдь это болѣе ничего, какъ достоинство; не какая-нибудь вещь видимая, которую бы можно было взять въ руки. Вѣдь черезъ то, что камеръ-юнкеръ, не прибавится третій глазъ на лбу; вѣдь у него же носъ не изъ золота сдѣланъ, а такъ же какъ и у меня, какъ и у всякаго; вѣдь онъ имъ нюхаетъ, а не ѣстъ, чихаетъ, а не кашляетъ. Я нѣсколько разъ уже хотѣлъ добраться, отчего происходятъ всѣ эти разности. Отчего я титулярный совѣтникъ и съ какой стати я титуляр-

ный совѣтникъ? можетъ-быть я какой-нибудь графъ или генералъ, а только такъ кажусь титулярнымъ совѣтникомъ? можетъ-быть, я самъ не знаю, кто я таковъ. Въдь сколько примѣровъ по исторіи: какой-нибудь простой, не то уже чтобы дворянинъ, а простой какой-нибудь мѣщанинъ, или даже крестьянинъ — и вдругъ открывается, что онъ какой-нибудь вельможа, или баронъ, или какъ его.... Когда изъ мужика, да иногда выходитъ этакое, что же изъ дворянина можетъ выйти? вдругъ на примѣръ я вхожу въ генеральскомъ мундирѣ: у меня и на правомъ плечѣ эполета и на лѣвомъ плечѣ эполета, черезъ плечо голубая лента.... что? какъ тогда запоетъ красавица моя? что скажетъ и самъ папа директоръ нашъ? о, это большой честолюбецъ? это масонъ, непременно масонъ; хотя онъ и прикидывается такимъ и этакимъ, однако я тотчасъ замѣтилъ, что онъ масонъ: онъ если дастъ кому руку, то высовываетъ только два пальца. Да развѣ я не могу быть сію же минуту пожалованъ генералъ-губернаторомъ, или интендантомъ, или тамъ другимъ какимъ-нибудь? Мнѣ бы хотѣлось знать, отчего я титулярный совѣтникъ? почему именно титулярный совѣтникъ?

Декабрь 3.

Я сегодня все утро читалъ газеты. Странныя дѣла дѣлаются въ Испаніи. Я даже не могъ хорошенько разобрать ихъ. Пишутъ, что престолъ упраздненъ и что чины находятся въ затруднительномъ положеніи о избраніи наследника, и отъ того происходятъ возмущенія. Мнѣ кажется это чрезвычайно страннымъ. Какъ же можетъ быть престолъ упраздненъ? говорятъ, какая-то донна должна взойти на престолъ. Не можетъ взойти донна на престолъ, никакъ не можетъ! На престолъ долженъ быть король. Да говорятъ, нѣтъ короля: — не можетъ статься, чтобы не было короля. Государство не можетъ быть безъ короля. Король есть, да только онъ гдѣ-нибудь находится въ неизвѣстности. Онъ, статься можетъ, находится тамъ же, но какія-нибудь или фамилыныя причины, или опасенія со стороны сосѣдственныхъ державъ, какъ-то: Франціи и другихъ земель, заставляютъ его скрываться, или есть какія-нибудь другія причины.

Декабря 8.

Я было уже совсѣмъ хотѣлъ идти въ департаментъ, но разныя причины и размышленія меня удержали. У меня все не могли выйти изъ головы испанскія дѣла. Какъ же можетъ это быть, чтобы донна сдѣлалась королевою? не позволять этого; и во-первыхъ Англія не позволить. Да притомъ и дѣла политическія всей Европы: австрійскій императоръ... признаюсь, эти происшествія такъ меня убили и потрясли, что я рѣшительно ничѣмъ не могъ заняться во весь день. Мавра замѣчала мнѣ, что я за столомъ былъ чрезвычайно развлеченъ. И точно, я кажется, въ разсѣянности бросилъ на полъ двѣ тарелки, которыя тутъ же разбились. После обѣда ходилъ подъ горы. Ничего поучительнаго не могъ извлечь. Бѣльшею частию лежалъ на кровати и рассуждалъ о дѣлахъ Испаніи.

Годъ 2000 Апрѣля 43 числа.

Сегодняшній день — есть день величайшаго торжества! Въ Испаніи есть король; онъ отыскал-

ся: этотъ король—я! Именно только сегодня объ этомъ узналъ я. Признаюсь, меня вдругъ какъ-будто молніей освѣтило. Я не понимаю, какъ я могъ думать и воображать себѣ, что я титулярный совѣтникъ. Какъ могла войти мнѣ въ голову эта сумасбродная мысль. Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда въ сумасшедшій домъ. Теперь передо мною все открыто; теперь я вижу все, какъ на ладони. А прежде, я не понимаю, прежде все было передо мною въ какомъ-то туманѣ. И это все происходитъ, думаю, отъ того, что люди воображаютъ, будто человѣческій мозгъ находится въ головѣ; совсѣмъ нѣтъ: онъ приносится вѣтромъ со стороны Каспійскаго моря. Сначала я объявилъ Мавръ, кто я. Когда она услышала, что передъ нею испанскій король, то всплеснула руками и чуть не умерла отъ страха. Она, глупая, еще никогда не видала испанскаго короля. Я однакоже старался ее успокоить, сказавши, что я вовсе не сержусь за то, что она мнѣ иногда дурно чистила сапоги. Вѣдь это чорный народъ: имъ нельзя говорить о высокихъ матеріяхъ. Она испугалась оттого, что находится въ увѣренности, будто все короли въ Испаніи похожи на Филиппа II. Но

томъ III.

я растолковалъ ей, что между мною и Филиппомъ нѣтъ никакого сходства. Въ департаментъ не ходилъ. Чортъ съ нимъ! нѣтъ, пріятель, теперь не заманите меня; я не стану переписывать гадкихъ бумагъ вашихъ!

—
*Мартобрѣ 86 числа. Между
днемъ и ночью.*

Сегодня приходилъ нашъ экзекуторъ съ тѣмъ, чтобы я шолъ въ департаментъ, что уже болѣе трехъ недѣль, какъ я не хожу на должность. Я для шутки пошелъ въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія думалъ, что я ему поклонюсь и стану извиняться, но я посмотрѣлъ на него равнодушно, не слишкомъ гнѣвно и не слишкомъ благосклонно и сѣлъ на свое мѣсто, какъ-будто никого не замѣчая. Я глядѣлъ на всю канцелярскую сволочь и думалъ: что если бы вы знали, кто между вами сидитъ.... Господи Боже! какой бы вы яролашъ подняли, да и самъ начальникъ отдѣленія началъ бы мнѣ также кланяться въ-полъ, какъ онъ теперь кланяется передъ директоромъ. Нередо мною положили какія-то бумаги,

чтобы я сдѣлалъ изъ нихъ экстрактъ. Но я и пальцемъ не притронулся. Черезъ нѣсколько минутъ все засуетилось. Сказали, что директоръ идетъ. Многіе чиновники побѣжали наперерывъ, чтобы показать себя передъ нимъ, но я ни съ мѣста. Когда онъ проходилъ черезъ наше отдѣленіе, все застегнули на пуговицы свои фраки, но я совершенно ничего! что за директоръ! чтобы я всталъ передъ нимъ — никогда! какой онъ директоръ? онъ пробка, а не директоръ, пробка обыкновенная, простая пробка, больше ничего, вотъ которою закупориваютъ бутылки! Мнѣ забавнѣе всего было, когда подсунули мнѣ бумагу, чтобы я подписалъ. Они думали, что я напишу на самомъ кончикѣ листа: столоначальникъ такой-то — какъ бы нетакъ? а я на самомъ главномъ мѣстѣ, гдѣ подписывается директоръ департамента, черкнулъ: «Фердинандъ VIII». Надо было видѣть, какое благоговѣйное молчаніе воцарилось; но я махнулъ только рукою, сказавъ: «не нужно никакихъ знаковъ подданничества!» и вышелъ. Оттуда я пошелъ прямо въ директорскую квартиру. Его не было дома. Лакей не хотѣлъ меня впустить, но я ему такое сказалъ, что онъ и руки опустилъ. Я прямо

*

пробрался въ уборную. Она сидѣла передъ зеркаломъ, вскочила и отступила отъ меня. Я однако же не сказалъ ей, что я испанскій король. Я сказалъ только, что счастье ее ожидаетъ такое, какого она и вообразить себѣ не можетъ и что, несмотря на козни непріятелей, мы будемъ вмѣстѣ. Я больше ничего не хотѣлъ говорить и вышелъ. О, это коварное существо—женщины! Я теперь только постигнулъ, что такое женщина. До-сихъ-поръ никто еще не узналъ въ кого она влюблена: я первый открылъ это. Женщина влюблена въ чорта. Да, не шутя. Физики пишутъ глупости, что она то и то — она любитъ только одного чорта. Вонъ видите, изъ ложи перваго яруса она наводитъ лорнетъ. Вы думаете, что она глядитъ на этого толстяка со звездою? — совсѣмъ нѣтъ, она глядитъ на чорта, что у него стоитъ за спиною. Вонъ онъ спрятался къ нему во фракъ; вонъ онъ киваетъ оттуда ей пальцемъ! и она выйдетъ за него, выйдетъ. Все это честолюбіе и честолюбіе оттого, что подъ язычкомъ находится маленькій пузырекъ и въ немъ небольшой червячокъ величиною съ булавочную головку, и это все дѣлаетъ какой-то цырюльникъ, который живетъ въ Гороховой. Я

не помню, какъ его зовутъ; но достоверно известно, что онъ вмѣстѣ съ одною повивальною бабкою хочетъ по всему свѣту распространить магометанство, и оттого уже, говорятъ, во Франціи большая часть народа признаетъ вѣру Магомета.

*Некотораго числа. День былъ
безъ числа.*

Ходилъ некогнито по Певскому проспекту; однако же не подалъ никакого вида, что испанскій король. Почелъ неприличнымъ открыться тутъ же при всѣхъ, потому-что прежде всего нужно представиться ко Двору. Меня останавливало только то, что я до-сихъ-поръ не имѣю испанскаго національнаго костюма. Хотя бы какую-нибудь достать мантию. Я хотѣлъ-было заказать портному, но это совершенные ослы, притомъ же они совсѣмъ небрегутъ своею работою, ударились въ аферу и большею частию мостятъ камни на улицѣ. Я рѣшился сдѣлать мантию изъ новаго вицъ-мундира, который надѣвалъ всего только два раза. Но чтобы эти мерзавцы не мог-

ли испортить, я самъ рѣшился шить, заперши дверь, чтобы никто не видалъ. Я изрѣзалъ ножницами его весь, потому-что покрой долженъ быть совершенно другой.

Числа не помню. Мѣсяца тоже не было. Было, чортъ знаетъ, что такое.

Мантія совершенно готова и сшита. Мавра вскрикнула, когда я надѣлъ ее. Однако же я еще не рѣшаюсь представляться ко Двору. До сихъ-поръ нѣтъ депутаціи изъ Испаніи. Безъ депутатовъ неприлично. Никакого не будетъ въ-су моему достоинству. Я ожидаю ихъ съ часу на часъ.

Число 1.

Удивляетъ меня чрезвычайно медленность депутатовъ. Какія бы причины могли ихъ остановить? Неужели Франція? Да, это самая неблагопріятствующая держава. Ходилъ сбираться на почту, не прибыли ли испанскіе депутаты. По

почтмейстеръ чрезвычайно глупъ, ничего не знаетъ: «нѣтъ» говорить: «здѣсь нѣтъ никакихъ испанскихъ депутатовъ, а письма, если угодно написать, то мы примемъ по установленному курсу». Чортъ возьми! что́ письмо? письмо вздоръ! Письма пишуть аптекари....

Мадридъ. Февруарій тридцатый.

Итакъ я въ Испаніи, и это случилось такъ скоро, что я едва могъ очнуться. Сегодня поутру явился ко мнѣ депутаты испанскіе, и я вмѣстѣ съ ними сѣлъ въ карету. Мнѣ показалось странною необыкновенная скорость: мы ѣхали такъ шибко, что черезъ полчаса достигли испанскихъ границъ. Впрочемъ, вѣдь теперь по всей Европѣ чугунныя дороги и пароходы ѣздятъ чрезвычайно скоро. Странная земля Испанія: когда мы вошли въ первую комнату, то я увидѣлъ множество людей съ выбритыми головами. Я однако же догадался, что это должны быть или гранды, или солдаты, потому-что они бреютъ головы. Мнѣ показалось чрезвычайно страннымъ обхожденіе государственнаго канцле-

ра, который велъ меня за руку; онъ толкнулъ меня въ небольшую комнату и сказалъ: «сиди тутъ и если ты будешь называть себя королемъ Фердинандомъ, то я изъ тебя выбью эту охоту». Но я, зная, что это было больше ничего, какъ искушеніе, отвѣчалъ отрицательно, за что канцлеръ ударилъ меня два раза палкою по спинѣ такъ больно, что я чуть-было не вскрикнулъ, но удержался, вспоминая, что это рыцарскій обычай, при вступленіи въ высокое званіе, потому-что въ Испаніи еще и донынѣ ведутся рыцарскіе обычаи. Оставшись одинъ, я рѣшился заняться дѣлами государственными. Я открылъ что Китай и Испанія совершенно одна и та же земля, и только по невѣжеству считаютъ ихъ за разные государства. Я совѣтую всѣмъ нарочно написать на бумагѣ Испанія, то и выйдетъ Китай. Но меня однакоже чрезвычайно огорчало событіе, имѣющее быть завтра. Завтра въ семь часовъ совершится странное явленіе: земля сядетъ на луну. Объ этомъ и знаменитый англійскій химикъ Веллингтонъ пишетъ. Признаюсь, я ощутилъ сердечное безпокойство, когда вообразилъ себѣ необыкновенную нѣжность и непрочность луны. Луна вѣдь обыкновенно дѣлаетъ

ся въ Гамбургъ; и прескверно дѣлается. Я удивляюсь, какъ не обратить на это вниманіе Англія. Дѣлаетъ ее хромою бочаръ, и видно, что дуракъ никакого понятія не имѣетъ о лунѣ: онъ положилъ смоляной канатъ и часть деревяннаго масла; и отъ того по всей землѣ вонь страшная, такъ-что надо затыкать носъ. И отъ того самая луна такой нѣжный шаръ, что люди никакъ не могутъ жить, и тамъ теперь живутъ только одни носы. И потому-то самому мы не можемъ видѣть носовъ своихъ, ибо они всѣ находятся въ лунѣ. И когда я вообразилъ, что земля вещество тяжелое и можетъ, насѣвши, размолоть въ муку носы наши, то мною овладѣло такое безпокойство, что я, надѣвши чулки и башмаки, поспѣшилъ въ залу государственнаго совѣта съ тѣмъ, чтобы дать приказъ полиціи не допустить землѣ сѣсть на луну. Бритые гранды, которыхъ я засталъ въ залѣ государственнаго совѣта великое множество, были народъ очень умный, и когда я сказалъ: «господа, спасемъ луну, потому-что земля хочетъ сѣсть на нее» то всѣ въ ту же минуту бросились исполнять мое монаршее желаніе, и многіе полѣзли на стѣну съ тѣмъ, чтобы достать луну; но въ это время вошелъ

великій канцлеръ. Увидѣвши его, всѣ разбѣжались. Я, какъ король, остался одинъ. Но канцлеръ, къ удивленію моему, ударилъ меня палкою и прогналъ въ мою комнату. Такую имѣютъ власть въ Испаніи народныя обычаи!

—
*Январь того же года, случив-
шійся послѣ февраля.*

До-сихъ-поръ не могу понять, что это за земля Испанія. Народныя обычаи и этикеты двора совершенно необыкновенны. Не понимаю, не понимаю, рѣшительно не понимаю ничего. Сегодня выбрили мнѣ голову, несмотря на то, что я кричалъ изо всей силы о нежеланіи быть монахомъ. Но я уже не могу и вспомнить, что было со мною тогда, когда начали мнѣ на голову капать холодною водою. Такого ада я еще никогда не чувствовалъ. Я готовъ былъ впасть въ бѣшенство, такъ-что едва могли меня удержать. Я не понимаю вовсе значенія этого страннаго обычая. Обычай глупый, безсмысленный! Для меня непостижима безразсудность королей, которые до-сихъ-поръ не уничтожаютъ его. Су-

дя по всѣмъ вѣроятіямъ, догадываюсь: не попался ли я въ руки инквизиціи, и тотъ, котораго я принялъ за канцлера, не есть ли самъ великій инквизиторъ. Только я все не могу понять, какъ же могъ король подвергнуться инквизиціи. Оно, правда, могло со стороны Франціи и особенно Полиньякъ. О, это бестія Полиньякъ! Поклялся вредить мнѣ по смерти, и вотъ гонить, да и гонить; но я знаю, пріятель, что тебя водить англичанинъ. Англичанинъ большой политикъ: онъ вездѣ юлитъ. Это уже извѣстно всему свѣту, что когда Англія нюхаетъ табакъ, то Франція чихаетъ.

Число 25.

Сегодня великій инквизиторъ пришолъ въ мою комнату, но я, услышавши еще издали шаги его, спрятался подъ стулъ. Онъ, увидѣвши, что нѣтъ меня, началъ звать; сначала закричалъ: «Поприщинъ!» я ни слова. Потомъ: «Аксентій Ивановъ! титулярный совѣтникъ! дворянинъ» Я все молчу. «Фердинандъ VIII, король испанскій!» я хотѣлъ-было высунуть голову, но послѣ

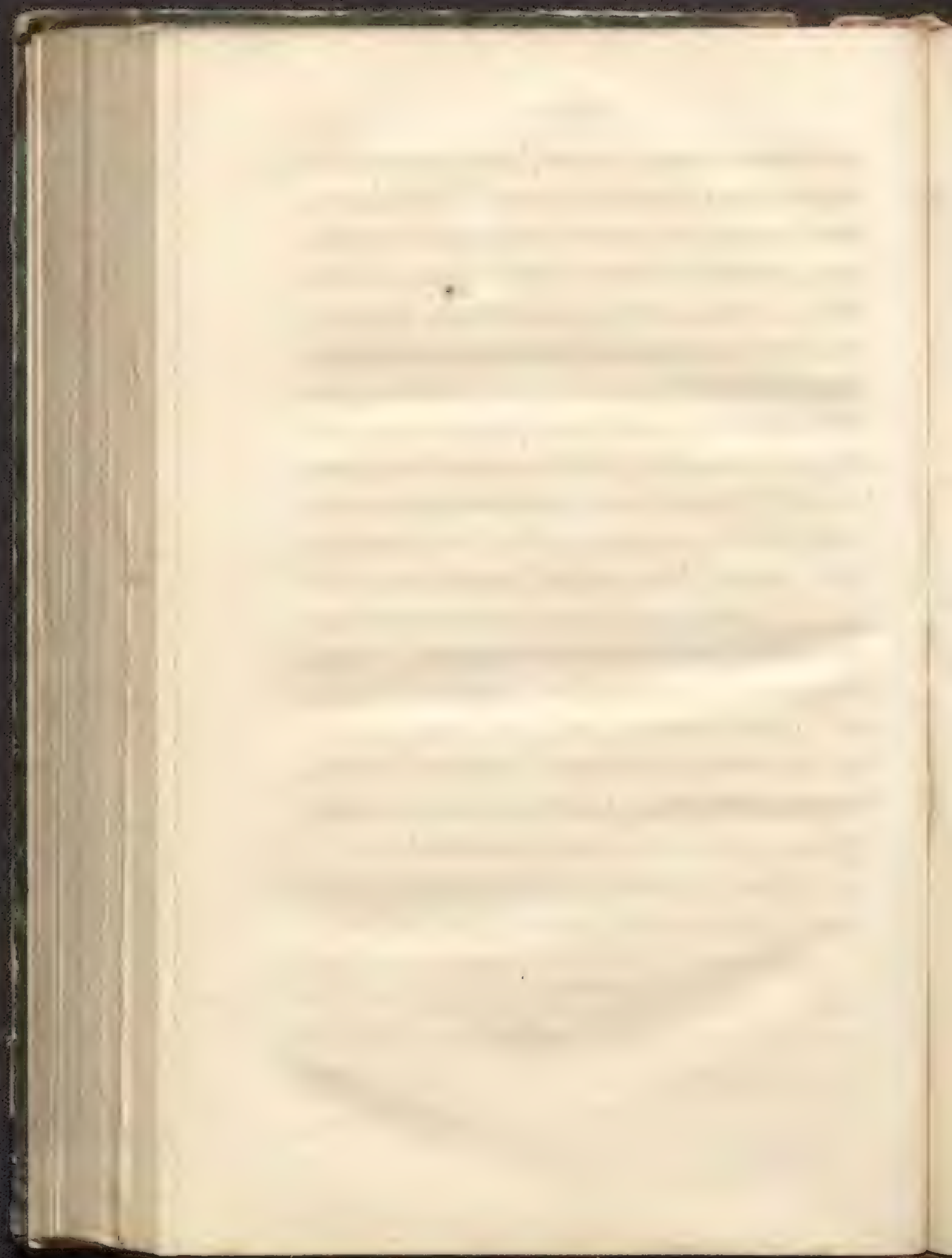
подумалъ: «нѣтъ, братъ, не надусешь! знаемъ мы тебя: опять будешь лить холодную воду мнѣ на голову». Однакоже онъ увидѣлъ меня и выгналъ палкою изъ-подъ стула. Чрезвычайно больно бьется проклятая палка. Вирочемъ за все это вознаградило меня нѣтъ-лучшее открытіе: я узналъ, что у всякаго нѣтуха есть Испанія, что она у него находится подъ перьями. Великій инквизиторъ однакоже ушелъ отъ меня разгнѣванный, и грозя мнѣ какимъ-то наказаніемъ. Но я совершенно пренебрегъ его безсильною злобою, зная, что онъ дѣйствуетъ, какъ машина, какъ орудіе англичанина.

— .

Чи 54 сло Ми гдао. чгудѣѣ 349.

Нѣтъ, я больше не имѣю силъ терпѣть. Боже! что они дѣлаютъ со мною! Они льютъ мнѣ на голову холодную воду! Они не внимаютъ, не видятъ, не слушаютъ меня. Что я сдѣлалъ имъ? За что они мучатъ меня? Чего хотятъ они отъ меня бѣднаго? Что могу дать я имъ? Я ничего не имѣю. Я не въ силахъ, я не могу вынести всѣхъ мукъ ихъ: голова горитъ моя, и все кру-

жится предо мною. Спасите меня! возьмите меня! дайте мнѣ тройку быстрыхъ, какъ вихорь, коней! садись, мой ямщикъ, звени, мой колокольчикъ, взвейтеса, кони, и несите меня съ этого свѣта! Далѣе, далѣе, чтобы невидно было ничего, ничего! Вонъ небо клубится передо мною; звѣздочка сверкаетъ вдали; лѣсъ несется съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сизый туманъ стелется подъ ногами; струна звенить въ туманѣ. Съ одной стороны море, съ другой Италія; вонъ и русскія избы видѣются. Домъ ли тѣ мой снѣтъ вдали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына! урони слезинку на его больную головушку! посмотри, какъ мучать они его! прижми ко груди своей бѣднаго сиротку: ему нѣтъ мѣста на свѣтъ! его гонять! — Матушка! пожалѣй о своемъ больномъ дитяткѣ!... А знаете ли, что у алжирскаго дея подъ самымъ носомъ шишка?

Р И М Ъ.

Р И М Ъ.

ОТРЫВОКЪ.

Попробуй взглянуть на молнію, когда, раскroивши черныя, какъ уголь, тучи, нестерпимо затрепещетъ она цѣлымъ потокомъ блеска. Таковы очи у альбанки Аниунціаты. Все напоминаетъ въ ней тѣ античныя времена, когда оживлялся мраморъ и блистали скульптурныя рѣзцы. Густая смола волосъ тяжеловѣсной косою вознеслась въ два кольца надъ головой и четырьмя

томъ III. 25

длинными кудрями рассыпалась по шевъ. Какъ ни поворотить она сіяющей снѣгъ своего лица—образъ ея весь отпечатывался въ сердце. Станетъ ли профилемъ—дивнымъ благородствомъ дышитъ профиль, и мечется красота линий, какихъ не создавала кисть. Обратится ли затылкомъ съ подобранными кверху чудесными волосами, показавъ сверкающую позади шею и красоту невиданныхъ землею плечъ—и тамъ она чудо! Но чудеснѣе всего, когда глянетъ она прямо очами въ очи, водрузивши хладъ и замиранье въ сердце. Полный голосъ ея звенитъ, какъ мѣдь. Никакой гибкій пантеръ не сравнится съ ней въ быстротѣ, силѣ и гордости движеній. Все въ ней вѣнецъ созданья, отъ плечъ до античной дышащей ноги и до послѣдняго пальчика на ея ногѣ. Куда ни пойдетъ она—уже несетъ съ собой картину: сплывитъ ли ввечеру къ фонтану съ кованной мѣдной вазой на головѣ—вся проникается чуднымъ согласіемъ обнимающая ее окрестность: легче уходятъ въ даль чудесныя линии Альбанскихъ горъ, синѣе глубина римскаго неба, прямой летитъ вверхъ кипарисъ, и красавица южныхъ деревъ, римская пирамида, тонѣе и чище рисуется на небѣ своею зонтико-

образною, почти плывущею на воздухъ верхушкою. И все: и самый фонтанъ, гдѣ уже столпились въ кучу на мраморныхъ ступеняхъ одна выше другой альбанскія горожанки, переговаривающіяся сильными серебряными голосами, пока поочередно бьетъ вода звонкой алмазной дугой въ подставляемые мѣдные чаны, и самый фонтанъ, и самая толпа — все, кажется, для нея, чтобы ярче выказать торжествующую красоту, чтобы видно было, какъ она предводитъ всѣхъ, подобно какъ царица предводитъ за собою придворный чинъ свой. Въ праздничный ли день, когда темная древесная галлерей, ведущая изъ Альбано въ Кастель-Гандольфо, вся полна празднично-убраннаго народа, когда мелькаютъ подъ сумрачными ея сводами щеголи Минненти въ бархатномъ убранствѣ, съ яркими поясами и золотистымъ цвѣткомъ на пуховой шляпѣ, бредутъ или несутся вскачь ослы съ полужажмуренными глазами, живописно неся на себѣ стройныхъ и сильныхъ альбанскихъ и фраскатанскихъ женщинъ, далеко блистающихъ бѣлыми головными уборами, или таща вовсе неживописно, съ трудомъ и спотыкаясь, длиннаго неподвижнаго англичанина въ гороховомъ непромокаемомъ макин-

тошѣ, скорчившаго въ острый уголъ свои ноги, чтобы не зацѣпить ими земли, или неся художника въ блузѣ, съ деревяннымъ лицомъ на ремнѣ и ловкой вандиковской бородкой, а тѣнь и солнце бѣгутъ попеременно по всей группѣ — и тогда, и въ оный праздничный день при ней далеко лучше, чѣмъ безъ нея. Глубина галлерей выдаетъ ее изъ сумрачной темноты своей всю сверкающую, всю въ блескѣ. Пурпурное сукно альбанскаго ея наряда вспыхиваетъ, какъ ищерь, тронутое солнцемъ. Чудный праздникъ летитъ изъ лица ея навстрѣчу всѣмъ. И повстрѣчавъ ее, останавливаются, какъ вкопанные: и щеголь Миненте съ цвѣткомъ за шляпой, издавши невольное восклицаніе; и англичанинъ въ гороховомъ макинтошѣ, показавъ вопросительный знакъ на неподвижномъ лицѣ своемъ; и художникъ съ вандиковской бородкой, долѣе всѣхъ остановившійся на одномъ мѣстѣ, подумывая, то-то была бы чудная модель для Діаны, гордой Юноны, соблазнительныхъ Грацій и всѣхъ женщинъ, какія только передавались на полотно, и дерзновенно думая въ то же время: то-то былъ бы рай, еслибъ такое диво украсило навсегда смиренную его мастерскую.

Но кто же тотъ, чей взглядъ неотразимъе вперился за ея слѣдомъ? Кто сторожить ея рѣчи, движенья, и движенья мыслей на ея лицѣ? Двадцати-пятилѣтній юноша, римскій князь, потомокъ фамилии, составлявшей когда-то честь, гордость и безславіе среднихъ вѣковъ, нынѣ пустынно догорающей въ великолѣпномъ дворцѣ, исписанномъ фресками Гверчина и Караччей, съ потускнѣвшей картинной галлереей, съ полинявшими штофами, лазурными столами и посѣдѣвшимъ, какъ лунь, *maestro di casa*. Его-то увидали недавно римскія улицы, несущаго свои черныя очи, метатели огней изъ-за перекинутого черезъ плечо плаща, носъ очеркнутый античной линіей, слошовую бѣлизну лба и брошенный на него летучій шолковый локонъ. Онъ появился въ Римѣ послѣ пятнадцати лѣтъ отсуствія, появился гордымъ юношею вмѣсто еще недавно бывшаго дитяти.

Но читателю нужно знать непременно, какъ все это свершилось, и потому пробѣжимъ наскоро исторію его жизни, еще молодой, но уже обильной многими сильными впечатлѣніями. Первоначальное дѣтство его протекло въ Римѣ; воспитывался онъ такъ, какъ въ обычаѣ у дожи-

вающихъ вѣкъ свой римскихъ вельможъ. Учитель, гувернеръ, дядька и все, что угодно—былъ у него аббать, строгій классикъ, почитатель писемъ Піетра Бембо, сочиненій Джіованни делла Casa и пяти-шести пѣсней Данта, читавшій ихъ не иначе, какъ съ сильными восклицаніями: *Dio che cosa divina!* и потомъ черезъ двѣ строки: *Diavolo che divina cosa!* въ чемъ состояла почти вся художественная оцѣнка и критика, обращавшій остальной разговоръ на брокколи и артишоки, любимый свой предметъ, знавшій очень хорошо, въ какое время лучше телятина, съ какого мѣсяца нужно начинать ѣсть козленка, любившій обо всемъ этомъ поболтать на улицѣ, встрѣтись съ пріятелемъ, другимъ аббатомъ, обтягивавшій весьма ловко полныя икры свои въ шолковые черныя чулки, прежде записнувши подъ нихъ шерстяные, чистившій себя регулярно одинъ разъ въ мѣсяцъ лекарствомъ *olio di ricino* въ чашкѣ кофе, и полившій съ каждымъ днемъ и часомъ, какъ поливаютъ всѣ аббаты. Натурально, что молодой князь узналъ немного подъ такимъ началомъ. Узналъ онъ только, что латинскій языкъ есть отецъ италіянскаго, что монсеньоры бываютъ трехъ родовъ, одни въ

черныхъ чулкахъ, другіе въ лиловыхъ, а третьи такіе, которые бываютъ почти то же, что кардиналы; узналъ нѣсколько писемъ Піетра Бембо къ тогдашнимъ кардиналамъ, болѣею частью поздравительныхъ; узналъ хорошо улицу Корсо, по которой ходилъ прогуливаться съ аббатомъ, да виллу Боргезе, да двѣ-три лавки, передъ которыми останавливался аббатъ для за-купки бумаги, перьевъ и нюхательнаго табаку, да антеку, гдѣ бралъ онъ свое olio di ricino. Въ этомъ заключался весь горизонтъ свѣдѣній воспитанника. О другихъ земляхъ и государствахъ аббатъ намекнулъ въ какихъ-то неясныхъ и не-твердыхъ чертахъ, что есть земля Франція, богатая земля, что англичане хорошіе купцы и любятъ ѣздить, что нѣмцы пьяницы, и что на сѣверѣ есть варварская земля Московія, гдѣ бываютъ такіе жестокие морозы, отъ которыхъ можетъ лопнуть мозгъ человѣческій, — далѣе сихъ свѣдѣній воспитанникъ вѣроятно бы не узналъ, достигнувъ до двадцати-пяти-лѣтняго своего возраста, еслибъ старому князю не пришла вдругъ въ голову идея перемѣнить старую методу воспитанья и дать сыну образованье европейское, — что можно было отчасти приписать вліянію какой-то

французской дамы, на которую онъ съ недавняго времени сталъ наводить безпрестанно лорнетъ на всѣхъ театрахъ и гуляньяхъ, засовывая поминутно свой подбородокъ въ огромный бѣлый жабо и поправляя черный локонь на парикъ. Молодой князь былъ отправленъ въ Лукку, въ университетъ. Тамъ, во время шестилѣтняго его пребывания, развернулась его живая италіянская природа, дремавшая подъ скучнымъ надзоромъ аббата. Въ юности оказалась душа, жадная наслаждений избранныхъ, и наблюдательный умъ. Италіянскій университетъ, гдѣ наука влачилась скрытая въ чорствыхъ схоластическихъ формахъ, не удовлетворялъ новой молодежи, которая уже слышала урывками о ней живые намеки, перелетавшіе черезъ Альпы. Французское вліяніе становилось замѣтно въ Верхней Италіи: оно заносилось туда вмѣстѣ съ модами, вишнетками, водевилями и напряженными произведеніями необузданной французской музы, чудовищной, горячей, но мѣстами не безъ признаковъ таланта. Сильное политическое движеніе въ журналахъ съ польской революціи отзывалось и здѣсь. Мечтали о возвращеніи погибшей италіянской славы, съ негодованіемъ глядѣли на ненавистный

бѣлый мундиръ австрійскаго солдата. Но ита-
ліанская природа, любительница покойныхъ на-
слаждений, не вспыхнула возстаніемъ, надъ ко-
торымъ не позадумался бы французъ; все окон-
чилось только непреодолимымъ желаніемъ по-
бывать въ за-альпійской, въ настоящей Европѣ.
Вѣчное ея движеніе и блескъ заманчиво мелькали
вдали. Тамъ была новость, противоположность
ветхости италіанской, тамъ начиналось XIX сто-
лѣтіе, европейская жизнь. Сильно порывалась
туда душа молодого князя, чая приключеній и
свѣта, и всякій разъ тяжелое чувство грусти его
осѣняло, когда онъ видѣлъ совершенную къ то-
му невозможность: ему былъ извѣстенъ непре-
клонный деспотизмъ старца князя, съ которымъ
было ему не подѣ-силу ладить,—какъ вдругъ по-
лучилъ онъ отъ него письмо, въ которомъ пред-
писано было ему ѣхать въ Парижъ, окончить
ученье въ тамошнемъ университетѣ, и дождать-
ся въ Луккѣ только пріѣзда дяди, съ тѣмъ, что
бы отправиться съ нимъ вмѣстѣ. Молодой князь
прыгнулъ отъ радости, перецаловалъ всѣхъ сво-
ихъ друзей, угостилъ всѣхъ въ загородной оспе-
ріи, и черезъ двѣ недѣли былъ уже въ дорогѣ,
съ сердцемъ, готовымъ встрѣтить радостнымъ

біеньемъ всякій предметъ. Когда перетъхали Сим-
плонъ, пріятная мысль пробѣжала въ головѣ
его: онъ на другой сторонѣ, онъ въ Европѣ!
Дикое безобразіе Швейцарскихъ горъ, громоз-
дившихся безъ перспективы, безъ легкихъ да-
лей, нѣсколько ужаснуло его взоръ, пріученный
къ высокоспокойной, нѣжащей красотѣ италіян-
ской природы. Но онъ просвѣтлѣлъ вдругъ при
видѣ европейскихъ городовъ, великолѣпныхъ,
свѣтлыхъ гостиницъ, удобствъ, разставленныхъ
всякому путешественнику, располагающемуся,
какъ дома. Щеголеватая чистота, блескъ — все
было ему ново. Въ нѣмецкихъ городахъ нѣсколь-
ко поразилъ его странный складъ тѣла нѣмцевъ,
лишенный стройнаго согласія красоты, чувство
которой зарождено уже въ груди италіянца; нѣ-
мецкій языкъ также поразилъ непріятно его му-
зыкальное ухо. Но передъ нимъ была уже фран-
цузская граница; сердце его дрогнуло. Порхаю-
щіе звуки европейскаго моднаго языка, лаская,
облобызали слухъ его. Онъ съ тайнымъ удо-
вольствіемъ ловилъ скользящій шелестъ ихъ, ко-
торый еще въ Италіи казался ему чѣмъ-то воз-
вышеннымъ, очищеннымъ отъ всѣхъ судорож-
ныхъ движеній, какими сопровождаются силь-

ные языки полуденныхъ народовъ, не умѣющихъ держать себя въ границахъ. Еще большее впечатлѣніе произвелъ на него особый родъ женщинъ, легкихъ, порхающихъ. Его поразило это улетучившееся существо, съ едва вызначавшимися легкими формами, съ маленькой ножкой, съ тоненькимъ воздушнымъ станомъ, съ ответнымъ огнемъ во взорахъ, и легкими, почти не выговаривающимися рѣчами. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ Парижа, населялъ его башнями, дворцами, составилъ себѣ по-своему образъ его, и съ сердечнымъ трепетомъ увидѣлъ наконецъ близкіе признаки столицы: наклеенныя афиши, исповѣскія буквы, умножавшіеся длижансы, омнибусы,... наконецъ понеслись дома предмѣстья. И вотъ онъ въ Парижѣ, безсвязно обнятый его чудовищною наружностью, пораженный движеніемъ, блескомъ улицъ, безпорядкомъ крышъ, гущиною трубъ, безархитектурными сплоченными массами домовъ, обтѣпленныхъ тѣсной лоскутностью магазиновъ, безобразьемъ нагихъ, неприслоненныхъ боковыхъ стѣнъ, безчисленной смѣшанной толпой золотыхъ буквъ, которыя лѣзли на стѣны, на окна, на крыши и даже на трубы, свѣтлой прозрачностью нижнихъ

этажей, состоявшихъ только изъ однихъ зеркальныхъ стеколъ. Вотъ онъ, Парижъ, это вѣчное, волнующееся жерло, водометъ, мечущій искры новостей, просвѣщенья, модъ, изысканнаго вкуса и мелкихъ, но сильныхъ законовъ, отъ которыхъ не власти оторваться и сами порицатели ихъ, великая выставка всего, что производитъ мастерство, художество и всякій талантъ, скрытый въ невидныхъ углахъ Европы, трепеть и любимая мечта двадцатилѣтняго челоука, размятъ и ярмарка Европы! Какъ ошеломленный, не въ силахъ собрать себя, пошолъ онъ по улицамъ, пересынавшимся всякимъ народомъ, исчерченными путями движущихся омнибусовъ, поражаюсь то видомъ кафе, блиставшаго неслыханнымъ царскимъ убранствомъ, то знаменитыми крытыми переходами, гдѣ оглушала его глухой шумъ нѣсколькихъ тысячъ стучавшихъ шаговъ сплошно двигавшейся толпы, которая вся почти состояла изъ молодыхъ людей, и гдѣ ослѣплялъ его тренежущій блескъ магазиновъ, озаряемыхъ свѣтомъ, падавшимъ сквозь стеклянный потолокъ въ галлерею; то останавливаясь передъ афишами, которыя милліонами пестрѣли и толпились въ глаза, крича о двадцати-четырехъ ежедневныхъ пред-

ставленіяхъ и безчисленномъ множествѣ всякихъ музыкальныхъ концертовъ; то растерявшись наконецъ совсѣмъ, когда вся эта волшебная куча вспыхнула ввечеру при волшебномъ освѣщеніи газа — всѣ дома вдругъ стали прозрачными, сильно засіявши снизу; окна и стекла въ магазинахъ, казалось, исчезли, пропали вовсе, и все, что лежало внутри ихъ, осталось прямо среди улицы нехранимо, блистая и отражаясь въ углубленныя зеркала. «*Ma quest'è una cosa divina!*» повторялъ живой италіянецъ.

И жизнь его потекла живо, какъ течетъ жизнь многихъ парижанъ и толпы молодыхъ иностранцевъ, набѣгающихъ въ Парижъ. Въ девять часовъ утра, вскочивши съ постели, онъ уже былъ въ великолѣпномъ кафе, съ модными фресками за стекломъ, съ потолкомъ, облитымъ золотомъ, съ листами длинныхъ журналовъ и газетъ, съ благороднымъ прислѣзникомъ, проходившимъ мимо почитателей, держа великолѣпный серебряный кофейникъ въ рукѣ. Тамъ пилъ онъ съ сибаритскимъ наслажденіемъ свой жирный кофе изъ громадной чашки, и вѣкась на эластическомъ, упругомъ диванѣ, и вспоминая о низенькихъ темныхъ италіянскихъ кафе съ нео-

прятнымъ боттегой, несущимъ не вымытые сте-
клянные стаканы. Потомъ принимался онъ за
чтеніе колоссальныхъ журнальных листовъ, и
вспомнилъ о чахоточныхъ журналинкахъ Ита-
ліи, о какомъ-нибудь *Diario di Roma, il Pirato* и
тому подобныхъ, гдѣ помѣщались невинныя по-
литическія извѣстія и анекдоты чуть не о Тер-
монтилахъ и персидскомъ царѣ Даріѣ. Тутъ, на-
противъ, вездѣ видно было кинѣвшее перо. Во-
просы на вопросы, возраженья на возраженья,
— казалось, всякій изъ всѣхъ силъ топорщился:
тотъ грозилъ близкой перемѣной вещей и пред-
вѣщалъ разрушеніе государству; всякое чуть за-
мѣтное движеніе и дѣйствіе камеръ и министер-
ства разросталось въ движеніе огромнаго разма-
ха между упорными партіями, и почти отчаян-
нымъ крикомъ слышалось въ журналахъ. Даже
страхъ чувствовалъ италіянецъ, читая ихъ и ду-
мая, что завтра же вспыхнетъ революція; какъ-
будто въ чадѣ выходилъ изъ литературнаго ка-
бинета, и только одинъ Парижъ съ своими ули-
цами могъ вывѣтрить въ одну минуту изъ го-
ловы весь этотъ грузъ. Его порхающій по все-
му блескъ и пестрое движеніе, послѣ этого тя-
желаго чтенія, казались чѣмъ-то похожимъ на

легкіе цвѣтки, взбѣжавшіе по оврагу пронасти. Въ одинъ мигъ онъ переселялся весь на улицу и сдѣлался, подобно всѣмъ, звѣакою во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ звѣалъ предъ свѣтлыми, легкими продавицами, только-что вступившими въ свою весну, которыми были наполнены всѣ парижскіе магазины, какъ-будто бы суровая наружность мужчины была неприлична, и мелькала бы темнымъ пятномъ, изъ-за цѣльныхъ стеколъ. Онъ глядѣлъ, какъ заманчиво щегольскія тонкія руки, вымытыя всякими мылами, блистая, заворачивали бумажки конфектъ, межъ-тѣмъ какъ глаза свѣтло и пристально вперялись на проходящихъ; какъ рисовалась въ другомъ мѣстѣ свѣтловолосая головка въ картинномъ склонѣ, опустивши длинныя рѣсницы въ страницы моднаго романа, не видя, что около нея собралась уже куча молодежи, разсматривающая и ея легкую снѣжную шейку и всякій волосокъ на головѣ ея, подслушивающая самое колебаніе груди, произведенное чтеніемъ. Онъ звѣалъ и передъ книжной лавкой, гдѣ, какъ науки, темнѣли на слоновой бумагѣ черныя виньетки, набросанныя размахисто, сгоряча, такъ-что иногда и разобрать нельзя было, что на нихъ такое, и

глядѣли іероглифами странныя буквы. Онъ зѣвалъ и передъ машиной, которая одна занимала весь магазинъ и ходила за зеркальнымъ стекломъ, катая огромный валъ, растирающій шоколадъ. Онъ зѣвалъ передъ лавками, гдѣ останавливаются по цѣлымъ часамъ парижскіе крокодилы, засунувъ руки въ карманы и разинувъ ротъ, гдѣ красѣлъ въ зелени огромный морской ракъ, воздымалась набитая трюфелями индѣйка съ лаконическою надписью: 300 fr., и мелькали золотистымъ перомъ и хвостами желтыя и красныя рыбы въ стеклянныхъ вазахъ. Онъ зѣвалъ и на широкихъ бульварахъ, царственно проходящихъ поперекъ весь тѣсный Парижъ, гдѣ, среди города, стояли деревья въ ростъ шести-этажныхъ домовъ, гдѣ на асфальтовые тротуары валила наѣздная толпа и куча доморощенныхъ парижскихъ львовъ и тигровъ, не всегда вѣрно изображаемыхъ въ повѣстяхъ. И назвавшись вдоволь и до-сыта, взбирался онъ къ ресторану, гдѣ уже давно сіяли газомъ зеркальныя стѣны, отражая въ себѣ безчисленныя толпы дамъ и мужчинъ, шумѣвшихъ рѣчами за маленькими столиками, разбросанными по залу. После обѣда уже онъ спѣшилъ въ театръ, недоумѣвая толь-

ко, который выбрать: на каждом изъ нихъ своя знаменитость, на каждомъ свой авторъ, свой актеръ. Вездѣ новость. Тамъ блещетъ водевиль, живой, вѣтреный, какъ самъ французъ, новый всякій день, создавшійся весь въ три минуты досуга, смѣшившій весь отъ начала до конца, благодаря неистощимымъ капризамъ веселости актера; тамъ горячая драма. — II онъ невольно сравнилъ сухую, тощую драматическую сцену Италіи, гдѣ повторялись одинъ и тотъ же старикъ Гольдони, знаемый всеми наизусть, или же новыя комедійки невинныя и наивныя до того, что ребенокъ бы соскучился надъ ними; онъ сравнилъ ихъ тощую групу съ этимъ живымъ торопливымъ драматическимъ наводненіемъ, гдѣ все ковалось, пока было горячо, гдѣ всякій боялся только, чтобы не простыла его новость. Насмѣявшись досыта, наволиновавшись, наглядѣвшись, утомленный, подавленный впечатлѣніями, возвращаясь онъ домой и бросаясь въ постель, которая, какъ извѣстно, одна только нужна французъ въ его комнату: кабинетомъ, обѣдомъ и вечернимъ освѣщеніемъ онъ пользуется въ публичныхъ мѣстахъ. Но князь однако же не позабылъ съ этимъ разнообразнымъ званьемъ соединить

занятій ума, которыхъ требовала нетерпѣливо душа его. Онъ принялся слушать всѣхъ знаменитыхъ профессоровъ. Живая рѣчь, часто восторженная, новыя точки и стороны, подмѣченный рѣчивымъ профессоромъ, были неожиданны для молодаго италіянца. Онъ чувствовалъ, какъ стала спадать съ глазъ его пелена, какъ въ другомъ, яркомъ видѣ возставали передъ нимъ прежде не замѣченные предметы. И самый пріобрѣтенный имъ хламъ кое-какихъ знаній, которыя обыкновенно погибаютъ у большей части людей безъ всякихъ примѣненій, пробуждался, и оглянутый другимъ глазомъ, утверждался навсегда въ его памяти. Онъ не пропустилъ также услышать ни одного знаменитаго проповѣдника, публициста, оратора, камерныхъ преній и всего, чѣмъ шумно гремитъ въ Европѣ Парижъ. Несмотря на то, что не всегда доставало ему средствъ, что старый князь присылалъ ему содержанье, какъ студенту, а не какъ князю, онъ успѣлъ однако же найти случай побывать вездѣ, найти доступъ ко всѣмъ знаменитостямъ, о которыхъ трубятъ, повторяя другъ друга, европейскіе листки; даже увидалъ въ лицо тѣхъ модныхъ писателей, которыхъ странными созданьями была по-

ражена, наряду съ другими, его пылкая, молодая душа, и въ которыхъ всѣмъ мишло слышать, еще небранныя дотолѣ струны, неуловимые доселѣ изгибы страстей. Словомъ, жизнь италіянца приняла широкій, многосторонній образъ, обнялась всѣмъ громаднымъ блескомъ европейской дѣятельности. Разомъ, въ одинъ и тотъ же день беззаботное званье и тревожное пробужденіе, легкая работа глазъ и напряженная ума, водевилъ на театрѣ, проповѣдникъ въ церкви, политическій вихрь журналовъ и камеръ, рукоплесканье въ аудиторіяхъ, потрясающій громъ консерваторнаго оркестра, воздушное блистанье танцующей сцены, громотня уличной жизни—какая исполненная жизнь для двадцати-пяти-лѣтняго юноши. Нѣтъ лучшаго мѣста, какъ Парижъ; ни за что не променялъ бы онъ такой жизни. Какъ весело и любо жить въ самомъ сердцѣ Европы, гдѣ идя, поднимаешься выше, чувствуешь, что членъ великаго всемірнаго общества. Въ головѣ его даже вертѣлась мысль отказаться вовсе отъ Италіи и основаться навсегда въ Парижѣ. Италія казалась ему теперь какимъ-то темнымъ, заплесневѣлымъ угломъ Европы, гдѣ заглохла жизнь и всякое движеніе.

Такъ пронеслись четыре пламенные года его жизни, четыре года, слишкомъ значительные для юности, и къ концу ихъ, уже многое показалось не въ томъ видѣ, какъ было прежде. Во многомъ онъ разочаровался. Тотъ же Парижъ, вѣчно влекущій къ себѣ иностранцевъ, вѣчная страсть парижанъ, уже показался ему много, много не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Онъ видѣлъ, какъ вся эта многосторонность и дѣятельность его жизни исчезала безъ выводовъ и плодоносныхъ душевныхъ осадковъ. Въ движеніи вѣчнаго его кнѣзья и дѣятельности видѣлась теперь ему страшная недѣятельность. Страшное царство словъ вмѣсто дѣлъ. Онъ видѣлъ, какъ всякій французъ, казалось, только работалъ въ одной разгоряченной головѣ; какъ это журнальное чтеніе огромныхъ листовъ поглощало весь день и не оставляло часа для жизни практической; какъ всякій французъ воспитывался этимъ страннымъ вихремъ книжной, типографски-движущейся политики, и, еще чуждый сословія, къ которому принадлежалъ, еще не узнавъ на дѣлѣ всѣхъ правъ и отношеній своихъ, уже приставалъ къ той или другой партіи, горячо и жарко принимая къ сердцу всѣ интересы, становясь

свирѣно противъ своихъ противниковъ, еще не зная въ глаза ни интересовъ своихъ, ни противниковъ.... и слово политика опротивѣло наконецъ сильно италіянцу.

Въ движеніи торговли, ума, вездѣ, во всемъ видѣлъ онъ только напряженное усиліе и стремленіе къ новости. Одинъ силится предъ другимъ, во что бы то ни стало, взять верхъ, хотя бы на одну минуту. Купецъ весь капиталъ свой употребляетъ на одну только уборку магазина, чтобы блескомъ и великолѣпіемъ его заманить къ себѣ толпу. Книжная литература прибѣгала къ картинкамъ и типографической роскоши, чтобъ ими привлечь къ себѣ охлаждающееся вниманіе. Странностью неслыханныхъ страстей, уродливостью исключеній изъ человѣческой природы силлись новѣсти и романы овладѣть читателемъ. Все, казалось, нагло навязывалось и напрашивалось само безъ зазыва, какъ непотребная женщина, что ловить человѣка ночью на улицѣ; все одно передъ другимъ вытягивало повыше свою руку, какъ обступившая толпа надоедливыхъ нищихъ. Въ самой наукѣ, въ ея одушевленныхъ лекціяхъ, которыхъ достоинство не могъ не признать онъ, теперь стало ему замѣтно вездѣ же-

ланье выказаться, хвастнуть, выставить себя; вездѣ блестящіе эпизоды, и нѣтъ торжественнаго, величаваго теченія всего цѣлаго. Вездѣ усилія поднять доселѣ незамѣченные факты и дать имъ огромное вліяніе иногда въ ущербъ гармоніи цѣлаго, съ тѣмъ только, чтобы оставить за собой честь открытія; наконецъ, вездѣ почти дерзкая увѣренность и нигдѣ смиреннаго сознанія собственнаго невѣдѣнія, — и онъ привелъ себя на память стихъ, которымъ италіянецъ Алфіери въ ѣдкомъ расположеніи своего духа попрекнулъ французовъ:

*Tutto fanno, nulla sanno,
Tutto sanno, nulla fanno:
Gira volta son Francesi,
Piu gli pesi, men ti danno.*

Тоскливое расположеніе духа имъ овладѣло. Напрасно старался онъ развлекать себя, старался сойтись съ людьми, которыхъ уважалъ, но не сошлась италіянская природа съ французскимъ элементомъ. Дружба завязывалась быстро, но уже въ одинъ день французъ выказывалъ себя всего до послѣдней черты: на другой день нечего было и узнавать въ немъ, даже извѣстной глуби-

ны уже нельзя было погрузить вопроса въ его душу, не вонзалось далѣе остріе мысли; а чувства италіянца были слишкомъ сильны, чтобы встрѣтить себѣ полный отвѣтъ въ легкой природѣ. И наполнилъ онъ какую-то странную пустоту даже въ сердцахъ тѣхъ, которымъ не могъ отказать въ уваженіи. И увидѣлъ онъ наконецъ, что при всѣхъ своихъ блестящихъ чертахъ, при благородныхъ порывахъ, при рыцарскихъ вснышкахъ, вся нація была что-то блѣдное, несовершенное, легкій водевиль, сию же порожденный. Не почила на ней величественно-степенная идея. Вездѣ намеки на мысли и нѣтъ самыхъ мыслей; вездѣ полустрасти и нѣтъ страстей; все не окончено, все наметано, набросано съ быстрой руки; вся нація — блестящая виньетка, а не картина великаго мастера.

Нашедшая ли внезапно на него хандра дала ему возможность увидать все въ такомъ видѣ, или внутреннее вѣрное и свѣжее чувство италіянца было тому причиною, то или другое, только Парижъ со всемъ своимъ блескомъ и шумомъ скоро сдѣлался для него тягостной пустыней, и онъ невольно выбиралъ глухіе отдаленные концы его. Только въ одну еще италіян-

скую оперу заходилъ онъ, тамъ только какъ-будто отдыхала душа его, и звуки роднаго языка теперь выросали предъ нимъ во всемъ могуществѣ и полнотѣ. И стала представляться ему чаще забытая имъ Италія, вдали, въ какомъ-то манищемъ свѣтѣ; съ каждымъ днемъ зазывы ея становились слышнѣе, и онъ рѣшился наконецъ писать къ отцу, чтобы позволилъ ему возвратиться въ Римъ, что въ Парижѣ оставаться болѣе онъ не видитъ для себя нужды. Два мѣсяца не получалъ онъ никакого отвѣта, ни даже обычныхъ векселей, которые давно слѣдовало ему получить. Сначала ожидалъ онъ терпѣливо, зная капризный характеръ своего отца, наконецъ начало овладѣвать имъ безпокойство. Нѣсколько разъ на недѣлѣ навѣдывался къ своему банкиру, и всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что изъ Рима нѣтъ никакихъ извѣстій. Отчаяніе готово было вспыхнуть въ душѣ его. Средства содержанія уже давно у него всѣ прекратились, уже давно сдѣлалъ онъ у банкира заемъ, но и эти деньги давно вышли, давно уже онъ обѣдалъ, завтракалъ и жилъ кое-какъ въ долгъ; косо и непріятно начинали посматривать на него — и хотъ бы отъ кого-нибудь изъ друзей ка-

кое-нибудь извѣстіе. Тутъ-то онъ сильно почув-
ствовалъ свое одиночество. Въ безпокойномъ ожи-
даніи бродилъ онъ въ этомъ надѣвшемъ на-
смерть городѣ. Лѣтомъ онъ былъ для него еще
невыносимѣе: всѣ наѣздныя толпы разлетѣлись
по минеральнымъ водамъ, по европейскимъ го-
стиницамъ и дорогамъ. Призракъ пустоты ви-
дѣлся на всемъ. Дома и улицы Парижа были
несносны, сады его томилась сокрушительно ме-
жду домовъ, налимыхъ солнцемъ. Какъ убитый,
останавливался онъ надъ Сеной, на грузномъ,
тяжеломъ мосту, на ея душной набережной, на-
прасно стараясь чѣмъ-нибудь позабыться, на что-
нибудь заглядѣться: тоска необъятная жрала его
и безымянный червь точилъ его сердце. Нако-
нецъ судьба надъ нимъ умилосердилась — и въ
одинъ день банкиръ вручилъ ему письмо. Оно
было отъ дяди, который извѣщалъ его, что ста-
рый князь уже не существуетъ, что онъ можетъ
пріѣхать распорядиться наслѣдствомъ, которое
требуетъ его личного присутствія, потому-что
разстроено сильно. Въ письмѣ былъ тощій би-
летъ, едва доставшій на дорогу и на расплату
четвертой доли долговъ. Молодой князь не хо-
тѣлъ медлить минуты, уговорилъ кое-какъ бан-

кира отсрочить долгъ, и взялъ мѣсто въ курьерской каретѣ. Казалось, страшная тягость свалилась съ души его, когда скрылся изъ вида Парижъ, и дохнуло на него свѣжимъ воздухомъ полей. Въ двое сутокъ онъ уже былъ въ Марсель, не хотѣлъ отдохнуть часу, и въ тотъ же вечеръ пересѣлъ на пароходъ. Средиземное море показалось ему роднымъ: оно омывало берега его отчизны, и онъ посвѣжѣлъ уже, только глядя на одніе безконечныя его волны: трудно было изъяснить чувство, его обнявшее при видѣ перваго италіянскаго города — это была великолѣпная Генуя. Въ двойной красотѣ вознеслись надъ нимъ ея пестрыя колокольни, полосатыя церкви изъ бѣлаго и чорнаго мрамора и весь многобашенный амфитеатръ ея, вдругъ обнесшій его со всѣхъ сторонъ, когда пароходъ пришелъ къ пристани. Никогда не видалъ онъ Генуи. Эта играющая пестрота домовъ, церквей и дворцовъ на тонкомъ небесномъ воздухѣ, блиставшемъ неностыжимою голубизною, была единственна. Сошедши на берегъ, онъ очутился вдругъ въ этихъ темныхъ, чудныхъ, узенькихъ, мощенныхъ плитами улицахъ, съ одной узенькой вверху полоской голубаго неба. Его порази-

ла эта тѣснота между домами высокими, огромными, отсутствіе окинажнаго стуку, треугольныя маленькія площадки и между ними, какъ тѣсныя корридоры, изгибающіяся линіи улицъ, наполненныхъ лавочками генуезскихъ серебрянниковъ и золотыхъ мастеровъ. Живописныя кружевныя покрывала женщинъ, чуть волнуемая теплымъ широко; ихъ твердыя походки, звонкій говоръ въ улицахъ; отворенныя двери церквей, кадильный запахъ, несшійся оттуда — все это дунуло на него чѣмъ-то далекимъ, минувшимъ. Онъ вспомнилъ, что уже много лѣтъ не былъ въ церкви, потерявшей свое чистое высокое значеніе въ тѣхъ умныхъ земляхъ Европы, гдѣ онъ былъ. Тихо вошелъ онъ и сталъ въ молчаніи на колѣна у великолѣпныхъ мраморныхъ колоннъ, и долго молился, самъ не зная за что, молился, что его приняла Италія, что снисшло на него желанье молиться, что празднично было у него на душѣ, и молитва эта, вѣрно, была лучшая. Словомъ, какъ прекрасную станцію, унесъ онъ за собою Геную: въ ней принялъ онъ первый поцалуй Италіи. Съ такимъ же яснымъ чувствомъ увидѣлъ онъ Ливорно, пустынную Пизу, Флоренцію, слабо знаемую имъ

прежде. Величаво глянулъ на него тяжелый, граненый куполъ ея собора, темные дворцы царственной архитектуры и строгое величіе небольшого городка. Потомъ понесся чрезъ Аппенины, сопровождаемый тѣмъ же свѣтлымъ расположеніемъ духа, и когда наконецъ послѣ шестидневной дороги показался въ ясной дали на чистомъ небѣ, чудесно круглившійся куполъ — о!... сколько чувствъ тогда столнилось разомъ въ его груди. Онъ не умѣлъ и не могъ передать ихъ; онъ оглядывалъ всякій холмикъ и отлогость. И вотъ уже наконецъ Ponte Molle, городскія ворота, и вотъ обняла его красавица площадей Piazza del popolo, глянулъ Monte pincio съ террасами, лѣстницами, статуями и людьми, прогуливающимися на верхушкахъ. Боже! какъ забилося его сердце! Ветуринъ понесся по улицѣ Корсо, гдѣ когда-то ходилъ онъ съ аббатомъ, невинный, простодушный, знавшій только, что латинскій языкъ есть отецъ италіискаго. Вотъ предстали предъ нимъ опять всѣ дома, которые онъ зналъ наизусть: Pallazo Ruspoli съ своимъ огромнымъ кафе, Piazza colonna, Palazzo Sciarra, Palazzo Doria, наконецъ поворотилъ онъ въ переулки, такъ бранимые иностранцами, не кипящіе переулки,

гдѣ изрѣдка только попадалась лавка брадобрея съ нарисованными лиліями надъ дверьми, да лавка шляпочника, высунувшаго изъ дверей долгополую кардинальскую шляпу, да лавчонка плетеныхъ стульевъ, дѣлавшихся тутъ же на улицѣ. Наконецъ карета остановилась передъ величавымъ дворцомъ брамантовскаго стиля. Никого не было въ пагихъ, неубранныхъ сѣняхъ. На лѣстницѣ встрѣтилъ его дряхлый *maestro di casa*, потому-что швейцаръ съ своей булавой ушелъ, по обыкновенію, въ кафе, гдѣ проводилъ все время. Старикъ побѣждалъ отворять ставни и освѣщать мало-по-малу странныя, величественныя залы. Грустное чувство овладѣло княземъ, чувство понятное всякому прѣзжающему, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, домой, когда, все что ни было, кажется еще старѣе, еще пустѣе, и когда тягостно говорить всякій предметъ, знаемый въ дѣтствѣ; и чѣмъ веселѣе были съ нимъ сопряженные случаи, тѣмъ сокрушительнѣй грусть, насылаемая имъ на сердце. Онъ прошелъ длинный рядъ залъ, оглянулъ кабинетъ и спальню, гдѣ еще не такъ давно старый владѣтель дворца засыпалъ въ кровати подъ балдахиномъ съ кистями и гербомъ, и потомъ выходилъ въ шлаф-

рокъ и туфляхъ въ кабинетъ выпить стаканъ ослинаго молока, съ намѣреніемъ попоить; уборную, гдѣ онъ наряжался съ утонченнымъ стараніемъ старой кокетки и откуда отправлялся потомъ въ коляскѣ съ своими лакеями на гулянье въ виллу Боргезе, лорнировать постоянно какую-то англичанку, прѣзжавшую туда также прогуливаться. На столахъ и въ ящикахъ видны были еще остатки румянъ, бѣлилъ и всякихъ притираний, которыми молодилъ себя старикъ. *Maestro di casa* объявилъ, что уже за двѣ недѣли до смерти онъ принялъ-было твердое намѣреніе жениться, и сдѣлалъ нарочно консультацію съ иностранными докторами, какъ поддержать *con onore i doveri di marito*; но что въ одинъ день, сдѣлавши два или три визита, кардиналамъ и какому-то пріору, онъ возвратился усталый домой, сѣлъ въ кресла и умеръ смертью праведника, хотя смерть его была бы еще блаженіе, если бы онъ, по словамъ *maestro di casa*, догадался послать за двѣ минуты прежде за своимъ духовникомъ *il padre Benvenuto*. Все это слушалъ молодой князь разсѣянно, не принадлежа мыслію ни къ чему. Отдохнувши отъ дороги и отъ странныхъ впечатлѣній, онъ занялся

своими дѣлами. Его поразила страшный безпорядокъ ихъ. Все отъ малаго до большаго было въ безтолковомъ, запутанномъ видѣ. Четыре безконечныя тяжбы за обвалившіеся дворцы и земли въ Феррарѣ и Неаполѣ, совершенно опустошенные доходы за три года впередъ, долги и нищенскій недостатокъ среди великолѣвія—вотъ что представилось глазамъ его. Старый князь былъ непонятное соединеніе скупости и пышности. Онъ держалъ огромную прислугу, которая не получала никакой платы, ничего кромѣ ливренъ, и довольствовалась подавніями иностранцевъ, приходившихъ смотреть галерею. При князѣ были егеря, офиціанты, лакеи, которые ѣздили у него за коляской, лакеи, которые нигда не ѣздили и просиживали по цѣлымъ днямъ въ ближнемъ кафе, или остеріи, болтая всякій вздоръ. Онъ распустилъ тотъ же часъ всю эту сволочь, всѣхъ егерей и охотниковъ, и оставилъ одного только старика *maestro di casa*. Уничтожилъ почти вовсе конюшню, продавъ никогда не употреблявшихся лошадей. Призвалъ адвокатовъ и распорядился съ своими тяжбами, по-крайней-мѣрѣ такъ, что изъ четырехъ составилъ двѣ, бросивъ остальные, какъ вовсе бесполезныя; рѣ-

шил.ся ограничить себя во всемъ и вести жизнь со всею строгостью экономіи. Это было ему не трудно сдѣлать, потому-что уже заблаговременно онъ привыкъ ограничивать себя. Ему не трудно было также отказаться отъ всякаго сообщества съ своимъ сословіемъ, которое впрочемъ все состояло изъ двухъ-трехъ доживавшихъ фамилій, общества, воспитаннаго кое-какъ отголосками французскаго образованія, да богача-банкира, собиравшаго около себя кругъ иностранцевъ, да неприступныхъ кардиналовъ, людей необщительныхъ, чорствыхъ, уединенно проводившихъ время за карточной игрой въ *tresette* (родъ дурачка) съ своимъ камердинеромъ или брадобреемъ. Словомъ, онъ уединился совершенно, принялся разсматривать Римъ, и сдѣлался въ этомъ отношеніи подобенъ иностранцу, который сначала бываетъ пораженъ мелочной, не блестящей его наружностью, испятнанными, темными домами, и съ недоумѣніемъ вопрошаетъ, попадая изъ переулка въ переулокъ: «гдѣ же огромный древній Римъ?» и потомъ уже узнаетъ его, когда мало-по-малу изъ тѣсныхъ переулковъ начинаетъ выдвигаться древній Римъ, гдѣ темной аркой, гдѣ мраморнымъ карнизомъ, вдвѣленнымъ въ стѣ-

ну, гдѣ порфировой потемнѣвшей колонной, гдѣ фронтономъ посреди воиначаго рыбнаго рынка, гдѣ цѣлымъ портикомъ передъ нестаринной церковью, и наконецъ далеко, тамъ, гдѣ оканчивается вовсе живущій городъ, громадно воздымается онъ среди тысящелѣтнихъ пилюей, алоэ и открытыхъ равнинъ, необъятнымъ Коллизеємъ, триумфальными арками, останками необозримыхъ цезарскихъ дворцовъ, императорскими банями, храмами, гробницами, разнесенными по полямъ, и уже не виднѣть иноземецъ пыльныхъ тѣсныхъ его улицъ и переулковъ, весь объятый древнимъ міромъ: въ памяти его встаютъ колоссальные образы цезарей; криками и плесками древней толпы поражается ухо....

Но не такъ, какъ иностранецъ, преданный одному Титу Ливію и Тациту, бѣгущій мимо всего, къ одной только древности, желавшій бы въ порывѣ благороднаго педантизма скрыть весь новый городъ—нѣтъ, онъ находилъ все равно прекраснымъ: міръ древній, шевелившійся изъ-подъ темнаго архитрава, могучій средній вѣкъ, положившій вездѣ слѣды художниковъ-исполнителей и великолѣпной щедрости павъ, и, наконецъ, привлеченный къ нимъ новый вѣкъ съ толпящимъ имъ.

ся новымъ народонаселеніемъ. Ему правилось это чудное ихъ сліяніе въ одно, эти признаки людской столицы и пустыни вмѣстѣ: дворецъ, колонны, трава, дикіе кусты, бѣгущіе по стѣнамъ, трепещущій рынокъ среди темныхъ молчаливыхъ заслоненныхъ снизу громадъ, живой крикъ рыбнаго продавца у портика, лимонадчикъ съ воздушной, украшенной зеленью лавчонкой передъ Пантеономъ. Ему правилась самая невзрачность улицъ темныхъ, невприбранныхъ, отсутствіе желтыхъ и свѣтленькихъ красокъ на домахъ, идилія среди города: отдыхавшее стадо козловъ на уличной мостовой, крики ребятишекъ и какое-то невидимое присутствіе на всемъ ясной торжественной тишины, обнимающей человека. Ему правилась эти безпрерывныя внезапности, неожиданности, поражающія въ Римѣ. Какъ охотникъ, выходящій съ утра на ловлю, какъ старинный рыцарь, искатель приключеній, онъ отправлялся отыскивать всякій день новыхъ и новыхъ чудесъ, и останавливался невольно, когда вдругъ среди ничтожнаго переулка возносился предъ нимъ дворецъ, дышавшій строгимъ сумрачнымъ величіемъ. Изъ темнаго травертина были сложены его тяжелыя несокрушимыя стѣ-

ны, вершину вѣнчалъ великолѣпно набранный колоссальный карнизъ, мраморными брусьями обложена была большая дверь, и окна глядѣли величаво, обремененныя роскошнымъ архитектурнымъ убранствомъ; — или какъ вдругъ неожиданно, вмѣстѣ съ небольшою площадью, выглядывалъ картинный фонтанъ, обрызгивавшій себя самого и свои обезображенныя мхомъ гранитныя ступени; — какъ темная грязная улица оканчивалась неожиданно играющей архитектурной декорацией Бернини, или летящимъ кверху обелискомъ, или церковью и монастырскою стѣною, вспыхивавшимъ блескомъ солнца на темнолазурномъ небѣ съ черными, какъ уголь, кипарисами. И чѣмъ далѣе въ глубь уходили улицы, тѣмъ чаще росли дворцы и архитектурныя созданья Браманта, Барромини, Сангалло, Деллапорта, Виньолы, Бонароти — и понималъ онъ наконецъ ясно, что только здѣсь, только въ Италіи слышно присутствіе архитектуры и строгое ея величіе, какъ художества. Еще выше было духовное его наслажденіе, когда онъ переносился во внутренность церквей и дворцовъ, гдѣ арки, плоскіе столпы и круглыя колонны изъ всѣхъ возможныхъ сортовъ мрамора, перемѣшанные съ базальтовыми, лазур-

★

ными карнизами, порфиромъ, золотомъ и античными камнями сочетались согласно, покоренные обдуманной мысли, и выше ихъ всѣхъ вознеслось бессмертное созданіе кисти. Они были высоко прекрасны, эти обдуманная убранства залъ, полныя царскаго величія и архитектурной роскоши, вездѣ умѣвшей почтительно преклониться предъ живописью въ этотъ плодотворный вѣкъ, когда художникъ бывалъ и архитекторъ, и живописецъ, и даже скульпторъ вмѣстѣ. Могучія созданія кисти, уже не повторяющейся нынѣ, возносились сумрачно предъ нимъ на потемнѣвшихъ стѣнахъ, все еще непостижимыя и недоступныя для подражанія. Входя и погружаясь болѣе и болѣе въ созерцаніе ихъ, онъ чувствовалъ, какъ развивался видимо его вкусъ, залогъ котораго уже хранился въ душѣ его. И какъ предъ этой величественной прекрасной роскошью показалась ему теперь низкою роскошь XIX столѣтія, мелкая, ничтожная роскошь, годная только для украшенія магазиновъ, выведшая на поле дѣятельности золотильщиковъ, мебельщиковъ, обойщиковъ, столяровъ и кучи мастеровыхъ, и лишившая міръ Рафаэлей, Тиціановъ, Микель-Анжеловъ, низведшая къ ремеслу искус-

ство. Какъ низкою показалась ему эта роскошь, поражающая только первый взглядъ и озираемая потомъ равнодушно, передъ этой величавой мыслию украсить стѣны вѣковѣчнымъ созданіемъ кисти, передъ этой прекрасной мыслью владѣльца дворца доставить себѣ вѣчный предметъ наслажденія въ часы отдыха отъ дѣлъ и отъ шумнаго жизненнаго дразга, уединившись тамъ, въ углу, на старинной софѣ, далеко отъ всѣхъ, вперя безмолвно взоръ и вмѣстѣ со взоромъ входя глубже душою въ тайны кисти, зрѣя невидимо въ красѣ душевныхъ помысловъ. Ибо высоко возвышаетъ искусство человека, придавая благородство и чудную красоту движеніямъ души. Какъ низко казались ему предъ этой незыблемой плодотворной роскошью, окружившею человека предметами, движущими и воспитывающими душу, пышшія мелочныя убранства, ломаемыя и выбрасываемыя ежегодно безпокойною модою, страннымъ, непостижимымъ порожденіемъ XIX вѣка, передъ которымъ безмолвно преклонились мудрецы, губительницей и разрушительницей всего, что колоссально, величественно, свято. При такихъ разсужденіяхъ невольно приходило ему на мысль: не отъ того ли этотъ равнодушный хладъ,

обнимающій нынѣшній вѣкъ, торговый, низкій расчетъ, ранняя притупленность еще не успѣвшихъ развиться и возникнуть чувствъ. Иконы вынесли изъ храма, и храмъ уже не храмъ: летучія мыши и злые духи обитаютъ въ немъ.

Чѣмъ болѣе онъ всматривался, тѣмъ болѣе поражала его эта необыкновенная плодотворность вѣка, и онъ невольно восклицалъ: «когда и какъ успѣли они это надѣлать?» Эта великолѣпная сторона Рима какъ-будто бы росла передъ нимъ ежедневно. Галлерей и галлерей — и конца имъ нѣтъ: и тамъ, и въ той церкви хранится какое-нибудь чудо кисти; и тамъ, на дряхлѣющей стѣнѣ еще дивитъ готовый исчезнуть фрескъ; и тамъ, на вознесенныхъ мраморахъ и столпахъ, набранныхъ изъ древнихъ языческихъ храмовъ, блещетъ неувядаемой кистью плафонъ. Все это было похоже на скрытые золотые рудники, покровенные обыкновенной землей, знакомые одному только рудокопу. Какъ полно было у него всякій разъ на душѣ, когда возвращался онъ домой; какъ было различно это чувство, обьятое спокойной торжественностью тишины, отъ тѣхъ тревожныхъ впечатлѣній, которыми безсмысленно наполнялась душа его въ Парижѣ, когда

онъ возвращался домой усталый, утомленный, рѣдко будучи въ силахъ повѣрить итогъ ихъ.

Теперь ему казалась еще болѣе согласною съ этими внутренними сокровищами Рима его неприглядная, потемнѣвшая, запачканная наружность, такъ бранимая иностранцами. Ему бы непріятно было выйти послѣ всего этого на модную улицу съ блестящими магазинами, щедростью людей и экипажей: это было бы чѣмъ-то развлекающимъ, святотатственнымъ. Ему лучше нравилась эта скромная тишина улицъ, это особенное выраженіе римскаго населенія, этотъ призракъ восемнадцатаго вѣка, еще мелькавшій по улицѣ то въ видѣ чорнаго аббата съ трехъ-угольною шляпой, чорными чулками и башмаками, то въ видѣ старицы въ пурпурной кардинальской кареты съ позлащенными осями, колесами, карнизами и гербами—все какъ-то согласовалось съ важностью Рима: этотъ живой, не торопящійся народъ, живописно и покойно расхаживающій по улицамъ, закинувъ полу-плащъ, или набросивъ себѣ на плечо куртку, безъ тягостнаго выраженія въ лицахъ, которое такъ поражало его на синихъ блузахъ и на всемъ народонаселеніи Парижа. Тутъ самая нищета

являлась въ какомъ-то свѣтломъ видѣ, беззаботная, незнакомая съ терзаніемъ и слезами, безнечно и живописно протягивавшая руку; картинные полки монаховъ, переходившіе улицы въ длинныхъ бѣлыхъ или черныхъ одеждахъ; нечистый рыжій капуцинъ вдругъ вспыхнувшій на солнцѣ свѣтоверблюжьимъ цвѣтомъ, наконецъ это населеніе художниковъ, собравшихся со всѣхъ сторонъ свѣта, которые бросили здѣсь узенькіе лоскуточки одѣлій европейскихъ и явились въ свободныхъ живописныхъ нарядахъ; ихъ величественныя осанистыя бороды, снятыя съ портретовъ Леонарда да Винчи и Тиціана, такъ непохожія на тѣ уродливыя, узкія бородки, которыя французъ передѣлываетъ и стрижетъ себѣ по пяти разъ въ мѣсяцъ. Тутъ художникъ почувствовалъ красоту длинныхъ волнующихся волосъ и позволилъ имъ разсыпаться кудрями. Тутъ самый нѣмецъ съ кривизной ногъ своихъ и безперехватностью стана получилъ значительное выраженіе, разнеся по плечамъ золотистые свои локоны, драпируясь легкими складками греческой блузы, или бархатнымъ нарядомъ, извѣстнымъ подъ именемъ cinquecento, которое усвоили себѣ только одни художники въ Римѣ. Слѣ-

ды строгаго спокойствія и тихаго труда отражались на ихъ лицахъ. Самые разговоры и мнѣнія, слышимые на улицахъ, въ кафе, въ остеріяхъ, были вовсе противоположны и не похожи на тѣ, которые слышались ему въ городахъ Европы. Тутъ не было толковъ о понизившихся фондахъ, о камерныхъ преніяхъ, объ испанскихъ дѣлахъ: тутъ слышались рѣчи объ открытой недавно древней статуѣ, о достоинствѣ кисти великихъ мастеровъ, раздавались споры и разногласія о выставленномъ произведеніи новаго художника, толки о народныхъ праздникахъ, и наконецъ частные разговоры, въ которыхъ раскрывался человекъ, и которые вытѣснены изъ Европы скучными общественными толками и политическими мнѣніями, изгнавшими сердечное выраженіе съ лицъ.

Часто оставлялъ онъ городъ для того, чтобы оглянуть его окрестности, и тогда его поражали другія чудеса. Прекрасны были эти нѣмныя, пустынные римскія поля, усыпанные останками древнихъ храмовъ, съ невыразимымъ спокойствіемъ разстланная вокругъ, гдѣ пламеня сплошнымъ золотомъ отъ слившихся вмѣстѣ желтыхъ цвѣтковъ, гдѣ блеща жаромъ раздутаго угля отъ пунцовыхъ листовъ дикаго мака. Онъ представ-

аяли четыре чудные вида на четыре стороны: съ одной соединялись онъ прямо съ горизонтомъ одной рѣзкой ровной чертой, арки водопроводовъ казались стоящими на воздухѣ и какъ-бы наклеенными на блистающемъ серебряномъ небѣ. Съ другой—надъ полями сіяли горы, не вырываясь порывисто и безобразно какъ въ Тироля или Швейцаріи, но согласными плавучими линиями выгибаясь и склоняясь, озаренныя чудною ясностью воздуха, онѣ готовы были улетѣть въ небо; у подошвы ихъ неслася длинная аркада водопроводовъ подобно длинному фундаменту, и вершина горъ казалась воздушнымъ продолженіемъ чуднаго зданія, и небо надъ ними было уже не серебряное, но невыразимаго цвѣта весенней сирени. Съ третьей—эти поля увѣнчивались тоже горами, которыя уже ближе и выше возносились, выступая сильнѣе передними рядами и легкими уступами уходя вдаль. Въ чудную постепенность цвѣтовъ облекалъ ихъ тонкій голубой воздухъ; и сквозь это воздушно-голубое ихъ покрывало сіяли чуть примѣтные дома и виллы Фраскати, гдѣ тонко и легко тронутые солнцемъ, гдѣ уходящіе въ свѣтлую мглу пылившихся вдаль, чуть примѣтныхъ рощей. Когда же

обращался онъ вдругъ назадъ, тогда представлялась ему четвертая сторона вида: поля оканчивались самымъ Римомъ. Сіяли рѣзко и ясно углы и линіи домовъ, круглость куполовъ, статуи Латранскаго Іоанна и величественный куполъ Петра, вырастающій выше и выше, по мѣрѣ отдаленія отъ него, и властительно остающійся наконецъ однимъ на всемъ полугоризонтѣ, когда уже совершенно скрылся весь городъ. Еще лучше любилъ онъ оглянуть эти поля съ террасы которой-нибудь изъ виллъ Фраскати, или Альбано въ часы захожденія солнца. Тогда онъ казался необозримымъ моремъ, сіяющимъ и возносившимся изъ темныхъ перилъ террасы; отлогости и линіи исчезали въ обнявшемъ ихъ свѣтѣ. Сначала онъ еще казался зеленоватыми, и по нимъ еще видѣлись тамъ и тамъ разбросанныя гробницы и арки, потомъ онъ сквозилъ уже свѣтлой желтизною въ радужныхъ отбѣнкахъ свѣта, едва выказывая древніе остатки, и наконецъ становился пурпурный и пурпурный, поглощая въ себя и самый безмѣрный куполъ и сливаясь въ одинъ густой малиновый цвѣтъ, и одна только сверкающая вдали золотая полоса моря отдѣляла ихъ отъ пурпурнаго, такъ же,

какъ и онъ, горизонта. Нигдѣ, никогда ему не случилось видѣть, чтобы поле превращалось въ пламя, подобно небу. Долго, полный невыразимаго восхищенія, стоялъ онъ предъ такимъ видомъ, и потомъ уже стоялъ такъ, просто, не восхищаясь, позабывъ все, когда и солнце уже скрывалось, потухалъ быстро горизонтъ и еще быстрее потухали вмигъ померкнувшія поля, вездѣ устанавливалъ свой темный образъ вечеръ, надъ развалинами огнистыми фонтанами подымались свѣтящіяся мухи, и неуклюжее крылатое наскокомъ, несущееся стоймя, какъ человекъ, извѣстное подъ именемъ дьявола, ударялось безъ толку ему въ очи. Тогда только онъ чувствовалъ, что наступившій холодъ южной ночи уже схватилъ его всего, и спѣшилъ въ городскія улицы, чтобы не схватить южной лихорадки.

Такъ протекала жизнь его въ созерцаніяхъ природы, искусствъ и древностей. Среди этой жизни почувствовалъ онъ, болѣе нежели когда-либо, желаніе проникнуть поглубже исторію Италіи, доселѣ ему извѣстную эпизодами, отрывками; безъ нея казалось ему неполно настоящее, и онъ жадно принялся за архивы, лѣтописи и записки. Онъ теперь могъ ихъ читать не такъ,

какъ италіянецъ-домосѣдъ, входящій и тѣломъ и душою въ читаемыя событія и не видящій изъ-за обступившихъ его лицъ и происшествій всей массы цѣлаго. Онъ теперь могъ оглядывать все покойно какъ изъ ватиканскаго окна. Пребываніе въ Италіи въ виду шума и движенія дѣйствующихъ народовъ и государствъ служило ему строгою повѣркою всѣхъ выводовъ, сообщило многосторонность и всеобъемлющее свойство его глазу. Читая, теперь онъ еще болѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастнѣй, былъ пораженъ величіемъ и блескомъ минувшей эпохи Италіи. Его изумляло такое быстрое, разнообразное развитіе человека на такомъ тѣсномъ углу земли, такимъ сильнымъ движеніемъ всѣхъ силъ. Онъ видѣлъ, какъ здѣсь кипѣлъ человекъ, какъ каждый городъ говорилъ своею рѣчью, какъ у каждого города были цѣлые томы исторіи; какъ разомъ возникли здѣсь всѣ образы и виды гражданства и правленій: волнующіяся республики сильныхъ непокорныхъ характеровъ и полновластные деспоты среди ихъ, цѣлый городъ царственныхъ купцовъ, опутанный сокровенными правительственными нитями подъ призракомъ единой власти дожа. Призванные чужеземцы сре-

ди туземцевъ, сильные напоры и отпоры въ пѣдрѣ незначительнаго городка, почти сказочный блескъ герцоговъ и монарховъ крохотныхъ земель, меценаты, покровители и гонители, цѣлый рядъ великихъ людей, столкнувшихся въ одно и то же время, лира, циркуль, мечъ и налитра, храмы воздвигающіеся среди браней и волненій, вражда, кровавая месть, великодушныя черты, и кучи романтическихъ происшествій частной жизни среди политическаго, общественнаго вихря и чудная связь между ними: такое изумляющее раскрытіе всѣхъ сторонъ жизни политической и частной, такое пробужденіе въ столь тѣсномъ объемѣ всѣхъ элементовъ чловѣка, совершавшихся въ другихъ мѣстахъ только частями и на большихъ пространствахъ! — И все это исчезло и прошло вдругъ, все застыло, какъ погаснувшая лава, и выброшено даже изъ памяти Европою, какъ старый ненужный хламъ. Нигдѣ, даже въ журналахъ, не выказываетъ бѣдная Італія своего развѣченнаго чела, лишенная значенія политическаго, а съ нимъ и вліянія на міръ.

«И неужели» думалъ онъ: «не воскреснетъ никогда ея слава? Неужели нѣтъ средствъ возвра-

титъ минувшій блескъ ея?» И вспомнилъ онъ то время, когда еще въ университетѣ, въ Луккѣ, бредилъ онъ о возобновленіи ея минувшей славы, какъ это было любимой мыслью молодежи, какъ за стаканами добродушно и простосердечно мечтала она о томъ, и увидѣлъ онъ теперь, какъ близорука была молодежь, и какъ близоруки бываютъ политики, упрекающіе народъ въ безпечности и лѣни. Почувалъ онъ теперь, смутясь, Великій Перстъ, передъ нимъ же повергается въ прахъ и тѣньюющій человекъ, Великій Перстъ, начертывающій свѣтле всемірныя событія. ОНЪ вызвалъ изъ среды ея же гонимаго ея гражданина, бѣднаго Генуэзца, который одинъ убилъ свою отчизну, указавъ міру невѣдомую землю и другіе широкіе пути. Раздался всемірный горизонтъ, огромнымъ размахомъ закинулъ движенія Европы, понеслись вокругъ свѣта корабли, двинувъ могучія съверныя силы. Осталось пусто Средиземное море; какъ обмелѣвшее рѣчное русло, обмелѣла обойденная Италія. Стоитъ Венеція, отразивъ въ адріатическія волны свои потухнувшіе дворцы, и разрывающей жалостью проникается сердце иностранца, когда поникшій гондольеръ влечетъ его подъ пустынными стѣнами

и разрушенными перилами безмолвныхъ, мраморныхъ балконовъ. — Онѣмѣла Феррара, пугая дикой мрачностью своего герцогскаго дворца. Глядять пустынно на всемъ пространствѣ Италіи ся наклонныя башни и архитектурныя чудда, очутясь среди равнодушнаго къ нимъ поколѣнія. Звонкое эхо раздастся въ шумѣвшихъ когда-то улицахъ, и бѣдный ветуринъ подызжастъ къ грязной остеріи, поселившейся въ великолѣпномъ дворцѣ. Въ нищенскомъ вретницѣ очутилась Италія, и пыльными отрепьями висять на ней куски ся померкнувшей царственной одежды.

Въ порывѣ душевной жалости готовъ онъ былъ даже лить слезы. Но утѣшительная, величественная мысль приходила сама къ нему въ душу, и чуялъ онъ другимъ высшимъ чутьемъ, что не умерла Италія, что слышится ся неотразимое вѣчное владычество надъ всемъ міромъ, что вѣчно вѣетъ надъ нею ся великій геній, уже въ самомъ началѣ завязавшій въ груди ся судьбу Европы, внесшій крестъ въ Европейскіе темные лѣса, захватившій гражданскимъ багромъ на дальнемъ краю ихъ дикообразнаго человека, закипѣвшій здѣсь впервые всемірной торговлей, хит-

рой политикой и сложностью гражданских пружинъ, вознесшійся потомъ всѣмъ блескомъ ума, вѣнчавшій чело свое святымъ вѣнцомъ поэзіи, и когда уже политическое вліяніе Италіи стало исчезать, развернувшійся надъ міромъ торжественными дивами — искусствами, подарившими человеку невѣдомыя наслажденія и божественныя чувства, которыя дотолѣ не подымались изъ лоно души его. Когда же и вѣкъ искусства сокрылся, и къ нему охладѣли погруженные въ расчеты люди, онъ вѣсть и разносится надъ міромъ въ завывающихъ волнахъ музыки, и на берегахъ Сены, Невы, Темзы, Москвы, Средиземнаго, Чернаго моря, въ стѣнахъ Алжира, и на отдаленныхъ, еще недавно дикихъ островахъ, гремятъ восторженные плески звонкимъ пѣвцамъ. Наконецъ самой ветхостью и разрушеніемъ своимъ онъ грозно владычествуетъ нынѣ въ мірѣ: эти величавыя архитектурныя чуда остались, какъ призраки, чтобы попрекнуть Европу въ ея китайской мелочной роскоши, въ игрушечномъ раздробленіи мысли. И самое это чудное собраніе отжившихъ міровъ, и прелесть соединенія ихъ съ вѣчно-цвѣтущей природой, все существуетъ для того, чтобы будить мірѣ, чтобы жителю

сѣвера, какъ сквозь сонъ представлялся иногда этотъ югъ; чтобъ мечта о немъ вырывала его изъ среды хладной жизни, преданной замятѣямъ, очерствляющимъ душу, вырвала бы его оттуда, блеснувъ ему нежданно упоющею въ даль перспективой, коллизейскою ночью при лунѣ, прекрасноумирающей Венеціей, невидимымъ небеснымъ блескомъ и теплыми поцалуями чудеснаго воздуха; чтобы хоть разъ въ жизни былъ онъ прекраснымъ человекомъ....

Въ такую торжественную минуту онъ примирялся съ разрушеніемъ своего отечества, и зрѣлись тогда ему во всемъ зародыши вѣчной жизни, вѣчно лучшаго будущаго, которое вѣчно готовить міру его вѣчный Творецъ. Въ такія минуты онъ даже весьма часто задумывался надъ нынѣшнимъ значеніемъ римскаго народа. Онъ видѣлъ въ немъ матеріалъ еще непочатой. Еще ни разу не игралъ онъ роли въ блестящую эпоху Италіи. Отмѣчали на страницахъ исторіи имена свои папы, да аристократическіе дома, но народъ оставался незамѣтенъ. Его не зацѣплялъ ходъ двигавшихся внутри и въ его интересовъ; его не коснулось образованіе и не взметнуло вихремъ сокрытыя въ немъ силы. Въ его приро-

дѣ заключалось что-то младенчески-благородное. Эта гордость римскимъ именемъ, въ-слѣдствіе которой часть города, считая себя потомками древнихъ квиритовъ, никогда не вступала въ брачныя союзы съ другими. Эти черты характера, смѣшаннаго изъ добродушія и страстей, показывающія свѣтлую его натуру: никогда римлянинъ не забывалъ ни зла, ни добра, онъ или добрый или злой, или расточитель или скряга; въ немъ добродѣтели и пороки въ своихъ самородныхъ слояхъ, и не смѣшались, какъ у образованнаго человека, въ неопредѣленные образы, у котораго всякихъ страстишекъ поцѣмному подъ верховнымъ начальствомъ эгоизма; эта невоздержность и порывъ развернуться на всѣ деньги — заманка сильныхъ народовъ, все это имѣло для него значеніе. Эта свѣтлая, непритворная веселость, которой теперь нѣтъ у другихъ народовъ; вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, ему казалось, что стараются тѣшиться народъ; здѣсь, напротивъ, онъ тѣшится самъ. Онъ самъ хочетъ быть участникомъ; его на-силу удержишь въ карнавалѣ; все, что ни накоплено имъ въ продолженіе года, онъ готовъ промотать въ эти полторы недѣли, все усадить онъ на одинъ нарядъ:

одѣнется паяцомъ, женщиной, постомъ, докторомъ, графомъ, вретъ чепуху и лекціи, и слушающему и не слушающему, — и веселость эта обнимаетъ, какъ вихорь, всѣхъ отъ сорока-лѣтняго до мальчишки; послѣдній бобыль, которому не во-что одѣться, выворачиваетъ себѣ куртку, вымазываетъ лицо углемъ и бѣжитъ туда же, въ пеструю кучу. И веселость эта прямо изъ его природы; ею не хмѣль дѣйствуетъ — тотъ же самый народъ освещетъ пьянаго, если встрѣтитъ его на улицѣ. Потомъ черты природнаго художественнаго инстинкта и чувства: онъ видѣлъ, какъ простая женщина указывала художнику погрѣшность въ его картинѣ; онъ видѣлъ, какъ выражалось невольно это чувство въ живописныхъ одеждахъ, въ церковныхъ убранствахъ, какъ въ Дженсано народъ убиралъ цвѣточными коврами улицы; какъ разноцвѣтные листики цвѣтовъ обращались въ краски и тѣни, на мостовой выходили узоры, кардинальскіе гербы, портретъ папы, вензеля, птицы, звѣри и арабески. Какъ наканунѣ Свѣтлаго воскресенья продавцы съѣстныхъ припасовъ, *пиццикареры* убирали свои лавчонки: свиные окорока, колбасы, бѣлые пузыри, ^и лимоны и листья обращались въ мо-

занку и составляли плафонъ; круги пармезановъ и другихъ сыровъ, ложасть одинъ на другой, становились въ колонны; изъ сальныхъ свѣчей составлялась бахрама мозаичнаго занавѣса, драпировавшаго внутреннїя стѣны; изъ сала бѣлаго, какъ снѣгъ, отливались цѣлыя статуи, историческія группы христїанскихъ и библейскихъ содержаній, которыя изумленный зритель принималъ за алебастровыя—вся лавочка обращалась въ свѣтлый храмъ, сіяя позлащенными звѣздами, искусно освѣщаясь развѣшанными шкаликами и отражая зеркалами безконечныя кучи лицъ. Для всего этого нужно было присутствіе вкуса, и пиццикарле дѣлалъ это не изъ какихъ-нибудь доходовъ, но для того, чтобы полюбовались другіе и полюбоваться самому. Наконецъ народъ, въ которомъ живетъ чувство собственнаго достоинства, здѣсь онъ il popolo, а не чернь, и носитъ въ своей природѣ прямыя начала времени первоначальныхъ квиритовъ; его не могли даже совратить наѣзды иностранцевъ, развратителей пребывающихъ въ бездѣйствїи націй, наѣзды, порождающіе по трактирамъ и дорогамъ презрѣннѣйшій классъ людей, по которымъ путешественникъ произноситъ часто сужденіе обо всемъ народѣ. Самая

цельность правительственных постановлений, эта безсвязная куча всяких законовъ, возникшихъ во все времена и отношенія и не уничтоженныхъ понынѣ, между которыми даже есть эдикты времени древней римской республики — все это не искоренило высокаго чувства справедливости въ народъ. Онъ порицаетъ несправедливаго притязателя, освистываетъ гробъ покойника и впрягается великодушно въ колесницу, везущую тѣло, любезное народу. Самые поступки духовенства, часто соблазнительные, произведшіе бы въ другихъ мѣстахъ развратъ, почти не дѣйствуютъ на него: онъ умѣетъ отдѣлать религію отъ лицемерныхъ исполнителей, и не заразился холодной мыслью невѣрія. Наконецъ, самая нужда и бѣдность—неизбѣжный удѣлъ стоячаго государства, не ведутъ его къ мрачному злодѣйству: онъ веселъ и переноситъ все, и только въ романахъ, да повѣстяхъ рѣжетъ по улицамъ. Все это показывало ему стихіи народа сильнаго, непочатаго, для котораго какъ будто-бы готовилось какое-то попріище впереди. Европейское просвѣщеніе какъ-будто съ умысломъ не коснулось его, и не водрузило въ грудь ему своего холоднаго усовершенствованія. Самое духовное

правительство, этот странный уцѣлѣвшій призракъ минувшихъ временъ, осталось какъ-будто для того, чтобы сохранить народъ отъ посторонняго вліянія, чтобы никто изъ честолюбивыхъ сосѣдей не посягнулъ на его личность, чтобы до времени въ тишинѣ таилась его гордая народность. Притомъ здѣсь, въ Римѣ, не слышалось чего-то умершаго; въ самыхъ развалинахъ и великолѣпной бѣдности Рима не было того томительнаго, проникающаго чувства, которымъ объемлется невольно человекъ, созерцающій памятники заживо-умирающей націи. Тутъ противоположное чувство: тутъ ясное, торжественное спокойство. И всякій разъ, соображая все это, князь предавался невольно размышленіямъ, и сталъ подозрѣвать какое-то таинственное значеніе въ словѣ «вѣчный Римъ».

Итогъ всего этого былъ тотъ, что онъ старался узнавать болѣе и болѣе свой народъ. Онъ его слѣдилъ на улицахъ, въ кафе, гдѣ въ каждомъ были свои посѣтители: въ одномъ антикваріи, въ другомъ стрѣлки и охотники, въ третьемъ кардинальскіе слуги, въ четвертомъ художники, въ пятомъ вся римская молодежь и римское щегольство; слѣдилъ въ остеріяхъ, чисто-римскихъ ос-

теріяхъ, куда не заходитъ иностранецъ, гдѣ римскій *pobile* садится иногда рядомъ съ Миненте, и общество скидаетъ съ себя сюртуки и галстуки въ жаркіе дни; слѣдилъ его въ загородныхъ живописно-невзрачныхъ трактиришкахъ съ воздушными окнами безъ стеколъ, куда семействами и компаніями наѣзжали римляне обѣдать, или, по ихъ выраженію, *far allegria*. Онъ садился и обѣдалъ вмѣстѣ съ ними, вмѣшивался охотно въ разговоръ, дивясь весьма часто простому здравому смыслу и живой оригинальности разсказа простыхъ, неграмотныхъ горожанъ. Но болѣе всего онъ имѣлъ случай узнавать его во время церемоній и празднествъ, когда всплываетъ наверхъ все народонаселеніе Рима, и вдругъ показывается несмѣтное множество дотоле неподозрѣваемыхъ красавицъ, красавицъ, которыхъ образы мелькаютъ только въ барельефахъ, да въ древнихъ антологическихъ стихотвореніяхъ. Эти полныя взоры, алебастровыя плечи, смолистые волосы, въ тысячи разныхъ образахъ поднятые на голову, или опрокинутые назадъ, картинно-произведенные насквозь золотой стрѣлой, руки, гордая походка, вездѣ черты и намекъ на серьезную классическую красоту, а не легкую прелесть граціозныхъ

женщинъ. Тутъ женщины казались подобными зданіямъ въ Италіи — онѣ или дворцы или лачужки, или красавицы или безобразныя; средины нѣтъ между ними: хорошенькихъ нѣтъ. Онѣ ими наслаждался, какъ наслаждался въ прекрасной поэмѣ стихами, выбившимися изъ ряду другихъ и насылающими свѣжительную дрожь на душу.

Но скоро къ такимъ наслажденіямъ присоединилось чувство, объявившее сильную борьбу всѣмъ прочимъ, чувство, которое вызвало изъ душевнаго дна сильныя человѣческія страсти, поднимающія демократическій бунтъ противъ высокаго единодержавія души — онѣ увидѣлъ Анниунціату. И вотъ такимъ-образомъ мы добрались наконецъ до свѣтлаго образа, который озарилъ начало нашей повѣсти.

Это было во время карнавала. «Сегодня я не пойду на Корсо» сказалъ принчипе своему *maestro di casa*, выходя изъ дому: «мнѣ надоѣдетъ карнавалъ, мнѣ лучше правятся лѣтніе праздники и церемоніи....»

«Но развѣ это карнавалъ?» сказалъ старикъ: «это карнавалъ ребятъ. Я помню карнавалъ: когда по всему Корсо ни одной кареты не было, и

всю ночь гремѣла по улицамъ музыка; когда живописцы, архитекторы и скульпторы выдумывали цѣлыя группы, исторіи; когда народъ, князь понимаетъ весь народъ, всѣ, всѣ золотильщики, рамщики, мозаичисты, прекрасныя женщины, вся синьорія, всѣ nobili, всѣ, всѣ, всѣ... o quanta allegria! Вотъ когда былъ карнавалъ, такъ карнавалъ, а теперь что за карнавалъ! э!» сказалъ старикъ, и пожалъ плечами, потомъ опять сказалъ: «э!» и пожалъ плечами, и потомъ уже произнесъ: «E una porcheria!» — Затѣмъ maestro di casa, въ душевномъ порывѣ, сдѣлавъ необыкновенно сильный жестъ рукою, но утишина, увидѣвъ, что князя давно предъ нимъ не было. Онъ былъ уже на улицѣ. Не желая участвовать въ карнавалѣ, онъ не взялъ съ собой ни маски, ни желѣзной сѣтки на лицо, и забросившись плащомъ, хотѣлъ только пробраться чрезъ Корсо на другую половину города. Но народная толпа была слишкомъ густа. Едва только продрался онъ между двухъ человѣкъ, какъ уже попотчивали его сверху мукой; пестрый арлекинъ ударилъ его по плечу трещоткою, пролетѣвъ мимо съ своей коломбичною; «конфетти» и пучки цвѣтовъ полетѣли ему въ глаза, съ двухъ сторонъ стали ему жужжать

въ уши: съ одной стороны графъ, съ другой медикъ, читавшій ему длинную лекцію о томъ, что у него находится въ желудочной кишкѣ. Пробиться между нихъ не было силъ, потому-что народная толпа возрасла, цѣнь экипажей, уже не будучи въ возможности двинуться, остановилась. Вниманіе толпы занялъ какой-то смѣльчакъ, нагавшій на ходуляхъ наравнѣ съ домами, рискуя всякую минуту быть сбитымъ съ ногъ и грохнуться на-смерть о мостовую. Но объ этомъ, кажется, у него не было заботы. Онъ тащилъ на плечахъ чучелу великана, придерживая ее одной рукою, несъ въ другой написанный на бумагѣ сонетъ, съ придѣланнымъ къ нему бумажнымъ хвостомъ, какой бываетъ у бумажнаго змѣя, и крича во весь голосъ: *Ecco il gran poeta morto! Ecco il suo sonetto colla coda* (вотъ умершій великій поэтъ! вотъ его сонетъ съ хвостомъ). * Этотъ смѣльчакъ сгустилъ за собою толпу до такой степени, что князь едва могъ перевести духъ. Наконецъ вся толпа двинулась впередъ за мертвымъ

* Въ италіанской поэзіи существуетъ родъ стихотворенья, извѣстнаго подъ именемъ сонета съ хвостомъ (*con la coda*), когда мысль не выѣстилась и ведетъ за собою прибавленіе, которое часто бываетъ длиннѣе самаго сонета.

потомъ; цѣпь экипажей тронулась, чему онъ обрадовался сильно, хоть народное движеніе сбило съ него шляпу, которую онъ теперь бросился подымать. Поднявши шляпу, онъ поднялъ вмѣстѣ и глаза, и остолебѣлъ: предъ нимъ стояла неслыханная красавица. Она была въ сіяющемъ альбанскомъ нарядѣ въ ряду двухъ другихъ, тоже прекрасныхъ женщинъ, которыя были предъ ней, какъ ночь передъ днемъ. Это было чудо въ высшей степени. Все должно было померкнуть предъ этимъ блескомъ. Глядя на нее, становилось ясно, почему италіянскіе поэты и сравниваютъ красавицъ съ солнцемъ. Это именно было солнце, полная красота! Все, что разсыпалось и блистаетъ поодиночкѣ въ красавицахъ міра, все это собралось сюда вмѣстѣ. Взглянувши на грудь и бюстъ ея, уже становилось очевидно, чего недостаетъ въ груди и бюстахъ прочихъ красавицъ. Предъ ея густыми блистающими волосами показались бы жидкими и мутными всѣ другіе волосы. Ея руки были для того, чтобы всякаго обратить въ художника,—какъ художникъ, глядѣлъ бы онъ на нихъ вѣчно, не смѣядохнуть. Передъ ея ногами показались бы щепками ноги англичанокъ, нѣмокъ, французенокъ и женщинъ всѣхъ другихъ націй;

одни только древніе ваятели удержали высокую идею красоты ихъ въ своихъ статуяхъ. Это была красота полная, созданная для того, чтобы всѣхъ равно ослѣпить. Тутъ не нужно было имѣть какой-нибудь особенный вкусъ; тутъ всѣ вкусы должны были сойтися, всѣ должны были повергнуться ницъ: и вѣрующій и невѣрующій упали бы передъ ней, какъ предъ внезапнымъ появленіемъ божества. Онъ видѣлъ, какъ весь народъ, сколько его тамъ ни было, заглядѣлся на нее, какъ женщины выразили невольное изумленіе на своихъ лицахъ, смѣшанное съ наслажденіемъ, и повторяли: «о, bella!» какъ все, что ни было, казалось, превратилось въ художника и смотрѣло пристально на одну ее. Но въ лицѣ красавицы написано было только одно вниманіе къ карнавалу: она смотрѣла только на толпу и на маски, не замѣчая обращенныхъ на нее глазъ, едва слушая стоявшихъ позади ея мужчинъ въ бархатныхъ курткахъ, вѣроятно родственниковъ, пришедшихъ вмѣстѣ съ ними. Князь принимался было спрашивать у стоявшихъ подлѣ него: кто была такая чудная красавица и откуда? Но вездѣ получалъ въ отвѣтъ одно только пожатіе плечъ, сопровождаемое жестомъ, и слова: «не

знаю, должно быть, иностранка *». Недвижный, притаивъ дыханье, онъ поглощалъ ее глазами. Красавица наконецъ навела на него свои полныя очи, но тутъ же смутилась и отвела ихъ въ другую сторону. Его пробудилъ крикъ: передъ нимъ остановилась громадная телега. Толпа находившихся въ ней масокъ въ розовыхъ блузахъ, назвавъ его по имени, принялась качать въ него мукой, сопровождаемая однимъ длиннымъ восклицаніемъ: «у, у, у!...» И въ одну минуту съ ногъ до головы былъ онъ усыпанъ бѣлою пылью, при громкомъ смѣхѣ всѣхъ обступившихъ его соседей. Весь бѣлый, какъ снѣгъ, даже съ бѣлыми рѣсницами, князь побѣжалъ наскоро домой переодѣться.

Покаместъ онъ сбѣгалъ домой, пока успѣлъ переодѣться, уже только полтора часа оставалось до *Ave Maria*. Съ Корсо возвращались пустыя кареты: сидѣвшіе въ нихъ перебрались на балконы смотреть отгуда неперестававшую двигаться толпу, въ ожиданіи коннаго бѣга. При поворотѣ на Корсо, встрѣтилъ онъ телегу, полную мужчинъ, въ курткахъ, и сіяющихъ женщинъ, съ

* Римляне, всѣхъ, кто не живетъ въ Римѣ, называютъ иностранцами (*forestieri*), хотя бы они обитали только въ 10 миляхъ отъ города.

цвѣточными вѣнками на головахъ, съ бубнами и тимпанами въ рукахъ. Телега, казалось, весело возвращалась домой; бока ея были убраны гирляндами, спицы и ободья колесъ увиты зелеными вѣтвями. Сердце его захолонуло, когда онъ увидѣлъ, что среди женщинъ сидѣла въ ней поразившая его красавица. Сверкающимъ смѣхомъ озарялось ея лицо. Телега быстро промчалась при кликахъ и пѣсняхъ. Первымъ дѣломъ его было бѣжать вслѣдъ ея, но дорогу перегородилъ ему огромный поѣздъ музыкантовъ: на шести колесахъ везли страннишницей величнны скринку. Одинъ человекъ сидѣлъ верхомъ на подставкѣ, другой, идя съ боку ея, водилъ громаднымъ смычкомъ по четыремъ канатамъ, натянутымъ на нее вмѣсто струнъ. Скринка, вѣроятно, стояла большихъ трудовъ, издержекъ и времени. Впереди шло исполнискій барабанъ. Толпа народа и мальчишекъ тѣсно валила вслѣдъ за музыкальнымъ поѣздомъ, и шествіе замыкалъ извѣстный въ Римѣ своей толщиною «инцикароло» неся клистирную трубку вышнкою съ колокольню. Когда улица очистилась отъ поѣзда, князь увидѣлъ, что бѣжать за телегой глупо и поздно, и притомъ неизвѣстно, по какимъ дорогамъ понес-

лась она. Онъ не могъ однако же отказаться отъ мысли искать ее. Въ воображеніи его порхалъ этотъ сіяющій смѣхъ и открытыя уста съ чудными рядами зубовъ. «Это блескъ молніи, а не женщина!» повторялъ онъ въ себѣ, и въ то же время съ гордостью прибавлялъ: «она Римлянка; такая женщина могла только родиться въ Римѣ. Я долженъ непременно ее увидѣть; я хочу ее видѣть, не съ тѣмъ, чтобы любить ее, нѣтъ, я хотѣлъ бы только смотрѣть на нее, смотрѣть на всю ее, смотрѣть на ея очи, смотрѣть на ея руки, на ея пальцы, на блистающіе волосы. Не цаловать ее, хотѣлъ бы только глядѣть на нее. И что же? вѣдь это такъ должно быть, это въ законѣ природы; она не имѣетъ права скрыть и унести красоту свою. Полная красота дана для того въ міръ, чтобы всякій ее увидалъ, чтобы идею о ней сохранялъ вѣчно въ своемъ сердцѣ. Еслибы она была просто прекрасна, а не такое верховное совершенство, она бы имѣла право принадлежать одному, ее бы могъ онъ унести въ пустыню, скрыть отъ міра. Но красота полная должна быть видима всѣмъ. Развѣ великолѣпный храмъ строить архитекторъ въ тѣсномъ переулкѣ? Нѣтъ, онъ ставитъ его на открытой площади, чтобы че-

ловѣкъ со всѣхъ сторонъ могъ оглянуть его и по-
дивиться ему. Развѣ для того зажжонъ свѣтиль-
никъ, сказалъ Божественный Учитель, чтобы скры-
вать его и ставить подъ столъ? Нѣтъ, свѣтиль-
никъ зажжонъ для того, чтобы стоять на столѣ,
чтобы всѣмъ было видно, чтобы всѣ двигались
при его свѣтѣ. Нѣтъ, я долженъ ее видѣть не-
премѣнно». Такъ разсуждалъ князь, и потомъ
долго передумывалъ и перебиралъ всѣ средства,
какъ достигнуть этого, наконецъ, какъ каза-
лось, остановился на одномъ, и отправился тутъ
же, ни мало не медля, въ одну изъ тѣхъ отда-
ленныхъ улицъ, которыхъ много въ Римѣ, гдѣ
нѣтъ даже кардинальскаго дворца съ выставлен-
ными расписными гербами на деревянныхъ овалъ-
ныхъ щитахъ, гдѣ виднѣнъ номеръ надъ каж-
дымъ окномъ и дверью тѣснаго домишка, гдѣ
идетъ горбомъ выпученная мостовая, куда изъ
иностранцевъ заглядываетъ только развѣ пройдо-
ха нѣмецкій художникъ съ походнымъ стуломъ и
красками, да козелъ, отставшій отъ проходящаго
стада и остановившійся посмотреть съ изумленъ-
емъ, что за улица, имъ никогда невиданная. Тутъ
раздается звонко ленеть римлянокъ: со всѣхъ
сторонъ, изъ всѣхъ оконъ несутся рѣчи и пере-

говоры. Тутъ все откровенно, и проходящій можетъ совершенно знать всѣ домашнія тайны; даже мать съ дочерью разговариваютъ не иначе между собою, какъ высунувъ обѣ свои головы на улицу; тутъ мужчинъ незамѣтно вовсе. Едва только блѣснетъ утро, уже открываетъ окно и высывается сьора Сусанна; потомъ изъ другаго выказывается сьора Грація, надѣвая юбку; потомъ открываетъ окно сьора Паина; потомъ вылезаетъ сьора Лучія, расчесывая гребнемъ косу; наконецъ сьора Чечилія высовываетъ руку изъ окна, чтобы достать бѣлье на протянутой веревкѣ, которое тутъ же и наказывается за то, что долго не дало достать себя, наказывается скомканьемъ, киданьемъ на полъ и словами: *che bestia!* Тутъ все живо, все кипитъ: летитъ изъ окна башмакъ съ ноги въ шалуна-сына или въ козла, который, подошедъ къ корзинкѣ, гдѣ поставленъ годовою ребенокъ, принялся его нюхать и, наклоня голову, готовился ему объяснить, что такое значатъ рога. Тутъ ничего не было неизвѣстнаго: все извѣстно. Синьоры все знали, что ни есть: какой сьора Джюдита купила платокъ, у кого будетъ рыба за обѣдомъ, кто любовникъ у Барбаруччи, какой капуцинъ лучше исповѣдуетъ. Из-

рѣдка только вставляетъ свое слово мужъ, стоя-
щій обыкновенно на улицѣ, облокотясь у стѣны,
съ коротенькою трубкою въ зубахъ, почитавшій
необходимостью, услыша о капуцинѣ, прибавить
короткую фразу: «все мощенники»! послѣ чего
продолжалъ снова пускать себѣ подъ носъ дымъ.
Сюда не заѣзжала никакая карета, кромѣ развѣ
только одной двухъ-колесной трясучки, запряжен-
ной муломъ, привезшимъ хлѣбнику муку, и сон-
наго осла, едва дотащившаго перекидную корзину
съ броколами, несмотря на всѣ понуканья маль-
чишекъ, угобжающихъ камнями его нещекот-
ливые бока. Тутъ нѣтъ никакихъ магазиновъ,
кромѣ лавчонки, гдѣ продаются хлѣбъ и верев-
ки, съ стеклянными бутылками, да темнаго узень-
каго кафе, находящагося въ самомъ углу ули-
цы, откуда видѣнъ былъ безпрестанно выходив-
шій боттега, разносящій снѣборамъ кофе и
шеколадъ на козьемъ молокѣ, въ жестяныхъ ма-
ленькихъ кофейничкахъ, извѣстный подъ име-
немъ: Авроры. Дома тутъ принадлежали двумъ,
тремъ, а иногда и четыремъ владѣльцамъ, изъ
которыхъ одинъ имѣетъ только пожизненное пра-
во, другой владѣетъ однимъ этажемъ и имѣетъ
право пользоваться съ него доходомъ только два

года, послѣ чего, въ слѣдствіе завѣщанія, этакъ долженъ былъ перейти отъ него къ padre Vincenzo на десять лѣтъ, у котораго однако же хотеть оттягать его какой-то родственникъ прежней фамиліи, живущій во Фраскати и уже заблаговременно затѣявшій процессъ. Были и такіе владѣльцы, которые владѣли однимъ окномъ въ одномъ домѣ, да другими двумя въ другомъ домѣ, да пополамъ съ братомъ пользовались доходами съ окна, за которое впрочемъ вовсе не платилъ несправный жилецъ — словомъ, предметъ нестоимый тяжбъ и продовольствія адвокатовъ и куріаловъ, наполняющихъ Римъ. Дамы, о которыхъ только-что было упомянуто, всѣ, какъ первоклассныя, честныя полными именами, такъ и второстепенныя, называвшіяся уменьшительными именами, всѣ Тетты, Тутты, Нанны, бѣльшею частію ничѣмъ не занимались; онѣ были супруги: адвоката, мелкаго чиновника, мелкаго торгаша, носильщика, факина, а чаще всего незанятаго гражданина, умѣвшаго только красиво драпироваться не весьма надежнымъ плащомъ.

Многія изъ синьоровъ служили моделями для живописцевъ. Тутъ были всѣхъ родовъ модели. Когда бывали деньги, онѣ проводили весело время

въ остеріи съ мужьями и цѣлой компаніей; не было денегъ — не были скучны и глядѣли въ окно. Теперь улица была тише обыкновеннаго, потому-что нѣкоторые отправились въ народную толпу на Корсо. Князь подошелъ къ ветхой двери одного домишка, которая вся была выверчена дырами, такъ-что самъ хозяинъ долго тыкалъ въ нихъ ключомъ, покаместъ не попалъ въ настоящую. Уже готовъ онъ былъ взяться за кольцо, какъ вдругъ услышалъ слова: «сюръ принчипе хочетъ видѣть Пенпе?» Онъ поднялъ голову вверхъ: изъ третьяго этажа глядѣла, высунувшись, сора Тутта.

«Экая крикунья!» сказала изъ супротивнаго окна сора Сусанна: «Принчипе, можетъ-быть, совсемъ принолъ не съ тѣмъ, чтобъ видѣть Пенпе».

«Конечно съ тѣмъ, чтобы видѣть Пенпе, не правда ли, князь? Съ тѣмъ, чтобы видѣть Пенпе, не такъ ли, князь? Чтобы увидѣть Пенпе?»

«Какой Пенпе, какой Пенпе!» продолжала съ жестомъ обѣими руками сора Сусанна: «князь сталъ бы думать теперь о Пенпе! Теперь время карнавала: князь поведетъ вмѣстѣ съ своей куджиной маркезой Монтелли, поведетъ съ друзья-

ми въ каретъ бросать цвѣты, поѣдетъ за городъ *far allegria*. Какой Пеппе! Какой Пеппе!»

Князь изумился такимъ подробностямъ о своемъ препровожденіи времени; но изумляться ему было нечего, потому-что съора Сусанна знала все.

«Нѣтъ, мои любезныя синьоры» сказалъ князь: «мнѣ точно нужно видѣть Пеппе».

На это дала отвѣтъ князю уже синьора Грація, которая давно высунулась изъ окошка второго этажа и слушала. Отвѣтъ дала она, слегка пощолкавъ языкомъ и покрутивъ пальцемъ — обыкновенный отрицательный знакъ у римлянъ — и потомъ прибавила: «нѣтъ дома».

«Но, можетъ-быть, вы знаете, гдѣ онъ, куда ушолъ?»

«О! куда ушолъ!» повторила съора Грація, приклонивъ голову къ плечу: «статься-можетъ въ остеріи, на площади, у фонтана; вѣрно, кто-нибудь позвалъ его, куда-нибудь ушолъ, *chi lo sa* (кто его знаетъ)!»

«Если хочетъ principle что-нибудь сказать ему» подхватила изъ сунротивнаго окна Барбаручья, вдѣвая въ то же время серьгу въ свое ухо: «пусть скажетъ мнѣ, я ему передамъ».

«Ну ибтъ» подумалъ князь, и поблагодарилъ за такую готовность. Въ это время выглянулъ изъ перекрестнаго переулка огромный запачканный носъ, и, какъ большой топоръ, повиснулъ надъ показавшимся вслѣдъ за нимъ губами и всѣмъ лицомъ: это былъ самъ Пеппе.

«Вотъ Пеппе!» вскрикнула сьора Сусанна.

«Вонъ идетъ Пеппе, signor principe!» вскрикнула живо изъ своего окна сьора Грація.

«Идетъ, идетъ Пеппе!» зазвенѣла изъ самаго угла улицы сьора Чечилія.

«Принчипе, принчипе! вонъ Пеппе! вонъ Пеппе! (ессо Перре, эссо Перре!)» кричали на улицѣ ребяташки.

«Вижу, вижу!» сказалъ князь, оглушонный такимъ живымъ крикомъ.

«Вотъ я, eccellenza! вотъ!» сказалъ Пеппе, снимая шапку. Онъ, какъ видно, уже успѣлъ попробовать карнавала: его откуда-нибудь съ боку хватилو сильно мукою; весь бокъ и спина были у него выбѣлены совершенно, шляпа изломана, и все лицо было убито бѣлыми гвоздями. Пеппе уже былъ замѣчательнъ потому, что всю жизнь свою остался съ уменьшительнымъ именемъ своимъ Пеппе. До Джбузеппе онъ никакъ не добрал-

ся, хотя и посядѣлъ. Онъ происходилъ даже изъ хорошей фамиліи, изъ богатаго дома негоціанта, но послѣдній домишка былъ у него оттяганъ тяжбой. Еще отецъ его, человекъ тоже въ родѣ самаго Пеппе, хотя и назывался сіор Джіованни, проѣлъ послѣднее имущество, и онъ мыкалъ теперь свою жизнь подобно многимъ, то есть, какъ приходилось: то вдругъ опредѣлялся слугой у какого-нибудь иностранца, то былъ на посылкахъ у адвоката, то являлся убирателемъ студіи какого-нибудь художника, то сторожемъ виноградника или вишны, и, по мѣрѣ того, измѣнялся на немъ безпрестанно костюмъ. Иногда Пеппе попадался на улицѣ въ круглой шляпѣ и широкомъ сюртукѣ, иногда въ узенькомъ кафтанѣ, лопнувшимъ въ двухъ или трехъ мѣстахъ, съ такими узенькими рукавами, что длинныя руки его выглядывали оттуда, какъ метлы; иногда на ногѣ его являлся поповскій чулокъ и башмакъ; иногда онъ показывался въ такомъ костюмѣ, что ужъ и разобрать было трудно, тѣмъ болѣе, что все это было надѣто вовсе не такъ, какъ слѣдуетъ: иной разъ, просто, можно было подумать, что онъ надѣлъ на ноги вмѣсто панталонъ, куртку, собравши и завязавши ее кое-какъ сзади. Онъ

былъ самый радушный исполнитель всѣхъ возможныхъ порученій, часто вовсе безъинтересно: тащилъ продавать всякую ветошь, которую поручали дамы его улицы, пергаминаыя книги разорившагося аббата или антикварія, картину художника; заходилъ по утрамъ къ аббатамъ забирать ихъ панталоны и башмаки для почистки къ себѣ на домъ, которые потомъ позабывалъ въ урочное время отнести назадъ, отъ излишняго желанья услужить кому-нибудь попавшемуся третьему, и аббаты оставались арестованными безъ башмаковъ и панталонъ на весь день. Часто ему перепали порядочныя деньги; но деньгами онъ распоряжался по-римски, то есть, на-завтра никогда почти ихъ не ставало, не потому, чтобы онъ тратилъ на себя или проѣдалъ, но потому, что все у него шло на лотерею, до которой былъ онъ страшный охотникъ. Врядъ ли существовалъ такой нумеръ, котораго бы онъ не попробовалъ. Всякое незначущее ежедневное происшествіе у него имѣло важное значеніе. Случилось ли ему найти на улицѣ какую-нибудь дрянъ, онъ тотъ же часъ справлялся въ гадательной книгѣ, за какимъ нумеромъ она тамъ стоитъ, съ тѣмъ, чтобы его тотъ же часъ же взять въ лотерей. Приснился ему однаж-

ды сонъ, что сатана—который и безъ того ему снился, неизвестно по какой причинѣ, въ началѣ каждой весны—что сатана потащилъ его за носъ по всѣмъ крышамъ всѣхъ домовъ, начиная отъ церкви св. Игнатія, потомъ по всему Корсо, потомъ по переулку *tre Ladroni*, потомъ по *via della stamperia*, и остановился наконецъ у самой *trinita* на лѣстницѣ, приговаривая: «вотъ тебѣ, Пеппе, за то, что ты молился св. Панкратію: твой билетъ не выиграетъ». Сонъ этотъ произвелъ большіе толки между сьорой Чечиліей, сьорой Сусанной и всей почти улицей; но Пеппе разрѣшилъ его по-своему: сбѣгалъ тотъ же часъ за гадательной книгой, узналъ, что чортъ значить 13 нумеръ, носъ 24, святой Панкратій 30, и взялъ въ то же утро всѣ три нумера. Потомъ сложилъ всѣ три нумера, вышелъ: 67, онъ взялъ и 67. Всѣ четыре нумера, по обыкновенью, лопнули. Въ другой разъ случилось ему завести перепалку съ виноградаремъ, толстымъ римляниномъ, сьоромъ Рафаелемъ Томачели. За что они поссорились, Богъ ихъ вѣдаетъ, но кричали они громко, производя сильные жесты руками, и наконецъ оба поблѣднѣли — признакъ ужасный, при которомъ обыкновенно со страхомъ высовываются изъ оконъ

всѣ женщины, и проходящій пешеходъ отстора-
нивается подальше—признакъ, что дѣло доходитъ
наконецъ до ножей. И точно, толстый Томачели
запустилъ уже руку за ременное голенище, об-
тягивавшее его толстую икру, чтобы вытащить
оттуда ножъ, и сказалъ: «погоди ты, вотъ я тебя;
телячья голова!» какъ вдругъ Пенне ударилъ се-
бя рукою по лбу и убѣжалъ съ мѣста битвы. Онъ
вспомнилъ, что на телячью голову онъ еще ни
разу не взялъ билета; отыскалъ номеръ телячьей
головы и побѣжалъ бѣгомъ въ лотерейную кон-
тору, такъ-что всѣ приготовившіеся смотрѣть кро-
вавую сцену, изумились такому неожиданному по-
ступку, и самъ Рафаэль Томачели, засунувши об-
ратно ножъ въ голенище, долго не зналъ, что ему
дѣлать, и наконецъ сказалъ: *che uomo curioso!*
(какой странный человекъ!) Что билеты лопались
и пропадали, этимъ не смущался Пенне. Онъ былъ
твердо увѣренъ, что будетъ богачемъ, и потому,
проходя мимо лавокъ, спрашивалъ почти всегда,
что стоитъ всякая вещь. Одинъ разъ, узнавши,
что продается большой домъ, онъ зашелъ на-
рочно поговорить объ этомъ съ продавцомъ; и
когда стали надъ нимъ смѣяться знавшіе его,
онъ отвѣчалъ очень простодушно: «но к чему

смѣяться, к чему смѣяться? Я вѣдь не теперь хотѣлъ купить, а послѣ, со-временемъ, когда будутъ деньги. Тутъ ничего нѣтъ такого.... всякій долженъ пріобрѣтать состояніе, чтобы оставить потомъ дѣтямъ, на церковь, бѣднымъ, на другія разныя вещи.... *chi lo sa*». Онъ уже давно былъ извѣстенъ князю, были даже когда-то взяты отцомъ его въ домъ въ качествѣ офиціанта, и тогда же прогнанъ за то, что въ мѣсяцъ износилъ свою ливрею и выбросилъ за окно весь туалетъ стараго князя, нечаянно толкнувъ его локтемъ.

«Послушай, Пеппе!» сказалъ князь.

«Что хочетъ приказать *esselenza*?» говорилъ Пеппе, стоя съ открытою головою: «князю стоитъ только сказать: Пеппе! а я — вотъ я. Потомъ князь пусть только скажетъ:—слушай, Пеппе, а я: *ессо ме esselenza*».

«Ты долженъ, Пеппе, сдѣлать мнѣ теперь вотъ какую услугу....» При сихъ словахъ князь взглянулъ вокругъ себя, и увидѣлъ, что всѣ сьоры Граціи, сьоры Сусанны, Барбаруччи, Тетты, Тутты, всѣ, сколько ихъ ни было, выставились любопытно изъ окна, а бѣдная сьора Чечилія чуть не вывалилась вовсе на улицу.

«Ну, дѣло плохо!» подумалъ князь: «пойдемъ Пеппе, ступай за мною!»

Сказавши это, онъ пошелъ впередъ, а за нимъ Пеппе, потупивъ голову и разговаривая самъ съ собою: «Э! женщины, потому и любопытны, потому-что женщины, потому-что любопытны».

Долго шли они изъ улицы въ улицу, погружаясь каждый въ свои соображенія. Пеппе думалъ вотъ о чемъ: «князь дастъ вѣрно какое-нибудь порученіе, можетъ-быть важное, потому-что не хочетъ сказать при всѣхъ, стало-быть дастъ хорошій подарокъ или деньги. Если же князь дастъ денегъ, что съ ними дѣлать? Отдавать ли ихъ сьору Сервиліо, содержателю кафе, которому онъ давно долженъ, потому-что сьоръ Сервиліо на первой же недѣлѣ поста непременно потребуетъ съ него денегъ, потому-что сьоръ Сервиліо усадилъ всѣ деньги на чудовищную скринку, которую собственноручно дѣлалъ три мѣсяца для карнавала, чтобъ проѣхаться съ нею по всѣмъ улицамъ, — теперь вѣроятно сьоръ Сервиліо долго будетъ ѣсть, вмѣсто жаренаго на вертелѣ козленка, одни брокколи, вареные въ водѣ, пока не наберетъ вновь денегъ за кофе. Или же не платить сьору Сервиліо, да вмѣсто того позвать его

объдать въ остерію, потому-что споръ Сервиліо *il vero Romano*, и за предложенную ему честь будетъ готовъ потерпѣть долгъ — а лотерея непременно начнется со второй недѣли поста. Только какимъ-образомъ до того времени уберечь деньги, какъ сохранить ихъ такъ, чтобы не узналъ ни Джакомо, ни мастеръ Петруччо, точильщикъ, которые непременно попросятъ у него въ займы, потому-что Джакомо заложилъ въ Гету жидамъ все свое платье, а мастеръ Петруччо тоже заложилъ свое платье въ Гету жидамъ, и разорвалъ на себѣ юбку и послѣдній платокъ жены, нарядясь женщиною.... какъ сдѣлать такъ, чтобы не дать имъ въ-займы?» — вотъ о чемъ думалъ Пеппе.

Князь думалъ вотъ о чемъ: «Пеппе можетъ разыскать и узнать имя, гдѣ живетъ и откуда и кто такая красавица. Вонервыхъ, онъ всѣхъ знаетъ, и потому больше нежели всякій другой можетъ встрѣтить въ толпѣ пріятелей, можетъ чрезъ нихъ развѣдать, можетъ заглянуть во всѣ кафе и остеріи, можетъ заговорить даже, не возбудивъ ни въ комъ подозрѣнія своей фигурой. И хотя онъ подчасъ болтунъ и разсѣянная голова, однако,

если обязать его словомъ настоящаго римлянина, онъ сохранить все втайнѣ».

Такъ думалъ князь, идя изъ улицы въ улицу, и наконецъ остановился, увидѣвши, что уже давно перешолъ мостъ, давно уже былъ въ Трансверской сторонѣ Рима, давно взбирается на гору, и не далеко отъ него церковь S. Pietro in Montorio. Чтобы не стоять на дорогѣ, онъ вошелъ на площадку, съ которой открывался весь Римъ, и произнесъ, обратившись къ Пеппе: «слушай, Пеппе, я отъ тебя потребую одной услуги».

«Что хочетъ есселенза?» сказалъ опять Пеппе.

Но тутъ князь взглянулъ на Римъ и остановился: передъ нимъ въ чудной сіяющей панорамѣ предсталъ вѣчный городъ. Вся свѣтлая груда домовъ, церквей, куполовъ, острокопечій, сильно освѣщена была блескомъ понизившагося солнца. Группами и поодиночкѣ одинъ изъ-за другаго выходили дома, крыши, статуи, воздушныя террасы и галлерей; тамъ нестрѣла и разыгрывалась масса тонкими верхушками колоколенъ и куполовъ съ узорною капризностью фонарей; тамъ выходилъ цѣликомъ, темный дворецъ; тамъ плоскій куполъ Пантеона; тамъ убранная верхушка

антониновской колонны съ капителью и статуей апостола Павла; еще правѣ возносили верхи капитолійскія зданія съ конями, статуями; еще правѣ надъ блестящей толпой домовъ и крышъ величественно и строго подымалась темная ширина коллизейской громады; тамъ опять играющая толпа стѣнъ, террасъ и куполовъ, покрытая ослѣпительнымъ блескомъ солнца. И надъ всей сверкающей массой темнѣли вдали своей черною зеленью верхушки каменныхъ дубовъ изъ виллы Людовизи, Медичисъ, и цѣлымъ стадомъ стояли надъ ними въ воздухѣ куполообразныя верхушки римскихъ пиинъ, поднятыя тонкими стволами. И потомъ во всю длину всей картины возносились и голубѣли прозрачныя горы, легкія какъ воздухъ, объятые какимъ-то фосфорическимъ свѣтомъ. Ни словомъ, ни кистью нельзя было передать чуднаго согласія и сочетанія всѣхъ плановъ этой картины! воздухъ былъ до того чистъ и прозраченъ, что малѣйшая чорточка отдаленныхъ зданій была ясна, и все казалось такъ близко, какъ-будто можно было схватить рукою. Послѣдній мелкій архитектурный орнаментъ, узорное убранство карниза — все означалось въ непостижимой чистотѣ. Въ это время раздались пушеч-

ный выстрѣлъ и отдаленный слившійся крикъ народной толпы — знакъ, что уже пробѣжали кони безъ свидоковъ, завершающіе день карнавала. Солнце опускалось ниже къ землѣ; румянѣе и жарче сталъ блескъ его на всей архитектурной массѣ: еще живѣй и ближе сдѣлался городъ; еще темнѣй зачернѣли пнины, голубѣе и фосфоричѣе стали горы; еще торжественнѣй и лучше готовый погаснуть небесный воздухъ.... Боже! какой видъ! Князь, объятый имъ, позабылъ и себя, и красоту Анунціаты, и таинственную судьбу своего народа, и все, что ни есть на свѣтѣ.

Конецъ третьяго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

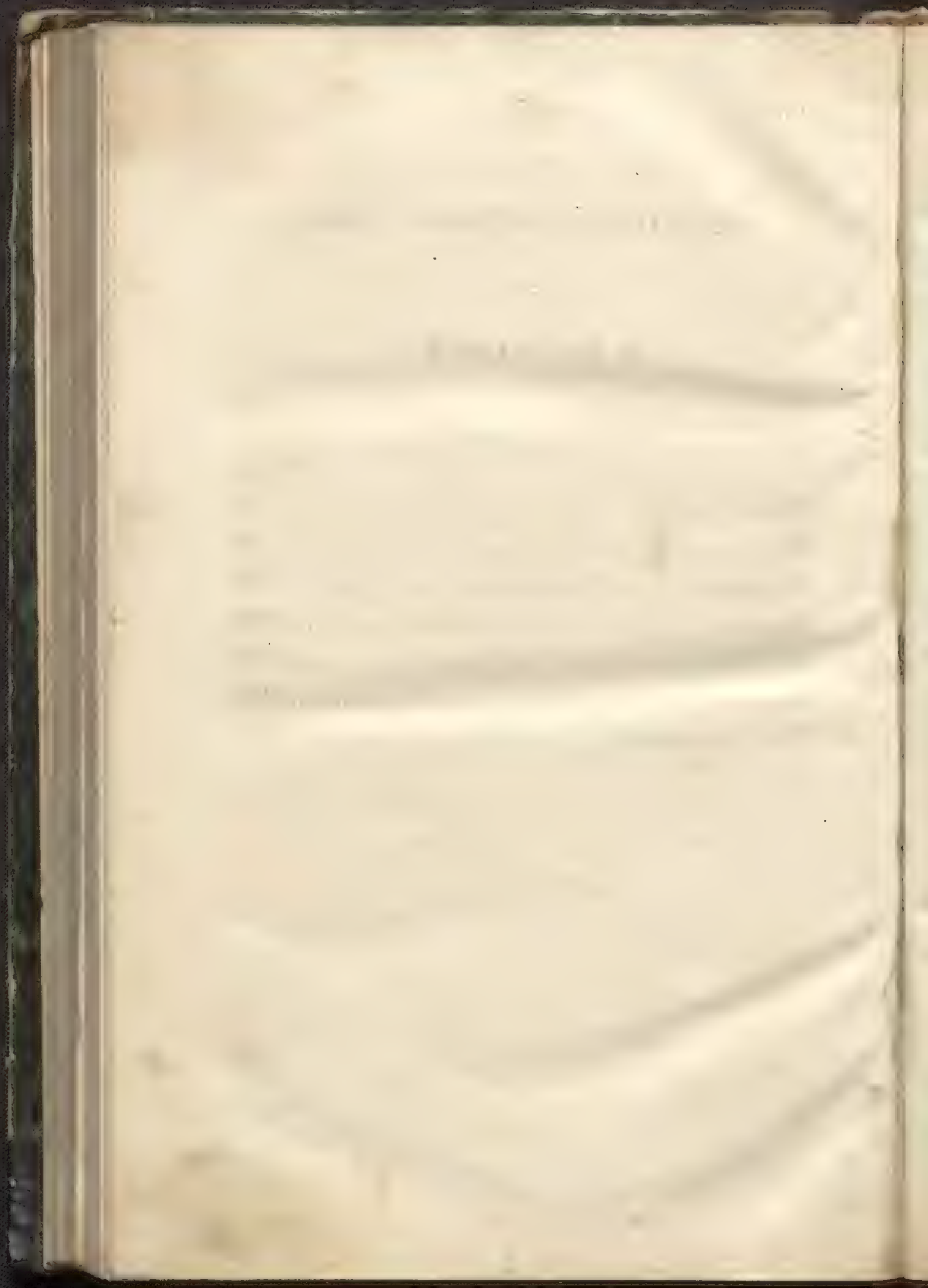
=

П О В Ъ С Т И.

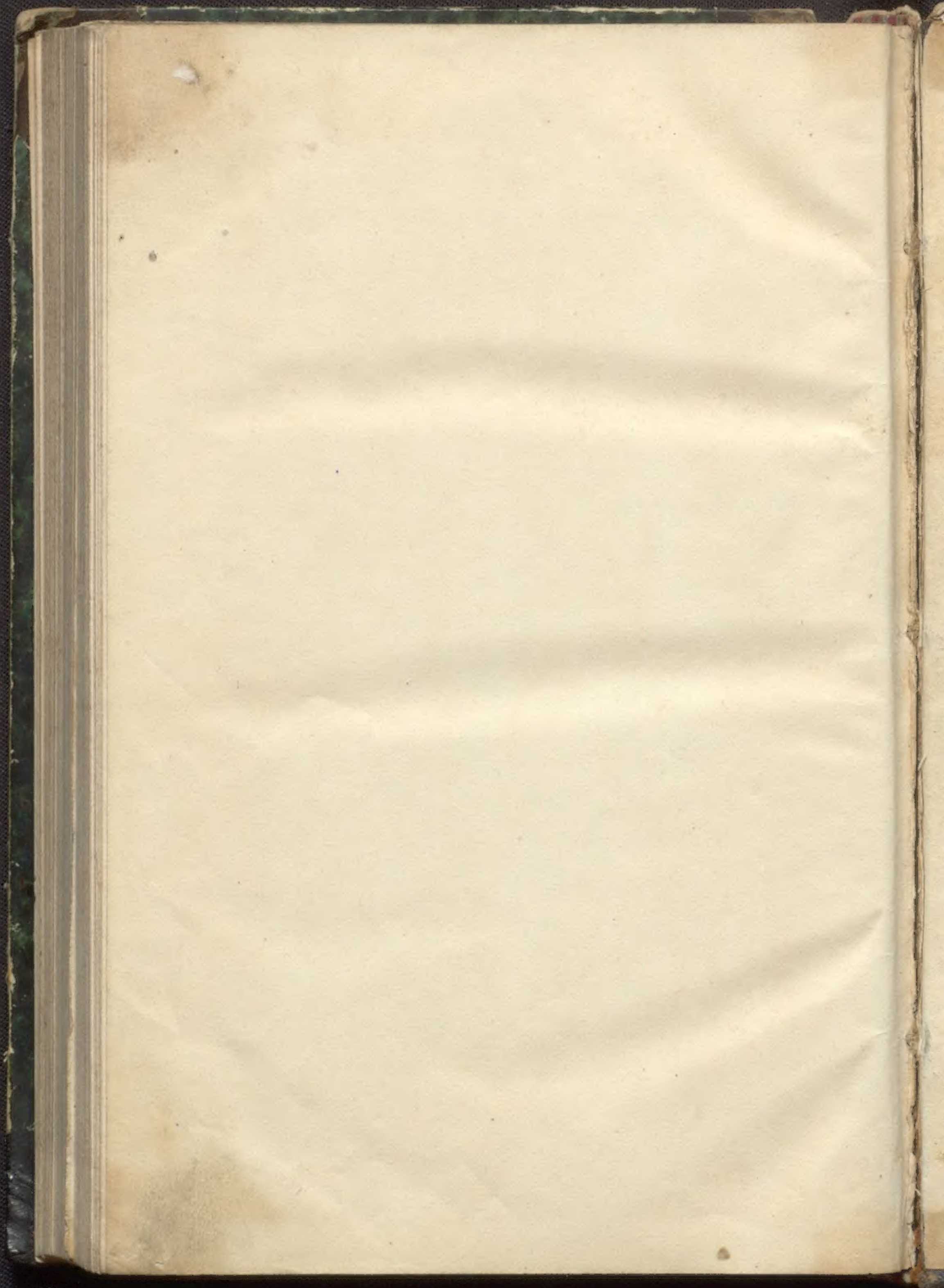
=

	страи.
Невскій проспектъ.....	9
Посъ.....	83
Портретъ.....	135
Шинель	249
Коляска.....	315
Записки сумашедшаго.....	341
Римъ (отрывокъ).....	386

—

СОЧИНЕНИЯ

ГОТЛЯ.

2

